

КОНАН И ВОИН ИЗ ПРОРОЧЕСТВА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ	КОНАН И БОГИ ТЫМЫ	КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА	КОНАН ПРОСАЕТ ВЫЗОВ	КОНАН И ПОВАЛЫ ПЕЩЕР	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ	КОНАН И ИНДИСКА СЕКИРА	КОНАН ИА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЯ
1	2	3	4	5	6	7	8	9
КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ	КОНАН И ДАР МИТЫ	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНИКИ	КОНАН И ГРОТ ДАИОМЫ	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРДУЩЕГО	КОНАН И ПРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЛ	КОНАН И ПСЫ ВОЯНЫ	КОНАН И ТАКСИСАН ЗЛА	КОНАН И БЫЧ НЕРГАЛА
10	11	12	13	14	15	16	17	18
КОНАН И ГОРОД ПАВИЛЬОНОВ ЛУШ	КОНАН И ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕЙ	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМНА	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШАСТО	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА	КОНАН ВАРЛАР ИЗ КИММЕРИИ	КОНАН И РЫКИЙ ЯСТРЕБ	КОНАН И ПАРНО-ФИК ВЕДЫ
19	20	21	22	23	24	25	26	27
КОНАН И ЗАСВОР ТЕНЕЙ	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА	КОНАН И БРАТА ВЕЧНОСТИ	КОНАН И АЛАМУНИ ЛАЙМРИНГ	КОНАН И РАСКРОМЛЕННЫЙ ИДОЛ	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ	КОНАН И АДАЛНОЙ СТРАЖ	КОНАН И ТОРОВЫМ ГРЕЗАМИ	КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ
28	29	30	31	32	33	34	35	36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ	КОНАН И ПОКОЯЩАЕМЫЕ ПЛОТИ	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАЛЫЩА	КОНАН И ОКОНЫ БЕЗМОДИЯ	КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕВЕС	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ	КОНАН И КОМЛЮ ВЛАСТИ	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ	КОНАН И ТРОРОК ТЫМЫ
37	38	39	40	41	42	43	44	45
КОНАН И ТИЕВ СЕТА	КОНАН И ХРАМ ЮНОН	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ	КОНАН И МИТЕЖ ЧЕТЫРЕХ	КОНАН И КАВАМО ЗМЕЙ	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА	КОНАН И КОРОНА МИРА	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА
46	47	48	49	50	51	52	53	54
КОНАН И СТИЖЕЕ ЗЛО	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА	КОНАН И СКАЗ ХАОСА	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА	КОНАН И СВИТИЩЕ ПИКТОВ	КОНАН И ПОВАЛЫ МОЛНИИ	КОНАН И ТИТРЫ ХАЙБОРИЯ	КОНАН И ВАЛДИНИК БУРН	КОНАН И САЛА ИСЛОАНИИ
55	56	57	58	59	60	61	62	63
КОНАН И САУТА ТУМАНА	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ	КОНАН И ОБИТЕЛЬ АРАКОНОВ	КОНАН И НАСАДЕНИЕ МЕРТВЫХ	КОНАН И БАХЕТ АРТОГА	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ	КОНАН И ТАНЦЫ ПУСТОТЫ	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА	КОНАН И ГОМОС КРОВИ
64	65	66	67	68	69	70	71	72

Дуглас Брайан

КОНАН И ВОИН ИЗ ПРОРОЧЕСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 26.01.07. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 25,20. Тираж 5000 экз. Заказ № 5921.

Брайан, Д.

Б87 Конан и воин из пророчества : [роман] / Дутлас Брайан. —
М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2007. — 478, [3] с. —
(Конан).

ISBN 5-17-041428-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-388-9 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киннериц скитаются по свету в поисках приключений. Они
охотятся на загадочных чудовищ, воюют с колдунами и пекромантами
от Венди до Кхитая и восстанавливают справедливость по всей
Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© А. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2006

Пролог Возвращение в Патампур

пешить было некуда. Конан пробирался сквозь влажные вендинские джунгли, проклиная собственную самоуверенность и подозрительность местных властителей. Кто бы мог подумать, что раджа Калимегдана, великий Аурангзеб, до сих пор помнит загорелого синеглазого великана чужой расы, что утащил прямо у него из-под носа сокровищницу из ограбленного каравана! Ведь с тех времен прошло не менее пятнадцати лет. Столько воды утекло, столько денег было добыто Конаном — и спущено на ерунду, пропито в кабаках, потеряно на больших дорогах...

Должно быть, сильно досадил Конан радже, если тот сразу узнал в незнакомце-чужаке, который явился к нему предложить свой меч, того самого негодяя!

«Вот уж не подозревал, что он такой злопамятный», — бормотал себе под нос Конан.

Киммериец досадовал на себя. Следовало получше расспросить в придорожной таверне о том, кто правит сейчас в Калимегдане. Обычно такие, как этот Аурангзеб, долго на престоле не задерживаются: их свергают их же собственные соратники. Жестокий, хитрый, подозрительный, не брезгающий никакими средствами, Аурангзеб давно должен был уже лежать в могиле.

А он жил, процветал и даже помнил Конана! «Нельзя же быть таким долговечным, — сердился на него Конан, когда опасность уже осталась позади, и киммериец мог позволить себе иронизировать. — Не говоря уж о мелочности. Подумаешь, один ларец с женскими побрякушками и двумя сотнями золотых монет сомнительной чеканки! Да я давно уж и забыл, на что потратил всю эту ерунду... И для чего ему женские побрякушки? Насколько я помню, во дворце почти не было женщин. Не до женщин ему было, этому Аурангзебу, он был занят исключительно войной... Он и сейчас занят этой войной, чтоб ему провалиться!»

Джунгли окружали Конана, надежно скрывая от преследователей. Обезьянки верещали где-то наверху, спрятанные в густой листве. Яркие птицы пролетали над головой.

Погоня осталась позади: жители Калимегдана не решились идти по следам киммерийца так далеко.

Конан знал, куда он отправится теперь. В Патампур. Судьба занесла его в Вендию, страну легендарных сокровищ и таинственных красавиц, и киммериец не собирался покидать ее вот так просто, без добычи и приключений.

Много веков тянулась вражда между владыками Калимегдана и раджами Патампура. Подумав об этом, Конан усмехнулся. Быть может, удача еще улыбнется ему! Насколько киммериец успел понять, эти два властителя не успели помириться за ничтожный срок в десять лет. Ну еще бы! Ведь столь великие повелители людских судеб, коими представляют себя оба раджи, мыслят не иначе, как в масштабах столетий и тысячелетий. Им желают здравия на ближайшую тысячу лет — как будто богами не отмерено каждому из них не более, чем сотня, как и всем прочим людям. Они сами именуют себя «господами господ» и едва ли не равняются с богами.

Конан, хорошо знавший, как хрупка человеческая жизнь и как легко бывает оборвать ее, мог только пожимать плечами, слыша нечто подобное. С другой стороны, если «господа господ» до сих пор враждуют, то им понадобится лишний наемный меч. Конан полагал, что поступает здраво, предлагая свои услуги сперва тому из противников, кто мог заплатить ему больше. Ну а когда тот припомнит (несмотря на свое ве-

личие) делишки пятнадцатилетней давности, варвар благополучно унес из Калимегдана ноги и погрузился во влажное лоно джунглей — теперь он направлялся к городу-сопернику Калимегдана, к Патампуре.

Киммериец сам удивлялся себе. Сколько всяких знаний, и полезных, и совершенно бесполезных, застягли в его памяти за годы странствий! Ему казалось порой, что о той или иной мелочи он уже позабыл, но стоило ему вернуться в те края, где он пережил приключение или имел поучительную беседу, — и все подробности вспоминались ему так ярко, словно он узнал их только вчера.

Так случилось и на этот раз.

* * *

Калимегдан был богатым городом и желал сделаться еще богаче. Окрестные князьки сдавались радже Аурангзебу один за другим. Они приносили ему клятву верности, отдавали дочерей в его гарем, платили ему дань. Все меньше и меньше становилось в округе независимых городков и селений. Даже храмы местных божеств — и те подчинялись Аурангзебу.

Сопротивлялся только раджа Авенир. Он пытался сплотить тех, кто еще не утратил свободы, вокруг своего города, Патампуря. Только

все вместе они смогут дать Аурангзебу достойный отпор. В противном случае всех их ожидает рабство под пятой суворого Аурангзеба.

Одно время казалось, будто все мечты Авенира закончатся ничем. Что он толкает людей к бессмысленной войне, что все это приведет лишь к страшному кровопролитию, после которого и Патампур, и прочие маленькие города, села и храмы с их землями и угодьями, — все попадут в окончательное рабство к властителям Калимегдана. Так после бурного багрового заката наступает непроглядная ночь.

А затем появилось пророчество.

Глава первая Предсказание

дним из первых о пророчестве узнал сам раджа Аурангзеб, а самого пророка первым встретил никто иной, как киммериец Конан.

Они столкнулись на большой дороге, на караванной тропе, что проходила по широкой, покрытой густыми травами равнине. Если свернуть к югу, то окажешься в густых влажных джунглях, где каждый город — череда величественных строений из светлого, украшенного резьбой камня — кажется истинным подарком и творением не человеческих рук, но божественных. Если же от этой тропы отступить к северу, то можно очутиться в безводных краях и погибнуть.

Медленно двигался по равнине всадник — крепкий мужчина средних лет. Ни жар пылающего над головой солнца, ни прилетающая издали вонь пожарищ от сожженных воинами Ау-

рангзеба селений, ни опасность, что, возможно, грозила ему в эту самую минуту, — ничто, казалось, не могло отвлечь его от размышлений.

Конан догнал его без труда. Тот даже не повернул головы, когда услышал за спиной стук копыт чужой лошади и громкий оклик:

— Эй, друг!

Киммериец встал у него на пути. Остановился и всадник.

Конан с интересом рассматривал его. Простая одежда, незапоминающееся лицо. Похож на гирканца: острый нос, темные быстрые глаза... И ленивая улыбка, свойственная жителям южной Вендии.

— Приветствуя тебя, — произнес незнакомец равнодушно.

— Любая встреча для одинокого путника — событие, — сказал Конан.

— Сматывя какой путник, — отзывался незнакомец, — сматывя какая встреча... и сматывя какое одиночество.

— А-а... — разочарованно протянул Конан. Впервые за время их разговора тень любопытства мелькнула на лице незнакомца.

— Что-то в моем ответе показалось тебе не-приятным? — осведомился он.

— Да, — сказал Конан прямо. — Судя по твоей витиеватой фразе, ты — мудрец или что-то вроде того.

Незнакомец рассмеялся, и смех сразу преобразил его лицо, сделал его приятным. С таким человеком охота подружиться, вдруг понял Конан. Хочется, чтобы он смеялся и вот так весело покачивал головой, засыпав от тебя какую-нибудь шутку или просто глупость.

— Ты не любишь мудрецов, киммериец?

Если Конан и удивился, то постарался не показать виду. На самом деле он ОЧЕНЬ удивился — едва не упал с лошади, засыпав такое. Конан готов был поклясться, что до него самого ни один киммериец никогда не забирался так далеко от родных ледяных гор.

Каким же образом этот вендиец понял, с кем имеет дело?

Пытаясь изъясняться сухо и сдержанно, Конан ответил ему:

— Да, я не люблю мудрецов. Сказать по правде, я терпеть их не могу! Пару раз мне доводилось выдавать себя за такого, но тогда я пользовался изречениями и прочими фокусами моего приятеля, кхитайца Тьянь-По. Я даже учился в одном кхитайском храме! И, доложу тебе, тошнотворное это было занятие... Сплошная болтовня. Видел, как фигляр на базаре подбрасывает шарики? Вот примерно то же самое, только вместо шариков — слова и мысли.

— Для человека, не любящего мудрецов, ты довольно связно излагаешь свои мысли. — Незнакомец, щурясь, разглядывал рослого варвара. — И это меня заинтересовало в тебе. Внешне ты похож на неотесанного...

Конан поднял руку.

— Ни слова больше! Ненавижу цивилизованных людей, ненавижу мудрецов, но больше всего — ненавижу колдунов.

— По-твоему, мудрость, цивилизованность и колдовство — это одно и то же?

— По-моему, они состоят в тесном родстве, — убежденно произнес Конан.

— Не стану тебя отговаривать, — вздохнул незнакомец.

— Да, потому что это бесполезно, — буркнул варвар.

— Меня зовут Шлока, — сообщил мудрец.

— Вендиец, — добавил Конан.

Шлока опять рассмеялся:

— Понимаю.

Конан вскинул брови:

— Что ты понимаешь?

— Это — твоя маленькая месть за «киммерийца». Я угадал, кто ты такой, а ты угадал, кто я такой. Теперь мы квиты и можем стать друзьями, как ты считаешь?

— Это зависит от того, куда ты направляешься, — сказал варвар.

— Еще одна удивительная черта твоего характера. Ты выбираешь себе друзей в зависимости от направления дороги!

Конан пожал плечами.

— Разве так не все поступают?

— Только ты.

— Стало быть, и мудрецу есть чему поучиться у варвара, — сообщил Конан, и Шлока рассмеялся в третий раз.

— Веселый ты человек, — сказал мудрец, вытирая слезы, выступившие на глазах от смеха.

Шлока жил не для себя и потому практически никогда не испытывал страха. Нить его судьбы находилась в руках богов; глупой случайности не оборвать ее — в этом мудрец был уверен твердо. Ни один воин, если только не будет он орудием свирепой богини Кали, не убьет Шлоку. Да, вендийский мудрец твердо верил в это. Служение людям он избрал своим уделом, и мысли его были поглощены одним: жестокой участью его народа.

С того самого времени, когда властители Калимегдана начали подминать под себя всех соседей, Шлока не знал покоя. В образе орла летал он над той областью южной Вендии, которую считал своей родиной, и видел одно и то же: картины бедствий и разрушений.

Он видел, как воины Аурангзеба выскакивают из джунглей, пробравшись тайными тропа-

ми, и врываются в поселения. Как их кони топчут маленькие хижины, как сверкают сабли, опускающиеся на головы бегущих людей, как кричат девушки, когда чужаки хватают их и забрасывают к себе в седло. Он видел матерей, что закрывали собой детей и погибали под ударами мечей и копий. Видел детей, сгоравших вместе с домами, откуда они не могли выбраться. Видел караваны рабов...

И все это время Авенир, раджа Патампурा, пытался объединить соседей и создать единое княжество, способное отразить атаки Аурангзеба. И всегда Авенир терпел неудачу.

Одной из главных причин этой неудачи, насколько знал Шлока, было то обстоятельство, что Авенир родился не воином. Воинами были отец и дед Авенира, однако сам владыка Патампурा появился на свет слабеньким, хилым, и одновремя даже полагали, что он умрет, не дожив до отроческих лет.

Что ж, «пророки» ошиблись: сын раджи вырос и сам, в свою очередь, сделался раджой. Это был правитель-книгочей. Он окружал себя такими же книгочеями.

Наивысшим наслаждением была для него ученая беседа. Он избегал тренировок с оружием, не любил верховой езды и почти все свое время проводил в саду, возле фонтана, с большим блюдом фруктов и свежих медовых лепе-

шек, с раскрытой книгой и добрым собеседником.

Иногда он плакал. Слезы раджи видел только Шлока — перед приближенными властитель Патампуря стыдился раскрывать свою душу, однако от мудреца он не таился, поскольку это было бессмысленно — Шлока и без того все знал.

— Я не воин, — говорил ему, вздыхая, Авенир. — Что же мне делать? Как поступить? Как спасти свой народ от рабства? Воины Аурангзеба подбираются к Патампуре все ближе. Говорят, недавно их видели уже в соседнем селении... Что я скажу людям, когда мои подданные придут просить у меня защиты?

— Да, ты не воин, — задумчиво отвечал ему Шлока. — Но воин еще появится и отразит врача. Я уверен в этом, ибо не бывает иначе. Так говорят мне боги. Свирепая Кали улыбалась мне, и я видел другое ее лицо — лицо благой и любящей богини... Да, воин придет. Но пока этого не случилось, ты должен сражаться теми средствами, которые дали тебе боги.

— Но боги не дали мне никаких средств, чтобы сражаться! — в отчаянии воскликнул Авенир.

Шлока медленно поднял руку и остановил раскрытую ладонь на уровне лба своего царственного собеседника.

— Боги наделили тебя умом и знаниями, — проговорил Шлока. — Доверяй этому своему оружию. Ты можешь вести переговоры с соседями. Ты в состоянии убедить их прекратить мелкие взаимные распри, забыть глупые обиды и объединиться перед лицом общего врага. Твой язык — самое сильное твое оружие. Подумай, какое ужасное бедствие нас постигло! И уже не в первый раз случилось так, что мелкие князьки и предводители племен не в состоянии договориться между собой. Аурангзеб разбивает разрозненные племена по одиночке. Как маленько-му селению противостоять полчищам врагов? Они гибнут один за другим, втоптаные в грязь копытами чужих коней... Ты сумеешь найти правильные слова. Тебя начнут слушать.

Авенир кивал, соглашаясь, и Шлока уезжал. Шлока не мог подолгу оставаться на одном месте. В его жилах бурлила беспокойная кровь, которая постоянно звала его в дорогу. И хотя он никогда далеко не уезжал от тех краев, где родился, все же сидеть сиднем в Патампуре он был не в состоянии. Хотя раджа и предлагал ему хорошее, сытное место придворного мудреца. Уговаривал, улещивал. Даже показывал ему тайком красавиц, которых сулил своему мудрецу в жены.

Шлока стойко отвергал все соблазны. Одиночество манило его.

— Ты сможешь быть в одиночестве столько, сколько твоей душе будет угодно, — убеждал его раджа. — Никто не посмеет тревожить твой покой.

Шлока качал головой.

— Как можно быть поистине одиноким в городе?

— Ты отгородишься от людей каменной стеной. Никто не войдет в твои покой.

Шлока смеялся:

— Никакое это не одиночество, раджа! Это — себялюбие. Когда я брошу по джунглям без спутника, я поистине одинок — и для этого мне не требуется каменная стена. Скажу более, я во-все не хочу отгораживаться от людей. Мое единение вовсе не для того, чтобы возводить между мною и людьми непроходимую стену...

Одна мысль снедала Шлоку: он неотступно размышлял о том воине, который должен спасти его народ от жестокого Аурангзеба. Кто остановит вражескую руку, занесенную над Патампуром?

Шлока спрашивал об этом богов — но тщетно. Боги не называли ему имени, не показывали ему лица. Они лишь давали ему надежду, и надежда эта росла в груди Шлоки, билась вместе с его сердцем.

Сколько раз ему случалось останавливать коня и прислушиваться, словно в надежде уло-

вить звук дыхания обетованного освободителя! Уже несколько лет ездил он по джунглям и караванным тропам с единственной целью: отыскать этого объединителя, открыть ему путь.

Никого. Нет ни знака, ни указания. Поиск не закончен. Он может продолжаться всю жизнь... Что ж, и к такому исходу готов был Шлока. Не разыщет он великого воина — найдут его другие. Рано или поздно он придет... Лишь бы это не случилось слишком поздно.

Конан внимательно выслушал рассказ Шлоки — тот открыл киммерийцу немногое, но и этого было достаточно, чтобы Конан ухватил суть происходящего. Синие глаза варвара загорелись:

— Может быть, это я?

— Ты? — Шлока уставился на своего неожиданного спутника с искренним изумлением. — Ты? О чём ты говоришь, Конан?

Киммериец пожал плечами и отвернулся, желая скрыть смущение, которое неожиданно (и так некстати) посетило его.

— Ну, возможно, это я — тот самый... великий воин... который всех тут освободит. Свалится на вашего раджу, как снег на голову, и всех спасет. Что скажешь? Похож я на него? Богиня Кали ничего обо мне не говорила?

Шлока медленно покачал головой:

— Вряд ли, Конан. Мне жаль тебя разочаровывать, но ты не вполне подходишь на такую роль.

— Почему? — Теперь варвар чувствовал себя разозленным и едва ли не обиженным, так что всякое смущение совершенно покинуло его. — Почему это я не гожусь для роли освободителя? К твоему сведению, я уже не в первый раз становлюсь мечом для владыки, который желает избавиться от врагов, а когда-нибудь я и сам стану королем, не будь я Конан-киммериец, иначе...

Он задохнулся и замолчал, сверля Шлока сердитым взглядом.

Мудрец едва заметно улыбнулся.

— Ты не годишься не потому, что ты — плохой воин. Напротив, я уверен в том, что ты не превзойденный рубака и по-своему честный человек.

Конан отчетливо скрипнул зубами — ему не понравилась оговорка «по-своему», — но ничего не сказал.

Шлока продолжал как ни в чем не бывало:

— Однако Вендия — не твоя родина, и весь твой интерес к этому делу вызван лишь теми сокровищами, что ты сможешь получить из казны Патампуря в случае успеха.

— Ну и что? — взъелся Конан. — По-твоему, это нечестно?

— Это честно, — спокойно отозвался Шлока, — но только для наемника. Пророчество, если только оно истинно, относится к человеку,

чье сердце принадлежит Вендии. Не к чужаку, сражающемуся за деньги.

— Между прочим, я мог бы за деньги выиграть битву, выдержать оборону или...

— Не продолжай! — Шлока поднял руку. — Прошу тебя, не продолжай. Я знаю, что твои возможности очень велики, Конан. Я понял это сразу, едва лишь увидел тебя. Но ты наемник, а боги редко дёлают пророчества о наемниках.

— Разве что специальные боги наемников, — пробурчал Конан. — Ладно, твоя взяла. Признаю, что ты иногда бываешь прав, Шлока. Учти, такое признание стоило мне немалых сил. Обычно я весьма низкого мнения об умственных способностях мудрецов и прочей цивилизованной швали...

Шлока хмыкнул.

— Вот мы и поняли друг друга, не так ли?

Конан заморгал:

— А что мы поняли? Поясни!

— Поясню, — весело ответил Шлока. — Ты едешь своей дорогой, а я — своей. Я буду продолжать мои поиски, а ты... займешься собственными делами.

Конан пожал плечами.

— Мои дела могут на время стать твоими, если хочешь.

— У меня нет денег, чтобы заплатить тебе, — предупредил Шлока.

— Можно подумать, это ты помешан на деньгах, а не я, — сказал киммериец. — Я проеду рядом с тобой часть пути совершенно бесплатно.

Некоторое время они ехали совершенно молча. Джунгли то подступали к тропе, то почти скрывались за горизонтом, но влажное дыхание тропического леса ощущалось в каждом порыве теплого южного ветра.

— Окружайте!

Громкий голос, прозвучавший совсем близко — и совершенно неожиданно, заставил Конана вздрогнуть и схватиться за меч. Его спутник сохранял полнейшую невозмутимость, только на его лице появилось сонное выражение, как будто он прислушивался к чему-то весьма далекому. Вершина плоского холма, мгновение назад совершенно пустынная, вдруг наполнилась жизнью: десяток всадников с желтыми султанами на шлемах выскочили, словно из-под земли, и впереди них — рослый, статный красавец в дорогой одежде. Парчовый халат распахивался на его груди, позволяя видеть позолоченную кирасу из твердой выделанной кожи.

Развернув коня, Шлока молча поехал прочь. Он не спешил, не пытался уйти от погони. Он вообще как будто не замечал этой помехи. Если воины Аурангзеба представляют себя своего рода стихией — стихией войны и сражений, — и не останавливаются, сметая все на своем пути,

то и мудрец может позволить себе подобную же отрешенность. Разве его мысли — не та же стихия? Отчего он должен отвлекаться на воинов, что наскакивают на него, точно псы на льва, и воображают, будто могут его укусить?

— Окружайте! — закричал предводитель в роскошном парчовом халате. — Хватайте его!

Его звали Шраддха, и богам было угодно сделать его мужем одной из дочерей Аурангзеба. Путь Шраддхи только начинался, и чего бы он ни отдал за то, чтобы возвыситься в глазах своего повелителя!

— Взять их! — громко, властно прокричал Шраддха.

Конан посмотрел на своего спутника и вложил меч в ножны. У Шлока явно было нечто на уме, если он даже в лице не переменился при виде отряда врагов. Киммериец подумал, что мог бы один перебить больше половины. Если Шлока умеет сражаться — а что-то в том, как держался мудрец, заставляло Конана сделать такое предположение, — то вторую половину неприятеля мог бы перебить сам Шлока. И они продолжили бы свой путь, обмениваясь многозначительными фразами, насмешками и намеками — игра, в которую варвар играл не хуже своего ученого спутника.

Но Шлока даже руки не поднял, чтобы защищаться.

И плотное кольцо мгновенно сомкнулось вокруг обоих всадников. Лошади кругом мотали головами и громко фыркали, воины угрожающе скалились, и тем же хищным блеском горели на солнце их сабли.

Спокойным взором Шлока ответил на бешеный взгляд черных глаз предводителя.

— Ты — Шлока, мудрец из Патампурा? — спросил тот, чуть задыхаясь.

— Да, так меня зовут, — прозвучал негромкий ответ.

Лицо предводителя приняло торжественное выражение.

— Великий правитель Калимегдана, могучий Аурангзеб, прослыпал о твоей несравненной мудрости и приказал доставить тебя к нему!

Грозной медью прозвучало имя великого Аурангзеба, но Шлока и бровью не повел:

— Я не обязан подчиняться его приказам. Мой повелитель — раджа Авенир из Патампурा, а Аурангзеб еще не захватил Патампур, чтобы распоряжаться чужими подданными.

Шрадха усмехнулся, открыв в улыбке ослепительно белые зубы:

— Того, кто отказывается от приглашения, не приглашают вторично. С ним поступают не как с гостем, а как с пленником! — Он метнул быстрый взгляд налево, направо: воины наготове, полны рвения. — Взять его! — крикнул

Шрадха. И добавил, еле сдерживая ярость: — Взять его живым!

Конан опять потянулся к мечу, и снова Шлока удержал его властным взором и покачал головой. Конан чувствовал себя оскорбленным. Всего восемь противников! Да киммериец один справится со всеми, если Шлока так уж хочет оставаться «человеком мудрости» и не желает становиться «человеком войны».

— Нет, Конан, — сказал Шлока спокойно. — Они ничего нам не сделают.

— Ты отправишься в плен? В таком случае, я вынужден буду тебя покинуть.

Шрадха посмотрел прямо в глаза киммерийцу.

— Я не имею ничего против тебя, незнакомец. И мой господин также не числится среди своих врагов, так что можешь ступать с миром. Мне было приказано доставить в Калимегдан лишь этого Шлоку, потому что великий Аурангзеб желает поговорить с ним.

— Я не оставлю моего спутника, — надменно произнес Конан. — Не в моих правилах выехать вдвоем, а закончить путь в одиночку.

Что-то в манерах киммерийца показалось Шрадхе впечатляющим. Во всяком случае, на миг Шрадха опустил глаза: Конан держался как истинный правитель. И Шрадха пробормотал:

— Как тебе будет угодно. Можешь сопровождать своего друга, если поклянешься не применять оружия.

— Я не дам такой клятвы, — возразил Конан. — А если и дам, то нарушу, если замечу, что вы злоумышляете против меня или моего спутника.

Шраддха махнул рукой и отвернулся.

И тут произошло нечто странное.

В мгновение ока один из воинов Шраддхи метнулся к Шлоке и оказался рядом с ним. Еще мгновение — и мудрец действительно окажется в пленау.

Воин, явно рассчитывая на свою силу и ловкость, протянул к нему руку, но тот, спрыгнув с коня, поднырнул под чужую лошадь и выско- чил из кольца всадников.

Происходящее напоминало колдовство. В раскаленном воздухе мудрец двигался неспешно, заторможенно, точно во сне, но вот схватить его никак не удавалось. Даже одежда Шлоки — рукава, полы рубахи, широкие штаны — разве- лась очень медленно.

Еще несколько воинов, спрыгнув на землю, подбежали к нему, готовясь уже наложить на него руки и пленить, но Шлока, сильно оттолкнувшись от земли, взлетел в воздух и, перепрыгнув через головы противников, легко опустился на траву за спинами преследователей.

В сумятице несколько воинов, развернувшись, столкнулись между собой; другие метнулись к Шлоке — их движения казались суетливыми и неловкими. Один уже снимал с пояса аркан... И вновь мудрец неуловимым движением ускользнул от протянутых к нему рук. Конан расхохотался.

Шраддха до крови закусил губы. Взять мудреца против его воли не удастся. Язык войны, как выяснилось, был внятен для Шлоки. И при том мудрец из Патампуря владел этим языком куда лучше, чем его противники. Да к тому же совершенно не уважал его.

И Шраддха — следует отдать ему должное, — решился прибегнуть к другому языку. Он решил возвратить к разуму и сердцу мудреца.

— Шлока! — закричал предводитель отряда. — Выслушай меня! Ведь ты понимаешь: если мы вернемся без тебя — нам отрубят головы!

Конан перестал смеяться и уставился на своего спутника. Что он решит? В глубине души Конан сильно сомневался в том, что Аурангзеб действительно прибегнет к подобной мере. РАЗумный правитель не станет разбрасываться хорошими воинами. И уж тем более не сочтет правильным держать свою армию в страхе.

Однако... киммерийцу доводилось уже видеть владык, которые правили при помощи ужаса и кровавых расправ, даже над ближайши-

ми своими соратниками. Они не затруднялись уничтожить самых преданных, самых верных себе воинов. И в конце концов погибали. Но казненных это не возвращало к жизни.

Похоже, Шлока думал о том же самом. Во всяком случае, он остановился, окруженный врагами, и скрестил на груди руки. Еле заметная улыбка простила в углах его губ.

— Я не хотел бы, чтобы ваши дети проклиниали меня, — в конце концов негромко произнес мудрец и снова сел в седло.

Окруженный врагами, Шлока молча двинулся в путь. Конан ехал следом. Он уже чувствовал, что ввязался в приключение, и не хотел теперь упускать ни одной мелочи, ни одной детали. Долгие годы странствий приучили его наблюдать и запоминать. В конце концов, много раз подобная наблюдательность спасала ему жизнь!

Джунгли сомкнулись за спиной у всадников. Едва различимая среди деревьев дорога вела их в глубину зарослей. Конан видел под копытами лошади только траву, но то и дело до его слуха доносился стук: кони ступали по мощеной дороге. Плиты почти целиком заросли травой, и все же каменное покрытие дороги то и дело выходило на поверхность. Затем дорога стала лучше. Чаша расступилась, и, точно праздник — внезапно — перед путниками открылся великолепный город Калимегдан.

Высокие витые башни тянулись к небу. Стены были покрыты причудливой резьбой. И лишь за стенами лепились маленькие хижины из тростника и глины — жилища бедняков. Контраст между дворцами вельмож и обиталищем простолюдинов был так разителен, что можно было подумать, будто здесь обитают два разных племени с совершенно различными обычаями.

Большой храм, посвященный богине Кали, выглядел роскошным даже по сравнению с дворцом самого Аурангзеба. Позолоченные статуи и стены из белоснежного мрамора, привезенного издалека, фонтаны со сладкой водой, цветущие розовые кусты — все это ласкало взор. Дорожки перед храмом были посыпаны ярко-оранжевым песком. На одной из дорожек отпечатались следы босых ног.

Сразу за храмом находился дворец раджи, а перед ним — большая площадь, с двух сторон отгороженная аркадами большого крытого рынка и караван-сараев. Здесь же, как подозревал Конан, размещались и рабские бараки, сейчас наглухо запертые: день был торговый, но продавали здесь сегодня не людей, а коней.

Все широкое пространство площади было заполнено лошадьми. Целое море превосходных скакунов переливалось перед потрясенным взором. Лоснящиеся шкуры подергивались в по-

пытке избавиться от насекомых, шелковистые гравиры свисали до самой мостовой, царственные хвосты чуть приподняты. Взгляд поневоле разбегается — невозможно остановиться на каком-то одном коне среди этого великолепия!

И надо всем, перечеркивая часть неба дерзким зигзагом, вился длинный узкий флаг ярко-синего цвета, вырезанный в виде дракона. Он был вздернут на высоком древке, установленном перед большим балдахином. И флаг, и роскошь балдахина, и высокий трон из резного белого камня — все это не позволяло сделать ошибку, предположив, что здесь приготовлено место для самого повелителя Калимегдана, раджи Ауранзеба. Он явится, чтобы принять участие в торгах — совершив первую покупку и тем самым открыть ярмарку.

Конан с интересом рассматривал балдахин. По белой шелковой ткани неслись, завиваясь в полете, крылатые драконы, похожие на облака, пронзенные копьем и скорчившиеся от боли. Тот же узор повторялся на спинке трона.

Всадники остановились перед шатром. Кони толкались кругом, напирая друг на друга плечами. Несколько оборванных пастухов с чумазыми лицами наводили в табунах порядок.

Раздался длинный гнусавый звук трубы, и на площади показался владыка Калимегдана. Конан уставился на него. То был рослый широ-

коплечий человек средних лет — из тех, кто не скоро состарится и даже в семьдесят будет выглядеть молодцом и воином, с которым необходимо считаться.

Стража состояла всего из двух десятков человек — высоких пехотинцев в тяжелых позолоченных кольчугах до щиколотки. Они были вооружены алебардами, и узоры, которыми было украшено лезвие алебарда, сверкали на солнце.

Ауранзеб прошествовал к своему месту и уселся на трон — неподвижный, закованный в роскошный свой халат, странно-неживой, как будто бы не был человеком, но при жизни превратился в божество, имеющее лишь отдаленное сходство с человеком.

Сразу же его окружила свита — советники, стражники. Эти выглядели обычными людьми, из плоти и крови, но повелитель казался воистину сошедшим с небес. Различие между ним и прочими людьми — как между драконами, что мчатся по шелкам шатра, и лошадьми, что мирно бродят по пастбищу, выщипывая из земли сочную траву.

Низко-низко склонился Шраддха перед владыкой.

— Я нашел его, великий раджа.

Черные глаза владыки медленно двинулись в тяжелых орбитах, остановились на Шраддхе, окатили его холодом; затем вновь шевельнулись

и замерли на двух пленниках, что прибыли вместе со Шраддхой.

Все замерло и не осмеливалось дышать, покуда раджа не моргнет; и только драконы неостановимо шевелились на ткани, чуть колеблемой ветром, и тень от них касалась неподвижных лиц.

— Так это ты — мудрец Шлока? — раздался ровный голос Аурангзеба. Он безошибочно узнал того, кто был ему нужен, хотя Конан — следует признать — выглядел куда более внушительно, нежели его спутник.

Владыка чуть помолчал, и вдруг его голос треснул, зазвучал сильнее, в нем послышалось обыкновенное человеческое любопытство:

— Я много слышал о тебе, Шлока. Правда ли, что ты понимаешь язык всех живых существ?

Недобродетельное любопытство. Любой ответ на подобный вопрос легко окажется ошибкой.

Шлока ответил спокойно, не отводя глаз:

— Понимать все живые существа — такое дано лишь богам и некоторым духам; а я — всего лишь человек.

Смуглое горбоносое лицо Аурангзеба заметно омрачилось. Темный гнев зашевелился во чреве владыки. Шлока оскорбил его, и уже не в первый раз. И прежде всего — тем, что не испытывал трепета. Хуже того, осмелился разговаривать с ним как с равным.

В тоне Аурангзеба появились вкрадчивые ноты:

— Но не станешь же ты отрицать, что хорошо разбираешься в лошадях? Хотя бы на этот вопрос ответь мне — «да».

Шлока чуть пожал плечами:

— Что только обо мне не говорят! Я и сам порой удивляюсь.

Ноздри Аурангзеба дрогнули. Он чуть приподнял руку, указывая на табун, выведенный на площадь для торгов:

— Выбери же мне коня! Мне нужен лучший конь... Самый лучший.

Шлока повернулся, оглянулся на табун. Море лошадей, неохватное взору. Как тут выбрать? Каждый конь может быть здесь лучшим, и каждый — оказаться лучше лучшего... Взгляд мудреца как будто взмыл над табуном, охватывая всех лошадей разом, а затем опустился, заскользил по мордам, крупам, ногам... Зрелище ласкало глаза, от такого тепло разливалось по груди. Век бы глядеть да не отрываться.

Но оторваться пришлось. Еще немного, и Шлока выдаст одну из самых сокровенных своих тайн. Сейчас он только смотрел на лошадей взором орла, которого мудрец уловил в сеть своих мыслей. Орла, парившего в поднебесье и видевшего все происходящее сверху, разом... Но еще немного — и Шлока сам забыт крыльями,

оторвется от земли и полетит... Полетит на глазах у раджи Калимегдана.

И тогда за мудрецом начнется настоящая охота. Потому что иметь в своем подчинении мага-оборотня, да еще такого знающего, обладающего даром пророчествовать — мечта любого раджи. Свой дар Шлока скрывал даже от Авенира, владыки Патампуря. Потому что даже Авенир, книгочей со слабым здоровьем, был раджой и, хуже того, — был человеком со всеми присущими людям слабостями. Никто из смертных не должен властвовать над Шлокой!

Шлока поскорее оставил орла и вновь повернулся к Аурангзебу. За эти мгновения страшное божество, которым представлял властелин Калимегдана, не изменилось: все так же гневалось в душе, все так же неподвижно восседало на своем седалище, окруженнное преданной свитой.

Нарочито небрежным жестом Шлока указал на избранную им лошадь:

— Вон тот жеребец — со звездой на лбу. Он — лучший.

И тотчас, не дожидаясь мановения руки великого раджи, двое пастухов метнулись к табуну, расчищая себе дорогу плетками. Лошади заметались из стороны в сторону, дико кося вытаращенными глазами. Взвивается и хлещет плетка, перед избранным конем растет пустота, а он еще не понял происходящего — переступает на

месте, ржет тревожно, задрав хвост, готовый убегать. Миг — и аркан охватывает его шею, человечья рука хватает его за грибу. «Тише,тише, успокойся...» Не сразу человечий голос проникает в сознание коня, его слух еще наполнен дробным стуком копыт и ржанием собратьев; но вот конь укрошен и подведен к трону. Хорош...

— Вот конь, достойный великого раджи, под ногами которого дрожит земля, перед лицом которым падают стены и башни чужих городов, — отчетливо произнес Шлока, и непонятно было, к чему относится странная насмешка, вдруг почудившаяся Аурангзебу в тоне мудреца.

Не к тому ли, что на самом деле, по мысли Шлоки, царственный всадник не будет достоин такого коня?

Конан с интересом наблюдал за происходящим. В облике раджи ему постоянно чудилось нечто странное. И вдруг Конан понял: повелитель Калимегдана вовсе не вендиец, а туранец! Неизвестно каким образом, но туранец захватил власть в Калимегдане и постепенно начал завоевывать соседние княжества.

Такое иногда случается. Местная династия стареет и вырождается, все меньше появляется на свет дееспособных владык, которые в состоянии мудро и уверенно править своим народом. И тогда приходит пришелец. Чужаку довольно бывает протянуть руку, чтобы власть сама упа-

ла к нему в объятия, точно спелый плод, сорвавшийся с ветки.

Почти наверняка Аурангзеб был некогда наемником. Начальником стражи во дворце, полководцем... Может быть, даже простым офицером. Несколько удачных интриг — и он занял трон Калимегдана. А потом начались его завоевания.

Стоит попытать счастья здесь, на службе у высокочки. Такие люди не слишком жалуют местных и предпочитают одаривать своим доверием чужаков. Людей, которые не имели бы корней. Людей без связей. Людей, которые зависели бы только от нанимателя, от его милости и благорасположения.

...А казна у Аурангзеба наверняка богатейшая, Конан это просто кожей чувствовал...

Медленно встав, Аурангзеб сошел со своего трона, направился к коню. Уже на ходу бросил Шлока:

— Ты ведь знаешь, что ждет тебя, если ты ошибся?

И, не удостоив мудреца ни единым взором, приблизился к избраннику Шлоки. Коснулся ладонью звезды на лбу. Конь отпрянул и вдруг потянулся мордой к человеку, как будто признал в нем хозяина.

Окруженный стражниками, Шлока стоял неподвижно. Смотрел, как пастухи седлают ко-

ня, как Аурангзеб, несмотря на свою тучность и обременительные одежды, легко взлетает в седло...

Разумеется, мудрец знал, что его ждет в том случае, если он ошибся. Слишком много стражников кругом. Он не сумеет отбиться, и даже киммериец Конан сейчас не поможет ему. Более того, Шлока не успеет превратиться в птицу и улететь от неизбежной расправы: его скрутят быстрее. Но и это не страшило Шлоку. Смысль его существования находился далеко за пределами его смертного тела, и покуда он не выполнил своего предназначения — нет и причин бояться смерти.

Не дожидаясь приказания, Шраддха и еще несколько воинов из свиты раджи подбежали к своим коням и вскочили в седла. Аурангзеб даже не оглянулся на них — он не сомневался в том, что они повинуются ему без единого слова. Конь под раджой взвился на дыбы; Аурангзеб вскрикнул и погнал его по улицам, к воротам и дальше, к караванной тропе.

Всадники во главе со Шраддхой устремились в погоню, и бешеная скачка началась. Только орел, паривший в поднебесье, видел происходящее; прочие стояли на площади и ждали исхода. Дорога ложилась под ноги летящим скакунам. Беспределная свобода, ограниченная только небом над головой, казалось, одинаково пьяни-

ла и всадника, и коня. Аурангзеб кричал от счастья. Он испытывал дикий восторг. Подобную радость приносили ему только битва да скачка, даже женщина не способна была доставить ему наслаждение, сравнимое с этим.

А следом за раджой, нахлестывая лошадей, мчались Шраддха и остальные, однако расстояние между ними и правителем неуклонно увеличивалось: догнать Аурангзеба не удалось никому.

И, завершив по широкой дуге большой круг, Аурангзеб вернулся к воротам города. Успокаивая коня, повел его шагом по улицам. Конь, гордясь и радуясь, танцевал под всадником, бока его ходили ходуном, глаза дико косили по сторонам, с морды свисала пена. И все же конь был доволен. И сам Аурангзеб теперь куда меньше походил на изваянное из камня божество, куда большие — на простого человека; как от всякого человека, пахло от него потом и пылью, и в расширенные ноздри Шлоки вдруг влетел запах самой обыкновенной человеческой радости.

— Эй, мудрец! — закричал Аурангзеб, завидев Шлоку. — Ты не ошибся! Это действительно конь, достойный великого правителя. — Глаза раджи Калимегдана ожили, заблестели, на узких губах появилась улыбка. — Я одарю тебя золотом в твой вес и сделаю тебя своим советником, мудрец. Хочешь?

Конан вздрогнул и жадно уставился на Шлоку. Если этот Аурангзеб так легко сыплет золотом, то имеет смысл согласиться и пойти к нему на службу. Во всяком случае, он, киммериец, уже сделал свой выбор. Как все, оказывается, просто! Небольшая услуга правителю (необходимо лишь эффектно выступить в нужный момент) — и вот уже ты уезжаешь отсюда с телегой, чьи оси гнутся от тяжести нагруженного на нее золота...

Однако, к великому разочарованию киммерийца, Шлоки медленно покачал головой и важно, раздельно произнося каждое слово, ответил:

— Золото не добавляет человеку разума и не приносит ему счастья.

Казалось, Аурангзеб не может поверить собственным ушам. Раджа медленно приложил ладонь к груди, с удовольствием слушая затихающие удары колотящегося возбужденного скачкой сердца.

— Отказываясь от подарка, который делают от чистого сердца, ты сильно рискуешь, мудрец! Удача может отвернуться от тебя. Подумал ли ты о подобном исходе?

Но и на это у Шлоки имелся быстрый ответ:

— Только тот, кто не верит в себя, рассчитывает на удачу. А я вот уже много лет иду по пути, который хорошо мне знаком.

И постепенно человек начал исчезать из облика Аурангзеба, вновь уступая место божеству, могущественному, бездушному и коварному.

— Ты так уверенно говоришь о будущем... — произнес раджа Калимегдана.

Он замолчал. Молчал и Шлока.

— Если ты видишь то, что грядет, — заговорил опять Аурангзеб, — то скажи: что ждет меня? — Он чуть усмехнулся. — Предсказатель из храма Кали все время уверяет, будто мое будущее сверкает, точно звезда на небосклоне. Якобы он читает это в своих магических камнях так же ясно, как книгочей Авенир разбирает буквы в своих мудреных книгах...

Раджа тихо щелкнул пальцами, в явном пренебрежении к столь откровенной лести со стороны прорицателя.

Шлока ответил не сразу. Слишком хорошо понимал он, что может последовать за дерзкими словами. Но сказать Аурангзебу неправду он не мог — это противоречило всем его убеждениям. И потому произнес спокойно:

— Даже звезды падают с небес, уважаемый раджа. А взамен упавших появляются новые. Стоит поразмыслить над этой закономерностью. Тебе ли не знать, как это случается!

Это был откровенный намек на историю возышения Аурангзеба, и Конан понял суть сказанного не хуже, чем сам раджа.

Аурангзеб приблизился к мудрецу, заглянул ему в глаза. На краткий миг владыка вновь уступил место человеку, и человек этот пылал надеждой.

— Ты ведь знаешь, кто он — та новая звезда, которая появится на небе? Тебе открыто и это, мудрец? Скажи мне!

Шлока улыбнулся ему так, словно Аурангзеб был его учеником, вопрошающим о мудрости, которая превосходит юношеское понимание. И ответил вполголоса:

— Когда я найду его, я его узнаю, можешь не сомневаться. Таково будущее, которое мне открыто. Передай это прорицателю из храма Кали, раджа! Передай ему это, и пусть он хорошенько молит черную богиню о том, чтобы смерть его не была кровавой!

Сказав это, Шлока преспокойно повернулся и направился к своему коню.

Никто не решился остановить его.

Не тронулся с места и Конан. И Аурангзеб наконец-то обратил на него внимание.

— Что скажешь мне ты, варвар? — спросил раджа невозмутимо. — Ты прибыл сюда вместе со Шлокой, однако не похож на его ученика.

— Чистая правда, раджа, — ответил киммериец. — Я вовсе не ученик уважаемого Шлоки. Мы повстречались в пути.

— Хочешь сказать, что ваша встреча была

случайной? — густые черные брови Аурангзеба сошлись на переносице.

— Случайностей не бывает, — возразил Конан. — Каким-то богам захотелось свести нас вместе. Должно быть, эта встреча имела смысл в их глазах.

— Да спасет меня Черная Кали! — засмеялся Аурангзеб. — Неужто ты, северянин, успел заразиться мудростью Шлоки? Ты изъясняешься как человек, знакомый с книжными истинами!

— Кром! — рявкнул Конан. — Положим, я в состоянии прочитать надпись «Вышивка» на вывеске придорожной харчевни. Но из этого еще не следует, будто я — какой-нибудь проклятый книжечей. Впрочем, мне доводилось отправлять таковых в Серые Миры. Перед смертью некоторые из них долго болтали.

— В таком случае, их было очень много, если ты успел набраться от них этой вшивой премудрости, — заключил Аурангзеб, рассматривая могучего варвара.

Конан скромно пожал тяжелыми плечами.

— Я всего лишь ишу применения моему мечу, раджа.

Аурангзеб хлопнул в ладоши.

— Быть по сему! Мне нужны хорошие воины. Шраддха проверит твою силу. — Раджа перевел взгляд на верного Шраддху. — Но не вздумайте убить друг друга! Рвение — это прекрасно, од-

нако мертвый воин больше ничем не сможет доказать мне свою преданность.

* * *

Шлока не открыл Аурангзебу всей правды, лишь намекнул на ее сияние. Но этого оказалось довольно: правитель Калимегдана не посмел задерживать у себя мудреца, человека, способного отыскать единственного коня во всем табуне; человека, способного так легко и с таким достоинством отказаться от золота и почестей. И потому никто не преградил пути Шлоке, когда тот двинулся прочь от города.

Скоро витые башни и резные стены Калимегдана остались далеко позади. Дольше всего Шлока видел у себя за спиной парящий в небе драконий флаг Аурангзеба; но вот и стяг раджи поглотили джунгли. Перед всадником вновь расстилалась караванная тропа и тянулась по-росшая высокой травой равнина. Джунгли влажной непроходимой стеной стояли по другую руку от путника.

Взор Шлоки остановился на каменном идоле. Черный силуэт давно забытого божества с растопыренными руками и полусогнутыми ногами отчетливо вырисовывался на фоне заката. Кто установил здесь эту статую? Когда это было? Как звали того бога и каких жертв он требовал?

Судя по всему, изваяние очень древнее. И, скопре всего, здесь приносились человеческие жертвы. Очень, очень давно...

Медленно подъехав к идолу, Шлока остановился. Спешился.

Красноватый свет уходящего дня неторопливо разливался по равнине. Еще какое-то время свет заката помедлит здесь, на земле, а затем, как только край солнечного диска скроется за горизонтом, мгновенно уступит место ночной тьме.

Шлока опустился на землю рядом с идолом, поднял взгляд на небо. Ночь уже скоро настанет. Еще один день поисков миновал.

Но какие бы трудности ни подстерегали Шлоку, он никогда не терял надежды. Ибо ему было открыто то, о чем он никому прежде не рассказывал. Однажды он обратился в горячей мольбе к Кали-Дурге. «О великая богиня! — вскричал Шлока в сердце своем. — Когда же ты подаришь нам бесстрашного воина, который станет опорой для нас и грозой для наших врагов?»

Долго не было ему никакого ответа, только тишина разливалась в душе Шлоки, неся с собой надежду. Не смутное ожидание чуда, но твердую уверенность в том, что чудо придет. И когда эта тишина стала совершенной, в отдалении Шлока услышал детский плач.

И тогда он понял: тот, кому дано спасти его народ, только-только народился на свет. Это дитя, младенец. И задача Шлоки — отыскать его, а отыскав — защитить от всех возможных опасностей и воспитать истинным воином.

Лишь бы не опоздать.

Однако мудрец верил: если божество открыло ему так много, оно позволит ему оказаться на пути врагов ребенка и отвести руку с мечом, когда она будет занесена для смертельного, рокового удара.

Глава вторая Спасение

тало быть, ты — киммериец? — говорил Шраддха, бесцеремонно разглядывая Конана. Конан сидел на земле, скрестив ноги, и внимательно осматривал свой меч. Малейший след ржавчины тотчас уничтожался. Клинок был ухоженным и остро отточенным.

Варвар поднял на вопрошавшего синие глаза. Холодный взгляд их обжег Шраддху, и вендиец непроизвольно сделал жест, отгоняющий злого духа. Конан еле заметно усмехнулся. Он знал, какое впечатление производит на людей Юга — на людей, которые не привыкли к светлым глазам и считают такой взор «дурным», «наводящим порчу».

— Я родился в Киммерии, — раздельно произнес варвар. — Несомненно, Киммерия является моей родиной. А сам я — киммериец. Очень

простая цепочка рассуждений, доступная даже такому глупцу, как ты.

— Я не глупец! — вскипал Шраддха.

— Если это так, то докажи мне свою мудрость и перестань таращиться на меня, как на какую-то заморскую диковину, — посоветовал варвар. — Хоть меня и считают дикарем — есть такие болваны, — я не позволяю себе подобных выходок. И тебе рекомендую следовать моему примеру. Это — признак хорошего воспитания. Если бы ты побывал в Бритунии, тебе бы расследовали, что это означает... В Бритунии можно удачно жениться и вообще раздобыть кучу денег при помощи одного только хорошего воспитания.

— Здесь не Бритуния, — буркнул Шраддха.

— Да, я заметил, — отозвался Конан. — И, полагаю, кое-кто разжился немалым богатством именно благодаря своему дурному воспитанию...

— Кого ты имеешь в виду? — Шраддха понизил голос и невольно покосился по сторонам: не слышит ли их кто-нибудь.

Конан — из уважения к собеседнику, в котором начинал видеть своего союзника, — тоже стал говорить потише:

— Если я не ошибся, раджа Аурангзеб — турец, а это означает, что ему пришлось свергнуть своего предшественника...

— Т-сс! Об этом не принято упоминать.
— Стало быть, кое-что о хороших манерах здесь известно, — бросил Конан.

— Ты сам не понимаешь, какую опасную тему затронул! Последний раджа Калимегдана был настоящим выродком. Чем старше он становился, тем моложе брал себе наложниц. Многие девушки умирали. О его гареме рассказывали страшные вещи. И ни одна из женщин так и не смогла родить ему наследника. Когда наконец раджа... умер... — Шраддха поперхнулся, и Конан понял: раджа скончался отнюдь не в постели и не от болезни, но от иных причин. От остро отточенных причин. Или же от причин шелковых, туго стянутых на морщинистом горле. Или же от тех, что плещутся на дне кувшина...

— Раджа умер, я понял тебя, — подтолкнул рассказчика Конан.

Шраддха пожал плечами:

— Никто по нему не плакал. Открылись многие жуткие вещи. Он практиковал черную магию. Даже богиня Кали, должно быть, содрогалась, видя, что он творит! Наследника не осталось, как я уже сказал, поэтому трон захватил наименее достойный.

— Туранский наемник, — сказал Конан.
— Да. И все мы преданы ему.
— Что ж, у вас имеются все основания для такой преданности... — Конан вздохнул. — Что

касается меня, мои планы просты: я хотел бы выслужиться и получить награду.

— Я должен испытать тебя, — предупредил Шраддха.

— Самое время, — Конан широко улыбнулся ему и вскочил на ноги. — Доставай меч. Будем биться.

Шраддха зарычал от боевой радости и в мгновение ока очутился перед варваром. Их манера боя различалась — как различались и их клинки, но в силе и ловкости один не уступал другому. Шраддха сражался кривым мечом с зауженным с одной стороны клинком. Он наносил удары то одной стороной меча, то другой, перебрасывал оружие из руки в руку, приседал, подскакивал — Шраддха как будто танцевал вокруг своего противника.

Варвар был совершенно иначе. Его прямой меч с длинным клинком был предназначен для того, чтобы отражать атаки врага и наносить рубящие удары в ответ. Тем не менее по ловкости и силе Конан ничуть не уступал искусному Шраддхе. Было очевидно, что киммериец не в первый раз имеет дело с подобным стилем фехтования.

Несколько раз казалось, будто Шраддха вот-вот сокрушит Конана, но варвар всегда успевал принять изогнутую саблю на меч, после чего, отбросив соперника назад, переходил в атаку.

Наконец Конан сделал решающий ход и остановил свой меч в ладони от головы Шраддхи.

— Я убил тебя, — сообщил варвар, переводя дыхание и убирай меч.

Шраддха, посеревший от страха, принужденно рассмеялся.

— Делать нечего! Признаю свое поражение, — сказал воин раджи. — Ты действительно великолепный боец. Немногим удавалось одержать надо мной верх. Да и то — такое происходило в те годы, когда я был очень молод.

— Стало быть, ты еще достаточно молод, — миролюбиво усмехнулся Конан.

* * *

Высоко в небе кружит орел. Завис в небе, почти не взмахивая крылами. Взгляни на него — и покажется, будто время течет медленнее, а потом и вовсе замирает, и будет стоять неподвижно, пока пронзительный крик птицы не позволит ему тронуться с места. Должно быть, нет ничего, что укрылось бы от орлиного взора. Сверху ему далеко видны необъятные джунгли и широкая равнина, покрытая серебристой травой.

Горизонт волнист, чуть потревожен пологими зелеными холмами. Синяя лента реки в обрамлении ярко-желтых зарослей камыши вьет-

ся среди холмов. Сплошное море джунглей колышется вдали, и там, ближе к краю мира, деревья кажутся не зелеными, а синими.

Почти каждый день Шлока взмывал в небеса над Вендией. Не только осматривал землю мудрец, но и любовался ею. Воистину, величава и прекрасна земля Вендии! Некоторые жрецы в храмах говорили о том, что завидуют божествам, что объезжают небеса на волшебной колеснице, запряженной крылатыми конями. «Какие дивные, недоступные воображению человека картины, должно быть, открываются им тогда!» — вздыхали священнослужители, хорошо знакомые с обычаями божеств.

Шлока, в отличие от них, не догадывался, а знал из личного опыта — что именно видят боги, когда восходят на небо. Иногда зрелище действительно было захватывающим и прекрасным, но иногда... Иногда Шлока предпочел бы не обладать своими чудесными магическими способностями. Он давно уже подозревал о том, что дар и проклятие — лишь две оборотных стороны одной и той же монеты.

Ибо Шлока не мог не превращаться в орла. Происходило это на рассвете, в часы наибольшего уединения. Стоило лишь лучу солнца коснуться век спящего мудреца, как он пробуждался. Он открывал глаза, и его темная радужка бледнела, становилась желтой — она точно выц-

ветала. Изменялся и зрачок, удлинялось лицо, нос превращался в клюв, тело делалось легким и покрывалось перьями, руки сами собой взмывали, поднимая Шлоку в небеса...

Он не мог не смотреть на происходящее на земле. И сердце его наполнялось болью.

Вон там, видел орел, — люди. Зорким оком скользит он по табуну лошадей, пасущихся в ложбине, по баранам и коровам, что рассеялись по склону холмов. Возле хижин, сплетенных из тростника и веток, заметны людские фигуры. На время орел исчез — растворился в дрожащем мареве высоко в небе.

А внизу, на земле, ничто не предвещало надвигающейся беды. Жизнь в селении шла своим чередом. Несколько мужчин освежевывали большого барана, в огромном прокопченном котле уже призывно булькала вода...

Селение было небольшим и жило одной общиной: трапезничали один раз в день, а то и раз в два дня, но тогда уж наедались до отвала, и если все из одного котла, которому приписывали некоторые волшебные свойства. Например, считалось, будто этот котел подарила основательнице рода некая благодетельная богиня, черная, как эбеновое дерево, и нагая, как трава. Она вышла из джунглей и сделала несколько предсказаний касательно судьбы рода, после чего скрылась, оставив этот самый котел.

Согласно другой версии той же легенды, богиня сама превратилась в этот котел. И пока не проходит его днище, в селении будет царить мир, и члены рода не узнают ни несчастий, ни голода. Женщины будут плодовиты, старики — долговечны, воины — крепки, охотники — удачливы, а скот, принадлежащий племени, не будет подвержен болезням.

Дети с криками бегали вокруг, а какой-то старик, устроившись на солнышке, с сонным одобрением поглядывал на них. Каждый занимался своим делом, как это происходило из года в год, из века в век... и как, казалось, будет происходить вечно.

Неожиданно послышался громкий, отчаянный крик: вода начала вытекать из котла. В костер закапало. Быть беде! Завидев это, женщины завопили все разом, оплакивая чудесный котел и предчувствуя надвигающееся несчастье, и потому никто не слышал приближения врагов.

Отдаленный гул, зародившийся далеко в степи, первой уловила косуля, что паслась недалеку от камышовых зарослей. Вскинула чуткую головку, вздрогнула — и вдруг в ужасе полетела прочь, спеша положить как можно большее расстояние меж собой и тем страшным, что накатывало из-за горизонта.

Оно неуклонно приближалось и скоро заявило о себе исполинским облаком, которое засло-

нило само солнце, так что пылающее дневное светило сделалось матовым диском, тонущим в мутной взвеси. От горизонта до горизонта по степи лавиной мчалась конница Аурангзеба. Все громче гром тысяч копыт, земля задрожала под их ударами...

Неостановимая стихия накатывает на маленькое селение. Воины почти не замечают крохотного, незначительного препятствия, что возникло вдруг на их пути. Подобно тому, как смерч, не разбирая, уничтожает и живое, и неживое, и рукотворное, и сътворенное природой, — так прокатилась конница Калемгадана по жалким хижинам, по пасущимся животным, по людям... Все подмяла под себя, разметала и помчалась дальше.

Как не было здесь ничего.

Только выжженная черная полоса на берегу речки, изуродованные тела убитых, обгоревшие трупы животных, черные скелеты разломанных хижин. Над растоптанным костищем — опрокинутый котел с заметной дырой в днище. Сбылось пророчество чернокожей богини! Никто из рода не уцелел, едва только проходился котел; да только не котел тому виной — котел послужил лишь знаком, предсказанием.

Орел вернулся, чтобы увидеть смерть — и далеко разносящийся вместе с ветром запах тления и пожара. С громким, пронзительным, раз-

дирающим сердце криком орел камнем пал на землю и обратился в человека. И человек этот обхватил руками голову в неудержимом порыве скорби и принял раскачиваться из стороны в сторону.

Обратив к небесам неизречие, залитые слезами глаза, Шлока возопил:

— Боги! Когда же вы наконец пошлете нам воина? Когда я найду его? Кали, черная Кали! Довольно тебе мучить меня! Забери мою жизнь! Не заставляй изо дня в день видеть смерть и пожары! Дай мне силы, позволь мне достигнуть моей цели, иначе — клянусь моей кровью! — я прокляну тебя, и плохо тогда тебе придется.

Далеко в джунглях огненная полоса прокатилась по телу золотого идола Кали и на миг открылись и сверкнули ее глаза. Время пришло!

* * *

Санкара, жрец Кали, вздрогнул. Нет, ему не почудилось: жуткий истукан богини — черный, с ожерельем из младенческих черепов на шее и вокруг бедер, с длинным синим высушенным изо рта языком, — внезапно ожил, отзываясь на чей-то призыв, а это означает, что скоро Кали начнет действовать. Но кто оказался настолько силен, что сумел пробудить Кали? О чём взывал тот неизвестный человек?

Санкара был еще молод, но особые таланты открыли ему дорогу к высшим жреческим должностям. Впрочем, в столице, в самом Калимегдане, служить ему не довелось. Оно и понятно: все лучшие места там давно уже расхватали жрецы постарше. Те, кто раньше Санкарьи начал продвигаться по службе при новом радже.

К тому же все эти маститые старцы изрядно побаивались молодого, энергичного, а главное — мистически одаренного жреца. Санкаре открывался мир духов без всяких усилий со стороны самого жреца. Ему достаточно было вздеть руки и вознести самую короткую молитву, и все тайное делалось для него явным. Он легко видел то, что оставалось скрытым для других — сколько бы эти другие ни старались, сколько бы ни возжигали благовоний, ни трясли посохами с колокольцами, сколько бы ни стучали в маленький ритуальный барабанчик...

Поэтому Санкара был назначен верховным жрецом в самый отдаленный из храмов Кали. Храм этот находился в джунглях, в уединении лесов. Он был очень древним. Таким древним, что никто не мог припомнить времени его постройки.

Снести столь почтенное строение никто не решался. Коль скоро алтарь Кали существует здесь так много лет, стало быть, богиня привыкла получать подношения именно из этого

уголка земли. Не следует раздражать богиню неуместными переменами.

Так что Санкара был верховным жрецом в храме, который почти никто не посещал.

Больше всего старых жрецов в Калимегдане раздражало в Санкаре то обстоятельство, что юноша совершенно не огорчился, получив подобное назначение. Напротив, он коленопреклоненно благодарил своих «благодетелей» и обещал, что будет молиться об их процветании денно и нощно за такую великую милость.

Жрецы могли только переглядываться.

Санкара хорошо знал, почему благодарит своих недоброжелателей. Истукан Кали в его храме — в отличие от многих других — оживал, показывая, что слышит обращенные к богине мольбы. И Санкара с его даром видеть невидимое сразу понял: происходит нечто весьма значительное.

Он прислушался и издалека, как сквозь пуховую перину, разобрал чьи-то слова: «Боги! Когда же вы наконец пошлете нам воина?.. Кали, черная Кали! Довольно тебе мучить меня!.. Не заставляй изо дня в день видеть смерть и пожары!..»

Санкара сразу узнал голос. Он не впервые слышал эту мольбу, но прежде богиня всегда оставалась равнодушной. Теперь же она явно дала понять, что готова выполнить просьбу. Что же изменилось?

Ответа не было, хотя молодой жрец знал этот ответ: просто-напросто пришло время выполнения клятв. Любое пророчество представляет собой клятву. Клятву, которую боги дают людям. Боги оставляют за собой право оттягивать час выполнения обещаний — так долго, как они, боги, сочтут нужным. Но рано или поздно им приходится держать слово, иначе весь порядок мироздания будет нарушен, а на такое не отважатся даже боги.

Санкара понял: надо спешить. Возможно, удастся оттянуть роковой срок еще ненадолго.

Сквозь ночь полетел всадник, и незримые воздушные духи парили над ним. Доселе спавшие подземные духи просыпались, один за другим, под копытами его коня, растревоженные шевеленьем амулетов. К седлу всадника был приторочен ритуальный барабанчик, одежда жреца полна лент, бахром, косиц, бубенцов. Шелковое покрывало вздувается над его головой пузырем, как второе небо.

Так поспешно скачет он, словно за ним гонится некто невидимый, словно подгоняет его только ему одному слышимый тревожный голос. Яростно нахлестывает коня, боится опоздать.

Беда еще не случилась, ее можно еще обогнать. Не одному только Шлоке открыто будущее; пророчество, предназначенное для своих

ушей, могут подслушать и чужие. Следует торопиться, иначе будет слишком поздно. И захочет ли еще раджа Аурангзеб выслушать Санкару — ведь у того слишком много недругов при дворе, в Калимегдане!

Путь оказался неблизким. Санкаре пришлось пробираться через чашу. Конь отказывался идти — животное, наделенное собственными талантами, видело во мраке каких-то зловещих духов, которые препятствовали всаднику добраться до города. Не иначе, недоброжелатели Санкары наслали этих чудищ. Глупые люди, эти жрецы сами не знают, что творят. Если Санкара сейчас опоздает, раджа не успеет вовремя принять меры — и погибнет. Пророчеству начнет исполняться — и не в человеческой власти будет остановить его.

Санкара щелкнул пальцами, и яркий свет вспыхнул вокруг головы коня. Животное помогало мордой, словно не веря метаморфозе. Только что было так темно, так страшно, и воздух был полон каких-то жутких образин с дурным, опасным запахом...

И вот теперь стало светло и приятно, и запах, предупреждавший о смертельной опасности, исчез...

Конь послушно пошел дальше. В густых джунглях Санкаре пришлось перейти на шаг, но едва он выбрался на дорогу, как снова пом-

чался что есть силы и к рассвету был уже возле ворот Калимегдана.

— Открывайте! — крикнул жрец, гарцуя перед стеной города. — Немедленно впустите меня!

Стражники долго не снисходили до того, чтобы выйти к раннему гостю. Наконец показался один и рявкнул:

— Ворота закрыты! В этот час в город входить запрещено!

Не отвечая, Санкара поднял руку, и в воздух взлетел огненный дракон. Широко разинув пасть, монстр поднялся на уровень лица дерзкого стражника. Тот видел желтые клыки со стекающей с них слюной, извивающийся раздвоенный язык...

— Мар! — заверещал солдат, сбегая со стены и исчезая где-то внизу.

Санкара ждал. Дракон пропал, растворился в воздухе. Скоро на стене показался капитан ночной стражи.

— Что тебе нужно? — сурово спросил он жреца.

— Я должен видеть раджу, — ответил Санкара. — Немедленно. Впусти меня, иначе — клянусь твоей кровью — мы все горько пожалеем о твоем упрямстве.

Капитан не отозвался ни словом, но скоро ворота растворились, и всадник въехал на пус-

тые улицы Калимегдана. После ночи остывшие камни еще источали прохладу, которая скоро сменится многократно умноженной жарой.

Раджа Аурангзеб любил вставать рано, и потому жреца беспрепятственно пропустили во дворец. Подражая своему владыке, рано поднимались с постели и его приближенные, и теперь раджа проводил с ними время за игрой в шахматы.

Вбежал слуга, униженно кланяясь на ходу. Едва показавшись в комнате, где восседал сам владыка, слуга простерся ниц.

Аурангзеб медленно перевел на него взор, что означало дозволение говорить.

— Маг из джунглей, великий раджа! — выдохнул слуга. — Санкара, служитель богини Кали, явился сюда с каким-то известием.

Раджа нахмурился, уставился на Шраддху, который как раз взялся за фигурку из резной кости, чтобы сделать очередной ход на шахматной доске.

— Что все это может означать, Шраддха?

Воин выпятил грудь. Как ни старался он показать великому радже свой ум, главное преимущество Шраддхи заключалось в его крепости и силе, в его верности и способности действовать по приказанию повелителя, не рассуждая.

— Если великому радже будет угодно, голова дерзкого мага украсит кол перед троном на городской площади! — изрек Шраддха.

Аурангзеб нахмурился, но в следующий же миг рассмеялся:

— Узнаю своего преданного Шраддху! Убить мага не так просто, как тебе кажется, даже если он выглядит слабым человеком... Нет, я спрашивал о твоем мнении касательно только что услышанного.

— Магам многое открыто, — угрюмо отозвался Шраддха. Ему не понравилось, что господин над ним посмеялся. — На месте раджи я бы выслушал пришельца. А об этом жреце из джуングлей многое рассказывают... Поговаривают даже, что он — любимчик богини Кали, а это — да помогут мне небесные духи! — весьма свирепая богиня, так что с ее любимчиком следует считаться.

— Вот это мудрый ответ, — кивнул Аурангзеб. — Храбрость и верность твои, Шраддха, мне известны; не скрывай от меня и свою мудрость — и я сделаю тебя моим советником!

Шраддха низко склонился, сидя со скрещенными ногами, и поставил фигуру на следующий квадратик доски.

Хороши шахматные фигурки, которыми играли в то утро! Из слоновой кости и черного дерева, одна другой краше. И все немного разные, даже те, которым положено бы быть одинаковыми. Аурангзеб любил красивые вещи, умел ценить их. Руки у раджи — руки повелителя и

воина, в мозолях от рукояти сабли и поводьев, но как бережно он прикасается к предметам, заслуживающим ласки! Шахматы отточили ум повелителя, сделали его истинным владыкой.

Но едва лишь важная весть ворвалась во дворец раджи, повелитель сильным порывом руки опрокинул драгоценную доску. Оттолкнув слугу, в зал вбежал жрец Кали, и вслед за ним, казалось, летело ледяное дыхание беды.

— Опасность! Опасность! — закричал Санкар, хватаясь за свой барабанчик. Гул из-под его пальцев, сперва еле слышный, затем все более настойчивый, казалось, проникал в самую сердцевину разума. — О, повелитель Калимегдана, от которого зависят наши жизни, — опасность! Внемли мне, внемли предсторожению благой черной Кали, что пляшет на трупах своих врагов!

Властный ритм гудящего барабанчика завладел собравшимися. Приближенные раджи — воины, советники, доверенные слуги, — все замерли, не сводя глаз со жреца. А он, вертаясь и вскидываясь, как будто его телом всецело завладели незримые духи, все говорил и говорил. Голос Санкары то взлетал наверх, к сводчатому потолку с причудливой расписной резьбой, то стелился по полу, среди пестрых плиток, подчиняясь непобедимому ритму жреческого барабанчика, и белки закатившихся глаз отражали

багровый свет факелов и свет встающего солнца, что проникал сквозь окна в зал.

— О повелитель, да пошлют тебе благие боги тысячи лет безбедной жизни! Опасность грозит моему радже, великая опасность! — выкрикивал Санкара звенящим, полным отчаяния голосом. — Волчонок народился, опасения мои подтвердились! Убей его не медля, или он перейдет тебе дорогу, и тогда наши дни превратятся в ночь, а ночь станет беззвездной. Я видел, как оживает изображение моей богини, когда некто обратил к ней молитву. Кали обещала кому-то выполнить давно обещанное. Я не молил мою богиню ни о чем, ибо у меня и моего повелителя есть все, и мы не нуждаемся в переменах! Стало быть, настойчив был некто из наших врагов. Опасность, великий раджа, большая опасность! Кали простерла благосклонную руку к нашим врагам...

Шраддха шевельнулся и решился нарушить общее молчание:

— Значит ли это, о мудрый Санкара, что нам надлежит выступить против воли самой Кали?

Санкара обратил к нему белые, закаченные глаза:

— О, нет! Мы обратимся против наших врагов и будем молить Кали о снисхождении — и она, быть может, не останется глуха к нашим мольбам... или, по меньшей мере, отвернется от

наших деяний и дозволит нам довести до конца задуманное.

Безмолвно смотрел Аурангзеб на жреца Кали, и с каждым мгновением повелителю становилось все яснее, что голосом этого человека говорят сами боги, соблаговолившие раскрыть перед ним будущее. Руки и ноги Санкары сводило от нечеловеческого напряжения, губы едва шевелились, и только голос жил, словно обрел независимое бытие, только голос звучал настойчиво и ясно:

— Убей, убей сейчас мальчика, не то будет поздно. Не то будет слишком поздно, о повелитель!

Неожиданно Аурангзеб закричал:

— Покажи мне его! Покажи его нам всем, чтобы мы могли уничтожить его, о Санкара!

В голосе владыки звучал тот же экстаз, что и у Санкары, и Шраддха ощутил, как мороз бежит у него по коже. Воистину, Аурангзеб — великий раджа, ибо при желании может не только сражаться саблей, как истинный воин, но и войти в мир жрецов, в мир богов и духов, и разговаривать там с ними как с равными.

— Покажи нам мальчика, Санкара!

Теперь Санкара беззвучно шептал заклинания. Комната наполнилась странным туманом. У всех словно бы заволокло глаза, и люди перестали ясно различать друг друга. Затем в се-

ром мареве начали появляться и двигаться картины.

Равнина, поросшая травой, холмы на горизонте. Большой караван движется по дороге. Шраддха не мог оторвать глаз от этой картины. Он понимал, что все это — иллюзия, вызванная чарами Санкары, и тем не менее трудно было отделаться от ощущения, что находишься прямо посреди холмов, на караванной тропе. Казалось, можно ощущать прикосновение травы, ее пряный запах. Шраддха повернул голову и втянул ноздрями влажный дух джунглей, приносимый ветром...

— Повернись! — прямо в его ушах прошептал зловещий голос Санкары.

Повинуясь приказанию, Шраддха обратился взором обратно к холмам. Теперь он ясно видел телегу с поднятым над нею навесом.

— Здесь! — шипел голос. — Здесь едет женщина и с нею ребенок. Это — сын чахлого книгочея, раджи Авенира. Женщина везет к нему новорожденного мальчика и вместе с ним — большую казну, подарок своего отца, ибо надеется стать женой раджи.

Шраддха знал то, что было известно всей Вендии: раджа Авенир никак не мог произвести на свет сына. Авенир не был женат. В молодости, начитавшись книг, повелитель Патампурा поклялся объявить перед богами своей супру-

гой лишь ту девушку, которая пробудит в его сердце любовь. А таковых почему-то не находилось.

Затем раджа стал немного мудрее. Он понял, что Патампуре необходим наследник, и перестал искать свою единственную любовь. Он начал брать наложниц и проводить с ними ночи лишь для того, чтобы одна из них обрадовала его сыном.

Но ни сына, ни даже дочери не рождалось.

Поначалу раджа Патампуре счел всех этих женщин бесплодными, но затем истина сделалась ему очевидной: бесплодны не наложницы, а он сам.

И тогда он стал молить богов сжалиться над ним и избавить от этого позора. И было объявлено, что та, которая родит ему сына, станет законной супругой и повелительницей Патампуре, и он, раджа Авенир, будет любить и почтить ее до конца дней своих.

Девушки приезжали к радже и проводили с ним три ночи, после чего их отсылали в особое место, в замок, расположенный глубоко в джунглях. Там они содержались под охраной несколько месяцев, и если признаков беременности не появлялось, их выпроваживали восвояси. И теперь одна счастливица с новорожденным двигалась по равнине навстречу своему будущему супругу. Боги наконец вняли мольбам Авенира.

— Опасность, — шипел, свистел шепот Санкарьи в ушах Шраддхи. — Убей ребенка! Спаси повелителя Калимегдана!

В полном изнеможении жрец Кали повалился на пол. И глядя на его поверженное тело, Аурангзеб прошептал:

— Шлока не солгал. Шлока идет по пути, который ему хорошо знаком. Когда ребенок окажется в Патампуре, Шлока будет уже там.

Медленно, очень медленно владыка перевел взгляд на Шраддху. Туман рассеивался, картина движущегося каравана исчезала, таяла на глазах. Шраддха поднялся на ноги, поняв приказание своего повелителя без слов.

* * *

Караван двигался размеренно, не слишком спеша, чтобы лишний раз не потревожить драгоценный груз — женщину с новорожденным сыном. Женщина и младенец находились в повозке, накрытой белым шатром. Скоро уже покажутся ворота Патампур, и можно будет отдохнуть. Уже скоро...

Не разжимая губ, она тянула бесконечную колыбельную, и знакомые звуки убаюкивали ее: хлопанье тяжелого полотна под ударами ветра, громкий скрип колес... Там, за белым полотном, — бескрайний мир; только молодой мате-

ри нет до этого мира никакого дела. Ее вселенная сосредоточена здесь, в маленьком белом шатре, в крохотном человечке, которому она дала жизнь, — в сыне раджи Авенира. В долгожданном наследнике. Странно подумать, что в эти крохотные ручки будет вложена огромная власть над целой областью...

Степенно шагают навьюченные тюками верблюды. Иногда за пологом женщины слышит, как всхрапнет лошадь или громко засмеется воин из числа тех, что, вооруженные пиками и укрытые щитами, охраняют караван.

На мгновение ей показалось, что какое-то изменение произошло в размеренном движении каравана: как будто к прежним путникам присоединился еще один, какая-то важная персона, с которой сам начальник охраны вынужден считаться; но затем все продолжилось как было: отдаленные голоса, скрип колес, хлопки полотнища и тихая колыбельная. Младенец спал.

...Поднявшись на вершину холма, Шлока увидел караван и погнал коня прямо к нему. Мудрец действительно не солгал в разговоре с Аурангзебом: с первого взгляда он узнал новую звезду, взошедшую на небосклон. Тот, кому суждено спасти Патампур от нарастающей монстризации захватчиков из Калимегдана, наконец родился.

Теперь следовало спасти его от смертельной опасности, ибо у таких людей всегда множество

врагов. И особенно много врагов у них бывает на заре их жизни.

Младенец беззащитен; да и воины, его охраняющие, не могущественнее маленького ребенка. Одной только силой оружия не сохранишь эту драгоценную жизнь. Пусть Аурангзеб полагается на мощь своих преданных воинов; Шлоке надлежит противопоставить им предусмотрительность и мудрость.

Начальник охраны каравана, завидев незнакомого всадника, тотчас выехал ему навстречу. Это был старый, опытный воин. Он привык не доверять случайным встречам на караванной дороге; однако и видеть в каждом чужаке несомненного врага он не был склонен.

Степенно обменялись они приветствиями. Шлоке понравился своему собеседнику. Начальник вежливо спросил:

— Ты ищешь кого-то, путник?

— Я уже нашел все, что искал, — прозвучал краткий ответ. — Будьте начеку: готовьтесь отразить нападение. Вы еще не видели врагов, но они вас уже заметили. Они близко, поверь мне.

— Я не понимаю, — проговорил начальник охраны, однако оглянулся на доверенный ему караван, и голос воина дрогнул. — Откуда тебе это известно?

Шлоке остановил его:

— Верь мне.

И начальник охраны встретился взглядом со спокойными глазами человека, который знал будущее.

Многое еще хотел бы спросить начальник охраны. Например: «Кто тебе сказал, что наши враги готовятся напасть на нас?» Или: «Откуда бы им знать, где пройдет караван и какую ношу мы с собой везем?» Но все слова застряли у него между зубами, и он просто кивнул.

Вместе они вернулись к каравану; Шлоке подъехал к белой повозке, где находились мать и дитя, и никто не решился возразить чужаку и указать ему на другое место.

Постепенно холмы стали выше и как будто сблизились, травяной покров на них расплзся, точно ветхая ткань разошлась, растянутая сильными руками, и на поверхность вышла скала; караван постепенно втягивался в ущелье.

Небо над головой сделалось узким, потемнею: там, в сгустке небесной вышины, собиралась гроза.

Отдаленный гром раскатился над плоскогорьем, обрушился в ущелье и там затих. На миг повисла тишина, и вдруг ее разорвало громкое, отчаянное ржание коня: прилетевшая из тьмы стрела вонзилась ему в горло.

Вместе с накатывающейся грозой пришел, гремя по вершинам скал, конский топот, и стрелы посыпались на караван одна за другой. Заса-

да, о которой предупреждал Шлока, ждала здесь, в ущелье.

— Берегитесь!

Пронзительный крик прорезал шум начавшейся битвы.

Первая из телег остановилась; вторая, налетев на первую, накренилась и так застыла; третья, четвертая... караван прекратил движение. Воины вырвались вперед, пешие сдвинули щиты, готовясь отразить атаку, конные поскакали навстречу врагу.

Конники Шраддхи хлынули в ущелье, и, опережая всадников, летел их яростный визг, вселяющий в души ужас. Впереди всех скакал Шраддха с обнаженной саблей в руке. Тонкая ко-
сичка торчала из-под его шлема, в глазах горело бешенство. Повелитель Калимегдана, любимец Кали, раджа Аурангзеб приказал своему верному воину сорвать с неба новую звезду и растоптать ее копытами боевого коня, погасить ее страшный блеск прежде, чем он разгорится... Что удержит руку Шраддхи? Не страх перед десятком охранников, не стыд — зарубить женщину и младенца... Нет такой силы, которая остановила бы его.

— Окружить! — кричал Шраддха на скаку своим людям. — Окружайте их! Окружайте!

Для этого набега Шраддха взял с собой самых лучших воинов, и в их числе — киммерий-

ца Конана. Простым солдатам незачем знать истинную цель нападения на караван. Такие вещи предназначены лишь для ушей повелителя и тех, кого он соблаговолит приблизить к себе.

— Наши враги повезут большую казну в Патампур, — сообщил Шраддха киммерийцу. — Эти деньги должны быть отбиты и доставлены в Калимегдан.

Синие глаза варвара блеснули. Он не стал вдаваться в подробности. Например, Конан не спросил, кому на самом деле принадлежит казна, которую они намерены отбить. Не являются ли эти сокровища, в частности, законной собственностью владыки Патампура?

Нет, подобных вопросов Конан не задавал, и Шраддха сразу оценил понятливость киммерийца. Некоторые владыки очень нуждаются в деньгах. И чем мощнее владыка, тем острее бывает его нужда в средствах. Не говоря уж о тех раджах, которые — как ни подыскивай другое определение, — остаются высокочками, захватившими трон.

Улыбаясь в свете грозы, Конан пробирался к одной из телег. Шраддха подивился интуиции варвара: по всей вероятности, именно на этой телеге везли сундук с сокровищами и монетами. Должно быть, киммерийцу и прежде доводилось участвовать в подобных набегах. Что ж, тем лучше.

Лошади, запряженные в повозки, шарахались, бессмысленно толкали друг друга. Повозки, наезжая одна на другую, трещали, ломались, падали. Становилось все темнее. Первые молнии прорезали небо, и снова гром настиг людей, точно неизбежное возмездие.

Безумие боя, запертого в тесных границах ущелья, охватило караван. Люди разили и падали. Всадники Шраддхи, точно свалившиеся на караван с небес, казались неодолимыми. Крики, многократно умноженные высокими каменными стенами, летели сразу со всех сторон, умножая панику. Одни только верблюды стояли неподвижно и глядели в одну им ведомую даль, поверх суетящихся голов и гибнущих повозок.

Шраддха отчетливо видел свою цель. При каждой новой вспышке молнии она становилась все ближе — белая повозка, трепещущий хрупкий навес над хрупкой жизнью, подвешенной сейчас на тонкой нити. Осталось малое: перерубить эту нить одним верным ударом сабли.

Но рядом с повозкой, не отходя от нее ни на шаг, находился Шлока. Он не мог попросить у начальника каравана, чтобы ему отдали ребенка, чтобы мудрец мог ускакать с младенцем подальше от битвы. Тот, кто лично отвечал за жизнь и безопасность отпрыска раджи, ни за что не согласился бы передать драгоценную ношу в чужие руки, в руки незнакомца. Не мог

Шлока и силой забрать дитя, покуда оставалась надежда отбиться от врагов и сохранить жизнь его матери. Поэтому Шлока сделал то единственное, что мог еще сделать: просто оставался рядом.

Мудрец казался безоружным, хотя на самом деле это было не так: простой палкой, которая оказалась у него в руках, он отбивал одно нападение за другим. Выбитые из седла, оглушенные, с разбитыми головами, всадники один за другим валились на землю; ни один не смог даже коснуться белого полотнища.

Чередование тьмы и мгновенного света от вспышек молний не мешало мудрецу, не слепило его глаз: ни разу не дрогнула его рука. И всякий раз, когда загорался над ущельем зловещий свет небесного гнева, Шлока видел, что Шраддха приблизился к повозке еще на несколько шагов.

Нельзя больше медлить, надежды нет — пора!

Склонившись с седла, Шлока откинулся полог и, на миг ослепленный круглым, как луна, женским лицом, выхватил младенца из колыбели. Размотавшееся одеяло потянулось за ним, не желая разлуки, и Шлока подобрал и его. Упала белая завеса, навсегда отгородив мать от избранного сына. Недолго ласкали его материнские руки! До трех, если не до семи лет мечтала ей оставаться при мальчике, смотреть, как

он растет, мужает, как пропасть сквозь мягкость детских черт сходство с отцом, как крепкими становятся маленькие ладошки... Все это отсекло мгновенное движение чужой руки. Полог закрылся; одна судьба завершилась, другая только началась.

Прижимая сверток к груди, Шлока развернул коня и, сливаясь с темнотой, помчался сквозь битву. Ночь надвигалась, принося с собой самое лучшее укрытие для беглеца; тяжелый ее покров давил на головы и плечи, заставляя ниже клониться к гриве коня.

Редкие сполохи озаряли побоище. Шраддха был уже возле самого белого шатра...

Шлока не оглядывался. Чувствуя в левой руке биение маленькой драгоценной жизни, он гнал коня в темноту, прочь из ущелья, и мрак небытия окутывал обоих всадников, и мудрого, и несмышеного...

Шраддха не чувствовал усталости. Охранники каравана один за другим падали под резкими взмахами его сабли. Ему мнилось — ни единого удара не нанес он впустую: всякий раз, когда клинок опускался, он встречал на своем пути податливую человечью плоть.

Начальник охраны каравана бросился наперерез страшному врагу. Шраддха громко смеялся. Капли пота текли по его лицу, находя себе удобный путь в первых морщинах: не от горя

появились эти морщины, от частого смеха. Звон скрещившегося оружия пел в его ушах.

А начальник каравана был немолод, он устал от долгой битвы, движения его замедлились, и следующий выпад противника он отбить уже не сумел. Выдергивая клинок из мягкого живота, Шраддха даже не поморщился от вони, лишь обтер клинок о штаны и метнулся к белой повозке.

Даже во тьме он различал это светлое пятно, к которому неудержимо рвался он в горячке боя. На миг Шраддха помедлил, выжидая, и тут, словно желая угодить ему, правой руке великого раджи, небеса вновь разверзлись и исторгли из глубин великой тьмы ослепительную вспышку. В ее царственном свете явилось пронзенное лучами белое полотно и темный, гибкий силуэт женщины, скрывающейся за тканью шатра. Завизжав и выпучив глаза, Шраддха метнулся вперед, точно змея, и яростным ударом меча перерубил шатер и вместе с шатром — тонкое женское тело. Взметнувшись в воздух обрывки белой ткани, вслед за ними взлетели яркие алые брызги, и, соединяясь в непревзойденном совершенстве — алого на белом, опали вместе на телегу.

Тяжело дыша, Шраддха развернулся саблей разоренный шатер. Выпала из телеги, свисла бессильной змеиной шкурой длинная черная

коса. Вслед за косой разогнулась белая рука с выкрашенной ладонью, блеснули кольца и запястья: еле слышный звон — странно, что он был различим сквозь грохот битвы, крики умирающих, сквозь важный раскат уходящей грозы...

Шраддха вернулся к начальнику охраны каравана. Тот еще дышал, и с каждым выдохом лицо его становилось все спокойней, как будто с неба к нему приходили, один за другим, ответы на все невысказанные за жизнь вопросы.

Шраддха наклонился над ним. Умирающий едва заметно поморщился: враг заслонил для него небо, и переносить такое оказалось тяжело.

Начальник охраны медленно перекатил голову в сторону и стал глядеть мимо виска нависшего над ним врага. Шраддха схватил его за горло. Плеснула под сапогами кровь, вытекшая из раны.

— Где ребенок? — хрипло спросил Шраддха.

На него не мигая глядели блестящие глаза раненого.

— Где ребенок? — повторил Шраддха, сильнее сдвигая пальцы на горле поверженного.

Умирающий молчал, лишь шевельнул рукой. Шраддха ослабил хватку, наклонился еще ниже.

— Где?

Немеющими губами начальник охраны прошептал:

— Не было... не было ребенка...

Он вновь увидел над собою звезды и затих.

С беззвучным проклятием Шраддха оттолкнул от себя умершего воина. Неужели все оказалось бесполезным? Неужели он, Шраддха, напрасно осквернил себя убийством женщины? Но как же пророчество? Как же видение, которое показывал им с помощью духов жрец Санкара? О Санкаре говорят, что сами боги водят с ним дружбу и не гнушаются его обществом.

Шраддхе вспомнилось и другое. Боги частенько смеются над смертными. А богиня Кали — одна из самых жестоких, и шутки у нее могут оказаться весьма жестокими. Бессмысленная резня, страшная смерть женщины... Ради чего все это было?

Шраддха огляделся по сторонам. Несколько воинов из каравана исчезало в горле ущелья. Их не преследовали. У каждой битвы есть свои избранники, один или несколько, — те, кто уцелел посреди самой жуткой бойни.

И еще одну вешь приметил наблюдательный Шраддха, едва только оторвался от своих горестных раздумий. Кажется, до сих пор никто из его соратников этого не понял.

Киммериец Конан исчез.

И вместе с ним исчез тот сундук с приданым невесты, что везли в караване, дабы поднести в дар владыке Патампуре...

* * *

Патампур открылся путнику в разгар дня. Рассвет Шлока встретил на плоскогорье, откуда открывался вид на зеленое море джунглей. Погони за беглецом не было: караван надолго задержал Шраддху. Военачальник великого раджи Аурангзеба постарается не уйти без добычи. Ему необходимо представить своему господину доказательство того, что ребенок мертв. Поэтому Шраддха будет искать маленькое тело до тех пор, пока не убедится в том, что его обманули. Шраддха будет ждать света.

Таким образом Шлока выиграл несколько часов — спасительных для него. Когда Шраддха окончательно убедится в том, что младенца нет, будет поздно высыпать погоню и разыскивать беглеца.

Солнце встало, и ребенок проснулся. Он не стал плакать, лишь широко раскрыл темные глаза и уставился на Шлока.

— Я забрал тебя у матери, я отобрал тебя у смерти, — прошептал Шлока. — Осталось лишь выпросить тебя у твоего отца...

Он прижал ребенка к груди так, чтобы тот видел солнце, и двинулся дальше.

Крепость сверкала при ярком свете. Ворота ее стояли открытыми, стража виднелась у входа и в башнях над воротами. А перед самой крепо-

стью лепилось множество глинябитных строений, и там кипела, выплеснувшись из тесных хижин наружу, обычная жизнь.

Зрелище это ласкало глаз. После ночной битвы, после молний и громов, после предсмертных криков, разносившихся по всему ущелью и многократно умноженных эхом, радостные вопли играющих детей, женская болтовня, негодующие возгласы торговцев и покупателей — все это звучало музыкой в ушах Шлоки.

Медленно проехал он между людей, ноздри его расширились, когда он втянул мирный запах очажного дыма... И везде человеческие лица — спокойные, ничем не искаженные, как будто не знающие тревог. Везде дружелюбные взгляды, а вон та девочка, кажется, показала на него пальцем и прыснула: воин без оружия, с каким-то свертком в руках — должно быть, очень малышке стало смешно...

Шлока закрыл глаза, чтобы слабость не одолела его. Предстоял еще один разговор — с раджой Авениром. Разговор тяжелый. Авенир наверняка уже знает о случившемся — дурные вести летят на таких крыльях, что обгоняют даже самых стремительных гонцов.

Широкие ворота Патампуря поглотили путника и выплюнули его по другую сторону стены, всунули в тесную улочку. На каменных стенах висели ковры; какой-то парень, забравшись

на лесенку, возил щеткой по роскошному ворсу, вычищая грязь и пыль. Чуть дальше начинались лавочки с выставленными на улицу прилавками. Не глядя на торговцев, не слушая их голоса — при приближении льстивые и зазывющие, при удалении же — гневные и проклинающие, Шлока неспешно двигался по улице.

Навстречу ему топал смуглый юнец, за ним — ослик. На спине обманчиво-кроткого животного крепился сильно накрененный и чудом не падающий лоток со всякой снедью. Шлока едва разминулся с ним. Лоток накренился еще сильнее, одна лепешка упала на землю и была тотчас съедена ослом. Юнец завопил, вцепился в морду своего животного в попытке раскрыть его пасть, но осел не разжимал зубов, а лепешка стремительно втягивалась внутрь. Чудная картина! Был бы мальчик, спавший на руках у Шлоки, постарше — он бы рассмеялся; но младенец мирно сопел и ничего не видел.

Неширокая площадь была полна народу; везде шла бойкая торговля. Без труда пробравшись сквозь толпу, Шлока добрался наконец до дворца раджи Авенира и там, спрятав ребенка под полой халата, начал подниматься по лестнице.

Теперь его окружала тишина. Прохлада, как друг, обнимала его за плечи, ее прикосновения были особенно приятны после обжигающей жа-

ры, что царила на площади. Глаза отдыхали в полутьме после разъедающей яркости отраженного белыми камнями солнца.

Раджа Авенир сидел у низкого столика на стопке ковров, бережно перелистывал тонкими пальцами древний фолиант. Эти листы, исписанные давно умершими писцами, украшенные многоцветными миниатюрами и содержащие в себе сокровища мудрости, несомненно, несли исцеление для настрадавшейся души. Даже просто погладить их кончиками пальцев — и то было утешительно.

Вторым человеком в комнате был звездочет по имени Саниязи. С ним-то и встретился взглядом Шлока, когда вошел.

Мудрец тотчас перевел взор на кувшины, стоявшие в нишах, на ларцы, стоявшие под нишами на полу. Он смотрел куда угодно, только не на звездочета.

С этим Саниязи у Шлоки с давних времен установилась — не вражда, разумеется, но не-приязнь. Звездочет и мудрец крепко недолюбливали друг друга. И тому имелись причины: несколько раз Шлока уличал Саниязи в мошенничестве.

Разумеется, тот разбирался в звездах. Умел высчитывать их местоположение и трактовал, как умел. Но при этом Саниязи утверждал, что получает сообщения от духов, обитающих среди

звезд, и требовал, чтобы этим сообщениям безоговорочно доверяли.

— Ты ведь не жрец, — говорил ему Шлока. — Как ты можешь настаивать на своей правоте? Боги не разговаривают с тобой! Не вводи повелителя в заблуждение, это опасная игра. Опасная не только для тебя — твоя жизнь, в конце концов, немногого стоит! — но для раджи и всех нас.

Темнея лицом, Саниязи шипел:

— Просто ты завидуешь мне, Шлока.

— Было бы чему завидовать! — смеялся Шлока. — Я свободный человек. Даже если завтра я заслужу немилость раджи, я все равно останусь самим собой, и у меня будут моя свобода, мои мысли, мои джунгли, моя лошадь.... А большего мне и не требуется. Но что останется от тебя, Саниязи, если вынуть тебя из твоего парчового халата?

Тот хмурился и — Шлока ясно видел это — мысленно клялся устроить своему противнику тяжелую жизнь.

Не поворачиваясь к вошедшему, раджа Авенир произнес:

— Говори.

Шлока хранил молчание. Ни одно слово, самое требовательное и резкое, не выразило бы его желания более определенно, нежели это молчание. Никто не двигался с места, но Шлока

ка, несмотря на приказание раджи, продолжал безмолвствовать. И тогда звездочет встал и, отчетливо печатая шаги, покинул комнату.

Раджа медленно повернул голову и глянул на неподвижного Шлоку.

— Ты обидел преданного мне человека, Шлока. Теперь ты можешь наконец говорить? Я слушаю тебя.

Шлока не опустил взора:

— Досточтимый раджа, твои враги напали на караван, который вез к тебе твою будущую жену...

— Знаю! — оборвал раджа Авенир. — Знаю! Та, которую я должен был объявить перед всеми возлюбленной супругой, матерью наследника, — погибла, и вместе с нею... вместе с нею...

Его лицо покернело от горя, темные круги залегли под глазами, глубокие скорбные складки протянулись вдоль рта.

— Мне уже сообщили, что все убиты! — Словно поднимая неимоверную тяжесть, выговорил он эти слова. — Все убиты, все... И моя жена, и мой сын...

Раджа замолчал, боясь, что голос его обернется.

И тогда Шлока еле слышно проговорил:

— Мне удалось спасти его...

Вихрем раджа вскочил на ноги, но не к Шлоке бросился он, а прочь от него, к стене, как

будто увидел нечто, насмерть его перепугавшее. Холодное дыхание судьбы обожгло лицо Авенира. Как может мудрец оставаться таким спокойным, таким бесчувственным? Он, оказавшийся в самом центре страшной бури, он, предвидевший грозу и переживший ее...

Одна только мысль о близости богов, о свершении великой судьбы страшила робкого книжечея Авенира. Он отшатнулся от Шлока, как от самого страшного своего врага, прижался спиной к каменной стене, чувствуя лопатками надежную опору, тяжело задышал.

— Ты его спас? Ты спас моего сына, Шлока? Но как тебе удалось это?

— Тише.

Медленно, очень медленно Шлока приблизился к владыке и, откинув полу халата, показал ему спящего мальчика. Не веря глазам, раджа протянул к младенцу руки, взял его, прижал к груди. Мальчик вздохнул во сне. Наклонив лицо, отец вдохнул чистый запах его кожи. Темные волоски на темечке слиплись от пота, но и от них пахло молоком.

— Как отблагодарить тебя, Шлока? — подняв глаза, полные слез, прошептал раджа. — Чем? Золотом, серебром, драгоценными камнями? Скажи!

Шлока качнулся головой и ответил ему также, как недавно — Аурангзебу:

— Я привык путешествовать налегке, владыка.

У Шлока не было одной мудрости для врагов и другой — для друзей; он не привык разделять себя на половинки.

Раджа не мог принять отказа от человека, оказавшего ему бесценную услугу, и Шлока хорошо знал об этом. Он даже знал, как распорядится своим правом на награду — у него имелось время хорошенько поразмыслять над этим.

Раджа Авенир еще раз взглянул на спасенного сына и молвил:

— Я не могу отпустить тебя просто так, Шлока. Тебе не нужно золото и драгоценные камни — но что тогда? Проси о чем хочешь, и я исполню любую твою просьбу. Клянусь тебе в этом!

Шлока все медлил с ответом. Испытывающее рассматривал раджу, словно пытаясь проникнуть в самые глубины его души. Искренен ли сейчас раджа Авенир? Действительно ли готов исполнить любую просьбу своего мудреца? Или это просто красные слова, обычные в вежливом разговоре? Некоторые владыки именно так и поступают: сперва — «проси о чем хочешь», а потом — «но только не об этом, и не об этом, и не об этом...»

Наконец раджа встретился с ним глазами, и Шлока увидел в них такую горячую благодар-

ность, такую глубокую искренность, что понял: сейчас этому человеку можно сказать все.

И тогда Шлока ответил:

— Повелитель, отдань мне своего сына.

Темная волна пробежала по лицу раджи Авенира, он прикусил губу и лишь в последний момент удержался от гневных слов. Промолчал.

— Ты позволил мне выбрать для себя награду, — повторил Шлока настойчиво. — И я выбрал. Я хочу твоего сына, раджа.

— Как у тебя язык повернулся сказать мне такое, мудрец? — очень тихо, очень медленно произнес раджа Авенир.

Пока слово не сказано — оно твой раб; вышло наружу — ты ему рабски служишь. И Шлока не стал уклоняться от этого служения.

— Твои враги не знают о том, что твой сын жив, владыка. Но когда узнают — они не успокоятся, пока не убьют его.

Но отец все не хотел сдаваться.

— Где же он будет в большей безопасности, Шлока, как не в моем дворце? Я сумею защитить его... Я — его отец, мне подвластен еще Патампур и окрестные селения, и у меня — если на то будет воля богов — скоро появятся надежные союзники. Я хочу сам воспитывать моего сына. Здесь, в моем дворце, он проведет самые счастливые годы жизни. Здесь нет предателей!

Он задохнулся от горячего желания видеть,

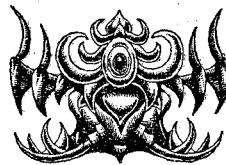
как будет расти и мужать его мальчик. От желания, которому не суждено будет сбыться.

И Шлока безжалостно остыл пыл отцовской любви.

— Но ведь кто-то из твоего окружения сообщил Аурангзебу о караване, — спокойно указал Шлока. — Разумеется, у раджи Аурангзеба имеются сильные жрецы, ясновидцы и предсказатели. Но ни один из них не смог бы прочитать все символы правильно, не будь у них союзника среди твоих людей. Даже духам нужно открывать дорогу! Будь все твои люди преданы тебе, чужие духи не смогли бы проникнуть в твои мысли, в твои планы, в комнаты твоего жилища!

И тогда Шлока увидел, как сломался раджа Авенир. Долго еще медлил он, удерживая ребенка на руках, не в силах расстаться с драгоценной ношей. И наконец, после долгих колебаний, протянул младенца Шлоке. Ни единого слова больше не произнес раджа, ни единым взглядом не проводил своего сына.

Догадываясь о том, что происходит сейчас в душе раджи, Шлока вновь закутал ребенка полой своего халата и бесшумно ушел — растворился на улицах Патампуря, как будто никогда и не было его во дворце.

Глава третья Осиротевший лисенок

Есколько лет об Шлоке не было ни слуху ни духу: растворился в степи. Такой человек, как Шлока, найдет где скрыться от излишне любопытных глаз. Если не захочет, чтобы видели его, — никто его и не увидит.

И все эти годы рос рядом с мудрецом маленький мальчик, не знавший ни родителей, ни других воспитателей. Долгое время лишь одного человека и знал он — Шлока, и думал, что они с учителем — единственные люди в мире, а все прочие живые существа, что окружают их в джунглях, — животные, насекомые, птицы. Они по-своему разумны и даже обладают речью, но все же далеко не так мудры, как Шлока.

Мальчик слушал голос учителя, запоминал его слова — даже если малышу казалось, что мечтами он витает где-то далеко. Шлока нарочно не позволял себе вспоминать о том, что на

руках у него маленький ребенок. Он разговаривал со своим воспитанником как со взрослым мужчиной — всегда, с самых ранних лет.

Мало уберечь его от вражеских сабель. Мало выучить воинскому искусству и премудростям верховой езды. Следовало приложить всю свою мудрость для того, чтобы постоянно чувствовать горящую в этом ребенке искру и своим воспитанием не затушить, но раздуть ее, сделать необоримо сильной.

Однажды мальчик принес в хижину, где они жили, скрываясь от всех, лисенка.

— Что это, Траванкор? — удивился Шлока, видя, как его воспитанник ласкает зверька и играет с ним, позволяя тому покусывать себя за руки. — Ты обзавелся другом?

— Я нашел его у разоренной норы, — сказал Траванкор, опуская лисенка на землю. Зверек тотчас побежал по хижине, вынюхивая, нет ли чем поживиться. — Его мать погибла. Он тыкался в нее носом, но она не могла ни накормить его, ни защитить. И другие щенки тоже погибли.

— Что ж, пусть растет с нами, — согласился Шлока.

Траванкор приблизился к учителю вплотную, уставился на него горящими глазами.

— У всех живых существ есть мать! — сказал мальчик.

Шлока молчал. Ждал, пока его воспитанник выговорится до конца.

— Не думаю, чтобы человек так сильно отличался от животных, — продолжал мальчик. — Поверь мне, учитель, я много времени проводил за размышлениями, как ты и велел.

— Я велел тебе размышлять о том, что все живые существа имеют мать? — деланно удивился Шлока. Он догадывался, о чем хочет спросить его Траванкор.

— Ты велел рассматривать всякую мысль, всякое наблюдение, покуда оно не станет для меня совершенно ясным. Ты приказал мне проникать в суть вещей и явлений. Разве не так? — настаивал Траванкор.

Шлока молча кивнул.

— Я могу продолжать?

— Да, Траванкор. Говори дальше.

— У этого лисенка была мать, но она погибла. Тогда я забрал его и заменил ему мать. Я кормил его и буду кормить, пока он не вырастет и не сможет сам заботиться о себе.

— Ты хорошо поступил, Траванкор.

— Я не спрашиваю тебя о том, хорошо ли я поступил, учитель! Скажи: когда-то ты поступил так же?

— Не раз, и не два. В этом долг человека — защищать слабых, помогать им встать на ноги.

— Я говорю сейчас о себе. У меня была мать?

— У всех была мать. У тебя — тоже.

— Какой она была?

— Когда лиса была жива — была ли она прекрасна? — вопросом на вопрос ответил Шлока. Мальчик горячо кивнул.

— Я смотрел на ее труп и плакал, учитель! При жизни это был великолепный хищник. У нее — ярко-рыжая шерсть, блестящий пышный хвост, острые уши, умная мордочка...

— Твоя мать была при жизни так же прекрасна, как и эта лиса, Траванкор. Я видел ее всего лишь миг, но этот миг навсегда запечателся в моей памяти. Круглое лицо, темные глаза, огромные, полные любви... Изогнутые дуги бровей, длинные тонкие косы... И нежные руки, из которых я вырвал тебя. Спустя несколько минут она уже была мертва.

— Ты знаешь ее убийцу?

— Шраддха. Его зовут Шраддха. Скоро ты сможешь увидеть других людей, Траванкор. В мире очень много людей. Ты увидишь раджу Авенира, мудреца и книжника, который правит городом Патампуром. Ты увидишь юношей, среди которых найдешь себе друга. Ты встретишь девушек, и одна из них станет твоей подругой — подобно тому, как каждый зверь находит самку себе под стать...

— Чем же человек отличается от зверя, учитель? Есть ли различие?

— А сам ты как полагаешь?

— Я знаю, что оно есть. Я чувствую, что оно должно быть! — воскликнул мальчик. — Но я не могу подобрать нужных слов для определения.

— Ты делаешь успехи, Траванкор, — кивнул Шлока. — Человек отличается от зверя двумя особенностями. Во-первых, человек умеет смеяться. А во-вторых, человек обладает готовностью умереть за то, что считает правильным. Самка может пожертвовать собой ради своего потомства, но лишь человек в состоянии пожертвовать собой ради людей, ему совершенно не знакомых. Это — свойство великой души, Траванкор.

— А у меня — великая душа? — спросил мальчик. Глаза его блестели.

Шлока медленно кивнул.

— Не сомневаюсь в этом.

Траванкор порывисто схватил руку Шлоки и поднес к губам. Шлока вырвал у него свою руку.

— Никогда так не поступай! — сурово велел мудрец. — Я твой учитель, твой воспитатель, но ты — мой господин, и когда-нибудь тебе станет это так же ясно, как и мне.

* * *

Лишь пятнадцать лет спустя после той памятной встречи во дворце раджа Авенир вновь

увидел Шлоку. Увидел — и поразился: мудрец почти не изменился, не постарел. Казалось, годы не властны над этим загорелым лицом. Только морщинок чуть прибавилось вокруг насмешливо сощуренных глаз.

Испросив у раджи дозволения, Шлока устроил под стенами Патампурा школу для обучения молодых воинов. Он открывал перед юношами премудрости воинского искусства, а заодно учил их и другим умениям: распознаванию знаков судьбы, которые оставляют для людей благосклонные божества, и чтению следов, что возникают в джунглях и на плоскогорье после того, как по земле пройдет человек или зверь. А еще он учил их грамоте.

Шлока собрал двадцать мальчиков и сделал своими учениками. Они вместе тренировались — верхом на коне, с деревянным оружием в руках, — вместе слушали учителя, вместе ели и спали. Каждый из них старался стать настоящим воином, но двое делали все лучше других. Двое друзей — Траванкор и Арилье. Они-то и стали любимыми учениками Шлоки. Но никто, кроме самого Шлоки, не знал, который из мальчиков — сын раджи Авенира.

Идея создать воинское братство, ядро будущего войска Патампурा, получила горячее одобрение раджи. Авениру был озвестно, что один из учеников Шлоки — его родной сын. Его дитя!

Он вырос, он превращается в воина и скоро станет настоящим вождем. От одной только мысли об этом у Авенира кружилась голова. Ему казалось, что Шлока сделал невозможное.

Мудрец только покачивал головой и весело смеялся, когда Авенир сказал ему об этом.

— Нет ничего невозможного, раджа. Почти все сделало за нас всемогущее время. Богиня Кали лишь придерживает руку наших врагов. Берегись, раджа: Аурангзеб настойчив, а его любимый жрец, Санкара, — могуществен. Санкара неустанно молит богиню, чтобы та обратила благосклонные взоры в сторону его господина и отвратила их от нас. Кали же — капризна, так что много бед ожидает нас прежде, чем мы сумеем добиться своего. Твой сын растет, и в этом нет моей заслуги. Растут и другие юноши. Скоро у тебя будет превосходная, непобедимая гвардия, раджа. Дело за тобой: необходимо объединиться с теми князьями Вендии, которые готовы будут поддержать тебя в борьбе против Аурангзеба. Сейчас уже многие встревожены растущим могуществом Калимегдана.

Вот уже несколько лет Шлока не прятался в джунглях. Со своими учениками он постоянно обитал неподалеку от Патампура, и со стен крепости каждый день можно было видеть, как двадцать юношей носятся на конях или сходятся в учебных поединках. Во время этих скачек

двою неизменно приходили первыми — Траванкор и его лучший друг Арилье. Друзья успевали успокоить лошадей, поводить их по кругу, чтобы те передохнули, пока прочие возвращались к учителю из долгой скачки.

Арилье был сыном простолюдина. Когда Шлока ездил по окрестным деревням, собирая для себя учеников, он поначалу хотел взять в будущий отряд сына местного старосты. Тот паренек, хорошо кормленный, крепкий, рослый, хмуро посматривал на всадника и то и дело косился на отца. Но он хорошо подходил для обучения воинскому ремеслу.

И Шлока, пренебрегая своей мудростью, едва было не открыл рот, чтобы произнести: «Я хочу забрать твоего сына, староста, чтобы он служил радже оружием в личной гвардии правителя».

Какое благое божество запечатало в это мгновение уста Шлоки? Пока слово не сказано — оно твой раб...

Потому что миг спустя Шлока встретился взглядом с другим пареньком. Отец мальчика стоял неподалеку и ежился. Обычный крестьянин... Нет, не совсем обычный. Он стоял в стороне от прочих, так, чтобы ненароком не коснуться кого-нибудь из односельчан. Когда ветер, коснувшись его одежды, долетал до прочих крестьян, собравшихся на маленькой деревенской

площади, люди ежились и делали охранительные знаки.

Почти в каждой из деревень есть такие люди. Они принадлежат к презренной касте. Их сторонятся. Даже стоять рядом с ними — и то считается позором. Такие люди были рождены вне брака и вне закона. Обычно у них не бывает детей, однако этот человек оказался исключением. Должно быть, некогда нашел для себя такую же отверженную женщину.

Его обязанностью, насколько знал Шлока, была уборка нечистот.

Удивительно, но сын этого всеми презираемого человека выглядел совершенно не похожим на отца. Отец — тощий, дочерна загорелый, в одной только набедренной повязке, — ежился возле какого-то дерева, такого же сморщенного и черного, как он сам. Сын же обладал на диво привлекательной внешностью. Ясные темные глаза глядели весело и спокойно, на дне их затаилась улыбка. Мальчик стоял, расправив плечи и чуть откинув назад голову. Было очевидно: он ничуть не надеется на то, что выбор Шлоки падет на него. Еще бы! Ведь Шлока приехал за будущим воином, за человеком, которому предстоит служить самому радже! На такую честь может рассчитывать лишь сын страсти. Ну, в крайнем случае, — сын кузнеца. Но уж никак не сын отверженного.

Мальчик просто с интересом рассматривал пришельца. Он никогда раньше не видел никого, кто не жил бы в их деревне. Какая интересная сбруя у лошади! Какой примечательный халат, какие шаровары, какие сапоги — вот это да! — и даже пояс с узорными накладками... и кинжал в ножных... И посох в руке. Наверняка — не простой посох, волшебный.

Шлока позволял мальчишке разглядывать себя. Мудрец быстро размышлял над своими впечатлениями. Пытался понять, не совершают ли он сейчас ошибки.

Обычай не напрасно запрещает общаться с отверженными: эти люди носят в себе печать проклятия и вырождения.

Но увиденное опровергало все доводы рассудка. Мальчик нравился Шлоке. Мальчик был достоин куда лучшей судьбы, нежели прозябанье в этой жалкой деревушке на положении самого презренного из жителей.

Неожиданно Шлока догадался, в чем дело. Возможно, проклятие и присутствовало в обстоятельствах, при которых появились на свет родители мальчика. Однако сам мальчишка был зачат в любви и родился как желанный сын. Вот что делало его законным ребенком, вот что освобождало его от проклятия.

Родительская любовь. Она освятила брак двоих несчастных.

Шлока больше не колебался. Он протянул руку к этому мальчику.

— Подойди.

Сын отверженного приблизился и запрокинул голову, чтобы лучше видеть всадника.

— Как тебя зовут?

— Арилье.

— Это имя свободного человека.

— Так назвали меня отец и мать. В деревне этого имени не знают.

— Почему же ты назвал мне это имя?

— Потому что ты — мудрец и тоже свободный человек, — ответил мальчик.

Это «тоже» восхитило Шлоку. Он крикнул:

— Я хочу взять для службы при дворе раджи этого мальчика!

Кругом зашумели. Староста, негодуя, что-то выкрикивал, несколько молодых парней бросились к Шлоке, на ходу пытаясь ему доказать его неправоту. Отец Арилье молча плакал, не сводя глаз с мудреца. Сбылось то, о чем он втайне иступленно мечтал, о чем не смел даже молить богов: его сын не разделит его судьбы. Арилье станет воином, он будет служить при дворе. И когда-нибудь Арилье будет по-настоящему счастлив. Не украдкой — как были счастливы его родители, но открыто, с гордо поднятой головой.

Ради Арилье Шлока завел обычай — никогда не говорить о прошлой жизни, о родителях, о

родной деревне или городе. «Для вас существует только настоящее и будущее, — говорил учитель своим ученикам. — И единственный ваш отец, ваша единственная мать — это я. Так будет до тех пор, пока я остаюсь с вами. Когда я уйду от вас... тогда можете говорить о чем угодно и вспоминать, что вам захочется».

Шлока знал: когда настанет ему время покинуть своих учеников, они будут вспоминать его одного...

А затем родная деревня Арилье подверглась набегу. Как и многие другие, она была стерта с лица земли воинами Аурангзеба, и спустя несколько лет джунгли совершенно затянули речи, нанесенные земле. Не осталось ни следа, ни намека на то, что когда-то там жили люди и что люди эти погибли под ударами мечей и в пламени пожара...

У Шлокова выводка завелись и друзья из «внешнего мира» — из города Патампур и из окрестных поселений. Шлока не препятствовал чужим подросткам приходить и смотреть, как тренируются его воспитанники. Пускай. Чем больше молодых людей будут объединены дружбой с самых юных лет, тем лучше. Самые крепкие отношения завязываются именно в эти годы. Трудно разрушить то, что создала моло-

дость. Слабая, неразумная молодость — и в то же время наделенная великой мудростью. Мудростью, в которой отказано старикам.

Уже не в первый раз Шлока видел, как переглядываются при виде Траванкора с Арилье две сестрицы, Рукмини и Гаури. От его взора не укрылось то, чего не замечали пока что остальные ученики (включая и самих приятелей): лихие наездники произвели на юных красавиц надлежащее впечатление. Пускай, пускай... Все это полезно, думал Шлока. Ни девочек, ни их младшего брата Ратараха Шлока не отгонял. Он не для тайных дел своих учеников готовит, никакого секрета из их тренировок делать не собирается.

Краем левого глаза Шлока примечал переглядыванье сестричек; краем же правого глаза усмотрел он нечто совершенно иное и успел вовремя подготовиться. Остальные юноши успели завершить скачку и даже немного отдохнули, когда из ворот Патампурा вышел сам раджа Авенир с небольшой свитой — больше для красоты, нежели из страха перед возможным нападением врагов. Раджу Авенира любили подданные: он не брал больших налогов, не требовал девушек для своего гарема, довольствуясь всего тремя женами, был равнодушен к роскоши, не слушал интриганов, любил устраивать праздники и по-настоящему пекся о безопасности Па-

тампура. Среди своих Авенир чувствовал себя совершенно спокойно. В отличие от Аурангзеба, который никогда не делал и шагу без надежной охраны, которую вот уже много лет возглавлял Шраддха.

Взмах руки учителя — и ученики дружно, быстро выстраиваются перед Шлокой. Веселым светом сияют их глаза, в улыбке поблескивают зубы. Разоряченные, радостные.

Хорошо с детьми, подумал Шлока. Молодеешь, а не стареешь. С ними всегда тепло, даже когда они тебя огорчают...

И усмехнулся: самое время немного осадить счастливых победителей. В игре в вопросы и ответы не всегда побеждает сильнейший в скачках и рубке на саблях, хотя сильнейший-то как раз и будет сейчас рваться в словесный «бой», надеясь заслужить одобрение учителя.

И точно: Арилье уже ерзает в ожидании вопроса, чтобы ответить быстрее всех.

— Отвечайте: какое умение для воина главное? — громко спросил Шлока.

И, как и предполагал учитель, Арилье сразу сделал шаг вперед.

— Смотреть! — выкрикнул он.

— Слушать! — мгновенно перебил Шлока. — Когда ты смотришь, ты видишь только то, что спереди, а когда слушаешь — видишь все, даже и то, что сзади!

И, безошибочно угадав момент, повернулся и очутился лицом к лицу с раджой Авениром, которого как будто бы до сих пор «не замечал». Вежливо поклонился ему.

Раджа быстро оглядел воспитанников Шлока. Один из этих загорелых мальчуганов — его сын. Но кто же? Голос крови молчал. Одно время раджа Авенир сильно рассчитывал на то, что родная кровь отзовется, что сердце само подскажет, потягнется к своему отпрыску... Но сердце молчало. Должно быть, это оттого, что сам Шлока любит всех своих учеников одинаково сильно.

Нет, не молчало сердце! Напротив, говорило громче прежнего, и в его голосе раджа разобрал мудрый ответ: каждый из юных воинов приходится ему, Авениру, воистину родным, ибо каждый принадлежит к тому войску, которое когда-нибудь освободит его народ от вечной угрозы, нависшей со стороны Калимегдана.

И все же один из них — будущий вождь.

Который же? Раджа с интересом рассматривал лица ребят. Те старательно сохраняли «каменное спокойствие», но нет-нет да бросали в сторону Авенира любопытные взгляды. А Шлока стоял с равнодушным видом, и напрасно Авенир приподнимал бровь и спрашивал его настойчивым взором. Ни единой подсказки не получил он от мудреца. Вот она, истинная игра в

вопросы и ответы! Если спрашивает Шлока — никто не может ответить правильно. Если спрашивают Шлоку — ответа не будет вовсе.

В сворке щенков выбирают самого злого. Из мальчиков раджа Авенир выбрал наконец самого сильного.

— Ты молодец, Арилье, — проговорил раджа, коснувшись волос подростка. — Я видел, как ты опередил всех.

Арилье, верное сердце, справедливости ради возразил:

— Мы вместе с Траванкором первыми пришли.

Да. Траванкор. Второй мальчик, к которому невольно потянулся раджа. Кто же его сын, тот или этот? Хороши оба... Арилье, кажется, все-таки лучше...

Шлока молча наблюдал за раджой.

И Авенир понял: ни за что не скажет ему правды хитрый Шлока. Время еще не подошло. Оставалось лишь радоваться тому, что сын его жив, полон сил и здоровья, что он растет под надежным присмотром, набирается умений, столь ему необходимых. И, в последний раз посмотрев на Арилье, раджа обратился к учителю:

— Хорошие у тебя ученики, Шлока.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и ушел прочь, увлекая за собой свиту.

Шлока и бровью не повел.

— Продолжим занятия!

Он всегда таким был, Шлока. Никому еще не удавалось вывести его из себя. Даже если очень сильно задаться такой целью. Иногда мальчики задумывались: каков же их учитель в гневе? Не в притворном, который вспыхивает и угасает по требованию самого гневающегося, а в истинном, над которым никто не властен, кроме богов?

Наверное, лучше такого себе не представлять.

* * *

Священное дерево росло здесь с незапамятных времен. Наверное, оно появилось сразу после того, как младшие боги убили первочеловека, чтобы из его плоти сотворить весь обитаемый ныне мир: из черепа — небесный свод, из крови — реки и моря, из плоти — плодородную землю, из костей — скалистые горы. Это дерево помнило богиню Кали в те дни, когда она была молодой и счастливой в супружестве. Лишь изредка возвращается теперь Кали в свою благую ипостась. В былые же времена, далекие и почти забытые, и дерево было полным сил, и Кали не жаждала смерти людей.

Теперь священное дерево стало старым и больным. Бесчисленные хвори нападали на него и

постепенно взяли верх над переполнявшими его жизненными силами, как, случается, одолевают болезни подточенного возрастом человека. Дерево засыхало. На сухих его ветках, среди сморщенных листьев, трепетали на ветру бесчисленные разноцветные лоскутки, шевелились золотые и серебряные цепочки, поблескивали жемчужины. Те люди, что были побогаче, подносили древу и хранимой им памяти об истории человечества, богатые дары: золото, серебро, монеты, украшения. Но и бедняки чтили священное дерево. Ничего не было у них, кроме их одежды, и они отрывали лоскутки от своих платьев и набедренных повязок, чтобы украсить ими ветки.

Одни лоскуты были еще яркими, другие почти истлели, выцвели под дождем и солнцем... Но за каждым Шлока угадывал целую человеческую судьбу с ее бедами и невзгодами, с ее надеждами и упованием на милость древних богов, которые, возможно, вспомнят о людях и снизойдут к их просьбам о помощи...

Вот жемчужное ожерелье. Его принесла богатая женщина, которая никак не могла забеременеть. Она боялась, что муж оставит ее, и тогда ей придется доживать свои дни в печальном одиночестве. А вот тонкая серая полоска ткани — подношение нищенки, которую, словно бы в насмешку, боги наделили чадородием. Одного за другим рожала она малышей, и нечем было

ей кормить своих отпрысков. Бедняжка просила богиню затворить ее чрево, дабы не производить ей больше на свет голодных ребятишек...

К этому дереву, средоточию тщетности человеческой жизни, воплощению самого Времени, Памяти и Воли Богов, привел однажды своих учеников Шлока. Солнце начало клониться к закату. Пора было им объединиться не только в играх и состязаниях. Настало время освятить их дружбу клятвой.

Но сперва следовало показать ученикам еще одну вещь.

— Видите, вон там блестит маленькое озерцо?

Мальчики дружно закивали.

— О том, что это за озеро, знают очень немногие, и я — в их числе. Там не гнездятся птицы, и запах вокруг стоит неприятный. Многие считают, что это — гнилое болото, дыра в преисподнюю, куда приходят купаться злые духи.

— Но это, конечно, клевета на чудесный дар богов людям? — подал голос Арилье.

Учитель благосклонно кивнул ему:

— Ты прав. Там, на дне этого озера, — большие запасы земляного масла. Удивительное масло! На нем нельзя жарить мясо, его нельзя употреблять в пищу...

— И еще оно воняет! — вставил Арилье, весело блестя глазами.

Обычно учитель не одобрял подобного поведения, но сейчас Шлока лишь кивнул мальчику:

— Опять ты прав, Арилье. Оно воняет. И очень хорошо горит. Запоминайте! Когда-нибудь вам очень пригодится это знание. Когда-нибудь...

Когда-нибудь... когда враг придет под стены Патампурा, и новому радже понадобятся все его знания, все его умения вся хитрость, чтобы отразить нападок доселе непобедимого врага.

Но это случится очень нескоро. Во всяком случае, Шлока хотел на это надеяться.

А пока...

— Загадывайте желания! — воскликнул учитель, показывая рукой на священное дерево. — Загадывайте и просите богов, чтобы те исполнили их!

— И что, сбудется? — спросил бойкий Арилье.

— Если твое желание достойно, если оно позабавит богов или если оно совпадет с желанием кого-то из могущественных духов — непременно сбудется...

Один за другим мальчики подходили к дереву и привязывали лоскутки к ветвям. Учитель наблюдал за ними с легкой улыбкой. Как будто знал, какое желание загадал каждый. Нетрудно, впрочем, догадаться: мысли-то у них у всех нехитрые, и желания таковы же.

Когда они все вернулись к Шлока, он медленно обвел их взглядом. Улыбка пропала с лица учителя, глаза его стали серьезны, и мальчики притихли, ожидая, что сейчас услышат от него нечто важное.

И Шлока заговорил. Он говорил вполголоса, но так, что каждое его слово отчетливо слышали все. И сразу же все загаданное мальчиками стало казаться им таким простым, таким не нужным и жалким: один хотел победить в скачках, другой мечтал о лошади вроде той, что видел у раджи, третьему хотелось красивую одежду — не сейчас, потом, когда вырастет...

Каждый из них думал о себе, о своем. Шлока заговорил об общем деле. О том, ради чего он жил, чему посвятил свои дни без остатка. «Может быть, поэтому он — великий человек, — думал Траванкор. — Потому что действительно отдал себя всему народу, а не как мы — только себе...»

Никогда прежде он не осознавал величие своего учителя так сильно, как в тот день.

Шлока обращался к священному дереву. Он говорил задумчиво, так что каждое его слово как будто бы исходило из самой глубины души:

— Священное дерево... О, священное дерево, хранящее память о молодости богов! В память об ушедших предках, я прошу тебя: напомни о нас добрым богам! Дай нам в союзники благоде-

тельных духов! Помоги нам сделать так, чтобы земля наша избавилась от врагов и возродилась.

Шлока поднял взгляд на мальчиков, чуть улыбнулся им, и тотчас светом наполнились их сердца.

— Давайте помолимся все вместе.

И они подняли руки, зашевелили губами, повторяя слова молитвенного песнопения...

— Теперь знайте, дети, — заговорил Шлока, — для чего я избрал вас. Для чего отобрал вас у ваших родителей и стал для вас матерью и отцом, как и обещал. Близится время решающей битвы. Калимегдан всегда мечтал о том, чтобы захватить все окрестные земли, и всегда Патампур стоял у него на пути. Эта вражда — очень древняя, и началась она в сердцах богов, а не в сердцах людей. Ибо богиня Кали, которой мы так страшимся, не всегда была страшной и злобной. Не всегда ее называли «Черной», не всегда приносили ей в жертву младенцев...

Посмотрите на это дерево. Жаль, что оно не может говорить тем языком, который был бы понятен вам! Но верьте мне, он многое могло бы рассказать вам о том времени... Знайте же, что Азура был некогда верховным богом Вендии. Азура, а не Индра, что проезжает по небу на громовой колеснице и радостно смеется, глядя на победы славных воинов! Азура и сам был воином, но он был также и мудрецом.

Он знал, что наша жизнь — лишь иллюзия, лишь сон, который будет повторяться из раза в раз. Для чего же, спросите вы, нужно человеку быть свободным? Для чего быть сильным и гордым, если вся его жизнь — не более, чем сон? Я отвечу вам, если вы не отыщете ответ в своем сердце.

Скажите: даже зная, что вся наша жизнь — сновидение бога, — даже зная об этом, хотите ли вы быть рабами? Нет, душа ваша протестует против такой участки! Почему? Почему даже во сне вы не желаете быть рабами?

Потому что человек должен быть счастлив и свободен. Даже во сне. Но есть еще одна причина. И заключается эта причина в том, что теперешняя жизнь — не единственная из тех, которые нам даны. Богами нам дано множество жизней, и каждую нужно прожить лучше предыдущей. Более достойно, более честно. После смерти мы встретимся с владычицей подземного царства, с подругой Азуры, которая принимает души умерших прямо из его рук. Кто назовет мне имя этой владычицы?

— Кали, — прошептал Арилье. — Ее зовут Кали...

— Черная Кали, Черная Мать, которой мы страшимся, к которой мы взываем с ужасом! Это она встретит нас, она определит нашу участку в будущем рождении. Вот тайна, кото-

рую я хочу доверить вам: Кали не страшна. Она — великая мать, кормящая всех своей грудью. Она — воплощение созидательных сил самой Природы. Когда будете думать о ней, думайте о ней как о Дурге, как о матери, как о лоне земли... И сейчас мы будем обращать нашу мольбу именно к ней. О великая Дурга, о Черная Мать, о Белая Мать, о та, которая встретит нас за порогом нашей смерти, — дай нам прожить достойно, дай нам умереть достойно, дай нам возродиться достойно!

Шлока помолчал, ожидая, пока в душах слушателей установится полная тишина.

И тут из-за дерева донесся громкий голос:

— Ты разбудил меня своими воплями, а потом снова усыпал нудными рассуждениями! Поначалу я решил было, что перебрал с этим кислым гирканским вином, которое никак не могу допить — такое оно гадкое... Да уж, страшный сон приснился мне, когда я заснул посреди сна этого вашего Азур, кем бы он ни был!

Такое неслыханное кощунство заставило всех юношей замереть.

Кто бы ни скрывался за толстым стволом священного дерева, сейчас он поплатится за свою дерзость.

Но Шлока остался невозмутимым.

— Выйди вперед и покажись нам! Где твой конь? Как тебе удалось спрятаться от нас?

— Да потому и удалось, что я без коня... Лег да заснул. Надо мной, наверное, трава успела вырасти, пока я спал.

Очень довольный собой, ухмыляясь во весь рот, перед Шлокой и его учениками предстал великан-северянин.

— Кром! — прорычал он. — До чего же сложно у вас тут все обстоит с богами! Сколько слушаю, столько диву даюсь.

— Как же, по-твоему, обстоит дело? — вежливо спросил Шлока, как бы желая дать варвару урок хороших манер.

Но не на такого напал. Если он и хотел произвести на Конана впечатление, ему это не удалось.

Конан заявил, зевая во весь рот:

— Когда воин рождается, наш ледяной бог Кром дает ему все, что нужно для жизни. То есть — силу и желание выжить. После чего поворачивается к парню спиной и больше не интересуется его судьбой. А уж когда ты померешь с мечом в руке и боевым кличем на губах — тут Кром тебя встретит и отправит в чертоги, пирожить с друзьями.

— И как же вы поклоняетесь подобному богу? — осведомился Шлока.

— Да никак... — сказал, зевая еще шире, Конан. И вдруг насторожился: — Эй, вендиец, я ведь тебя припоминаю. Мы встречались. Очень

давно. Ты с тех пор почти не изменился. Тебя как-то смешно звали...

— Шлока, — сказал учитель. — Я тоже вспомнил тебя. Ты — киммериец, и имя у тебя странное.

— Конан, — сказал Конан. — Оно не странное. Самое обычное киммерийское имя.

— Как же вышло, что ты опять очутился в Вендинии? Кажется, не сидится тебе на месте, Конан.

— Ты прав. — Конан вздохнул. — Хотел предложить свои услуги в Калимегдане, а там — кто бы мог подумать! — до сих пор сидит прежний раджа, и этот раджа, чума ему в печень, меня до сих пор помнит!

— Тебя, похоже, мудрено забыть, — улыбнулся Шлока.

— Ну, не знаю... Я утащил казну, которую они хотели забрать из каравана, на который напали. Давняя история. Тому уж пятнадцать лет. Удивительно, как люди привязываются к глупым побрякушкам! Похоже, для этого раджи, для Аурангзеба, монеты и украшения дороже хорошего меча. Велел своим стражам убить меня. Якобы за предательство. Представляешь? Никакого нет ума у человека.

— Ты хотел наняться к Аурангзебу? — переспросил Шлока.

— Да, потому что он богат и постоянно ведет войны.

— Он воюет с нами, — сказал Шлока. — Если уж тебе нечем заняться в Вендии, сразись на нашей стороне. Правда, мы не заплатим. Во всяком случае, мы не сможем заплатить тебе так много, как ты рассчитывал получить у Арангзеба.

Конан скрчил недовольную физиономию, но вдруг оживился:

— Я ведь всегда смогу разграбить дворец побежденного. Мне это позволят?

— Думаю, да, — кивнул Шлока.

Мальчики, окружавшие их, не знали, что и думать. Только что их учитель делился с ними сокровенным знанием, молился о будущей победе над врагом — и вдруг словно из-под земли появляется этот странцый северянин, и учитель как ни в чем не бывало беседует с ним, причем изъясняется самым обыденным языком.

(Чуть позднее Шлока раскроет им еще одну тайну: истинный правитель умеет с каждым говорить на его языке. С воином — как воин, с мудрецом — как мудрец, с торговцем — как торговец. «А с женщиной?» — спросил, поблескивая хитрыми глазами, Арилье. «С женщиной? Как мужчина!» — ответил учитель. «А как же вы, господин, утверждали...» — начало было Арилье. Шлока оборвал его: «Женщина — всегда исключение, из любого правила! Запомни это, Арилье, и проживешь много лет».)

Некоторое время Конан размышлял над услышанным и увиденным. Он оглядел двадцать молодых воинов, стоявших стеной за спиной Шлоки, одобрительно хмыкнул, подмигнул Арилье. Наметанным глазом киммериец сразу же определил «самого злого щенка из помета». Хотя Арилье вовсе не был злым — скорее, он был агрессивным, всегда готовым действовать. В отличие от задумчивого Траванкора, истинного сына раджи.

— Обучаешь их войне? — спросил Конан у Шлоки.

Мудрец молча кивнул.

Конан вздохнул, пожал плечами:

— Может быть, ты растолкуешь мне эту историю о караване... Не скажу, что целых пятнадцать лет она не дает мне покоя. Не скажу. Как только украденные мною деньги закончились, вся эта вендийская загадка вылетела из моей киммерийской головы. Но вот я снова в Вендии, и некоторые подробности той истории стали меня преследовать.

— Например, какие? — осторожно спросил Шлока.

Конан хмыкнул.

— Не смотри на меня как на бывшего врага, Шлока. Я — не враг тебе. Я был с людьми Аурангзеба лишь потому, что хотел поживиться добычей, не более. С вами я останусь немного.

из других соображений — вы мне нравитесь. Ну да речь не об этом. Видишь ли, Шлока, мне еще тогда показалось, что Шраддха нам врет. Ну что это за глупость — набег на караван! Я бы еще понимал, если бы он вез с собой несметные сокровища, так нет! Там был только один ларец. А самое странное заключается в том, что этим самым ларцом Шраддха ничуть не интересовался. Он пробивался к совершенно другой повозке. Впрочем, я удрал раньше и не видел...

— В той повозке находилась мать наследника Патампура, — сказал Шлока. — Шраддха хотел убить ребенка, но убил только мать. Он так и не нашел сына раджи.

— Ты уверен, что он не нашел ребенка? — прищурился Конан.

Ни один мускул не дрогнул на лице Шлоки:

— Уверен.

Конан окинул быстрым взглядом учеников мудреца.

Шлока еле заметно покачал головой, и Конан не стал задавать следующего вопроса. Они со Шлокой поняли друг друга без слов.

После этого Шлока повернулся к мальчикам. Те терпеливо ждали.

Шлока произнес:

— А теперь совершим то, ради чего мы и прибыли сюда. Я хочу, чтобы вы дали клятву верности друг другу.

Руки молодых людей переплелись; обняв друг друга за плечи все двадцать замерли возле священного дерева. И все вокруг них, казалось, застыло: солнце, медлившее возле горизонта, облако, переставшее торопиться с каким-то таинственным поручением по воле ветра, даже дыхание в ноздрях. Только еле-еле шевелились цветные лоскутки и тонкие цепочки на выбеленных ветрами сухих ветвях.

Глава четвертая
Светамбар

раванкору казалось, что Рукмини сама похожа на эту речку, возле которой, сидя на корточках, ловко перемывала глиняные плошки и кувшины из-под молока. Такая же быстрая, верткая, такая же светлая. Тонкие косы двигались на ее спине, как живые, лукавый глаз золотисто поблескивал — она косилась на Траванкора и тайком посмеивалась.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросила она наконец. — Разве пристало парню глязеть на девушку?

Траванкор, гордый воин, с важностью пожал плечами:

— Это ты на меня глазеешь.

— Я? Вовсе нет.

Она сложила миски, встала.

Удивительно хорошо здесь. Низкие ветви ив полощутся в реке, не страшась того, что стремительные воды оторвут длинные листья и ум-

чат их прочь, ниже по течению. На перекате громко поет вода. Искры света, отраженные от речки, скачут по траве, по листьям, по лицу Рукмини. А чуть дальше от девушки, выше по течению, широко расставив тонкие ножки, стоит жеребенок и чутко прислушивается к тому удивительному миру, в который по велению добрых лошадиных богов и человеческого бога Агни, хранителя теплого очага, он был помещен и вверен заботам девушки.

— Я вовсе не на тебя глазею, — повторила Рукмини. — И что это за слово такое? Если ты воин, веди себя достойно. Вот лучше погляди сюда — этот жеребенок принадлежит мне. Когда он родился, отец подарил его мне. А Гаури завидует, и Ратарах — тоже. Еще бы, Ратарах — мальчик, да только я самая старшая, вот так-то. Конь — мой.

Заслышиав голос девушки, жеребенок повернулся морду к Рукмини. Она улыбнулась — не Траванкору, конечно, а маленькому коньку. Но и Траванкору кусочка этой улыбки досталось. Самую малость.

— Да, — сказал Траванкор. — Хороший конь вырастет.

— Я назвала его Светамбар, — похвалилась Рукмини. Красивое имя. Она гордилась тем, как хорошо придумала.

Не выдержала — повернула голову к юноше.

Он улыбался во весь рот, и она прыснув спрятала лицо в ладонях.

— Нет, все-таки ты на меня смотришь! — сказал он с торжеством.

И был наказан горстью сверкающей воды.

— Вот тебе!

Ничуть не боясь ответной кары, девушка с торжеством наклонилась, собрала посуду. И важно направилась вверх по склону холма к дому. Траванкор шел рядом, помалкивал.

У него не было матери. Не было сестры, тетки, бабушки. Никого, кроме Шлоки, неизменно сдержанного и мудрого. И названных братьев, с которыми он теперь связан клятвой верности.

Должно быть, воину не нужны лишние привязанности. Они будут только мешать в бою. Должно быть, так. Но юная душа тянулась к теплу, к простому разговору, к обычной радости — от ясного дня, от прозрачной певучей воды, от чудесного жеребенка. От присутствия рядом смешилой девушки. Близость Рукмини немного изменяла мир, а Траванкор, воспитанный мудрецом, чутко улавливал подобные вещи и никогда не считал их малозначащими.

Она что-то сказала, смеясь, стрельнула глазами в его сторону... и вдруг застыла, приоткрыв удивленно рот.

Остановился и Траванкор. Было от чего опешить: с забора, огораживающего дом, где жила

Рукмини, кто-то спрыгнул и бросился навстречу молодым людям. Побежал, низко стелясь к земле, — темный, ловкий, полный смертоносной силы... Лицо скрывает маска с рогами на голове — жуткая образина, просто страх берет. И хоть знает Траванкор, что нет такого смертного, кого нельзя было бы убить, — на то он и смертный, — а все равно в первое мгновение пришлось ему сделать над собой усилие и подавить страх.

На то и рассчитаны эти жуткие личины, что носят некоторые воины Аурангзеба в бою. Иногда одного мгновения довольно, чтобы убить противника. Замешкался — и прощай!

С тихим вскриком Рукмини схватила с земли палку; Траванкор, опомнившись, последовал ее примеру. А из-за забора показалась вторая рогатая башка..

Откуда они взялись — здесь, так близко от стен Патампуря? Как с ними быть? На помочь ли звать или попытаться отбиться вместе с юной девушкой?

Некогда раздумывать. Первый враг уже набросился на Траванкора.

Странно. Нападающий тоже безоружен — одна только палка в кулаке.

— Эй ты! — важным, странно сдавленным голосом изрек из-под маски «злобный враг». — Так и быть, я пощажу твою жалкую, ничтож-

ную, никому не нужную жизнь. Но за это я заберу твою женщины!

Траванкор молча набросился на него, и не- приятель легко отбил первые несколько ударов. Не по голосу — голос легко мог быть искажен маской, не по осанке, по манере отбивать и наносить удары Траванкор узнал своего противника.

— Арилье, это ты?

Второй «враг» не выдержал — расхохотался и сдернул маску. Смеялся жуткий «воин» тонким девчачьим голосом, и лицо из-под маски тоже показалось девичье — Гаури. Арилье тряхнул головой, маска упала.

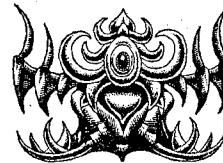
— Что, испугался? — с вызовом спросил он Траванкора.

— Я? Испугался? — закричал Траванкор.

— Да, ты! — Арилье наступал на него, размахивая палкой. — Ну, признавайся!

— Ничего подобного!

Друзья набросились друг на друга, и палки, которыми они были вооружены, сталкиваясь, застучали оглушительно и часто. Девочки наблюдали за шуточным поединком, посмеиваясь, а сброшенные маски таращились на них с земли пустыми глазницами и как будто втайне угрожали им.

Глава пятая

Бесплодные переговоры

тому, что годы проходят, можно судить лишь по тому, как взрослеют дети и дряхлеют старики. Зрелые люди как будто не меняются. Незменными остаются и деревья, и дома, и реки, и трава, хоть и вырастает каждый год новая, все равно остается прежней.

Неизвестно изменились воспитанники Шлоки — всего за какой-то год они превратились в крепких молодых воинов, с которыми следует считаться.

Совсем другими стали и девочки: сквозь быструю подростковую угловатость преступила женственность, плечи хоть и остались худенькими, но приобрели округлые очертания, а в глазах, как и в детские годы лукавых, появилась вдруг потаенная женская мудрость. Откуда что взялось? Тайна.

Изменился жеребенок Светамбар. Добрый конь вырос под рукой Рукмини. Надежный друг. Конь — крылья всадника, вспоминал Траванкор обычное присловье Шлоки, когда видел этого скакуна.

Все больше и больше времени Траванкор вместе со своими товарищами проводил в тренировках. Поле у высоких стен Патампурा было истоптано конскими копытами и сапогами воинов. Изрубленные глиняные чучела и истыканые стрелами мешки, набитые соломой, заменяли по несколько раз в день.

Шлока без устали наблюдал за своим выводком. Казалось, ему, мудрецу, никогда не надоест смотреть, как молодые люди бросают копья, пускают на всем скаку стрелы из круто изогнутых луков, рубятся на мечах. Ни один из учеников не обманул ожиданий учителя. Каким обещал вырасти — таким и вырос. Один — более ловким и хитрым, другой — прямым, любящим действовать грубой силой, навалиться на соперника и подмять под себя, взять нахрапом. Третий лучше стреляет из лука, четвертый предпочитает копье ближнему бою. И все одинаково хорошо управляли своими лошадьми.

Конан, как и обещал, остался со Шлокой. Мудрец одно время предполагал, что киммериец, опытный воин, будет помогать ему с обучением юношей. Однако и мудрецы иногда ошиб-

баются. Конан не мог подолгу оставаться на месте. Он то и дело сам бросался в «битву», и тогда уж худо приходилось юнцам. Киммериец никому не давал спуску, а когда ему пытались возражать, указывали на разницу в росте, в возрасте, в воинском опыте, Конан только шипел сквозь зубы:

— Кром! Своим врагам ты тоже будешь предъявлять претензии? За кого ты меня принимаешь? За болтуна? Защищайся, жалкий червяк! Защищайся!

И с удвоенной яростью лупил мечом по шлему изумленного противника, пока юноша не падал без чувств в пыль.

Подталкивая упавшего ногой, Конан с презрением плевался:

— Вставай! Я уже отрубил тебе голову! Слышишь? Поднимайся, ты, труп! Вставай, мертвец!

Иногда юноша находил в себе силы подняться на ноги и продолжить поединок с варваром, но чаще он лишь стонал и отворачивал лицо. Конан все еще оставался слишком силен для них.

Шлока никогда не вмешивался в эти дела. Если Конан считает правильным избивать его воспитанников, обливать их презрением, требовать, чтобы они во что бы то ни стало продолжали сражаться — пусть. В конце концов, Шлока готовит их для войны с врагом, от которого не следует ожидать пощады.

А если кто-то и ненавидит Конана за насмешки и по-настоящему болезненные удары — что ж, киммериец это как-нибудь переживет. Лишь бы его уроки шли впрок.

Казалось, Конан догадывается о том, какие мысли посещают Шлока. Потому что однажды он, ухмыляясь и потягивая вино в перерыве между тренировками, сказал:

— Думаешь, я не знаю, что только уважение к тебе мешает им перерезать мне горло, пока я сплю?

Шлока осторожно пожал плечами и уставился на варвара, ожидая продолжения. И продолжение не замедлило:

— Не думай, что я не умею обучать молодых воинов. Одно время я занимался этим. Кром! Да я даже был учителем мудрости в одной кхитайской школе.

Впервые в жизни Шлока почувствовал нечто вроде удивления. Довольный произведенным эффектом, Конан ухмыльнулся от уха до уха и снова приложился к кувшину.

Любимым противником Траванкора был Арилье. Они подолгу могли состязаться, не зная усталости. Шлока хорошо воспитал этих молодых людей: доброе соперничество никогда не перерастало в зависть и ревность. Не уступая друг другу, друзья не переходили грань, за которой могла начаться вражда.

Теперь им по шестнадцать лет. Широкие плечи, крепкий стан. Не деревянными палками, а настоящими саблями сражаются они. Поют, ликуя, стальные клинки в умелых руках; звон ударов разносится далеко кругом, и сыплются искры.

Полюбоваться на такие поединки неизменно собирается небольшая толпа. Что и говорить, зрелище красивое. Каждый отраженный удар вызывает у зрителей громкие возгласы восторга.

Хороший день начинается...

Конан подтолкнул Шлоку под бок:

— Смотри-ка, к нам идут. Что-то случилось, не иначе. Раджа прислал гонца.

Шлока повернулся и увидел, что от стен крепости к тренировочному полю бежит, торопясь, какой-то воин. Тревога легонько кольнула Шлоку в самое сердце.

— Интересно, что там происходит? — протянул Конан и хищно осклабился. — Пора бы на конец начаться какую-нибудь заварушке, а то я успею состариться прежде, чем увижу хотя бы край здешних сокровищ.

— В Патампуре нет сокровищ, — сухо произнес Шлока.

— В Патампуре нет, так в Калимегдане найдутся, — беспечно махнул рукой варвар. — Я скучаю, Шлока. Еще пара таких месяцев — и я

оставлю Вендию. Поеду куда-нибудь в Гирканью искать счастья там.

— Что ты называешь «счастьем», киммериец? Горы богатств?

— Например, — сказал Конан.

Увидев, что Шлока смотрит на него, воин еще издалека закричал, зовя мудреца по имени:

— Шлока! Шлока!

Он подбежал, тяжело дыша.

— Сперва отдохнись, — сказал мудрец. — Несколько мгновений любое дело терпит. Если твое сердце лопнет — как я прощу себе такое упущение?

Воин улыбнулся уголком губ.

— Я вовсе не запыхался, почтенный Шлока. Раджа Авенир принял решение — созвать на праздник всех окрестных князей, чтобы держать совет. Близится время решающей битвы. Звездочет Саниязи прочитал в небе важные знаки. Богиня намерена исполнить свое обещание. Нам нужно за добрым пиром заключить союзные договоры. Будет состязание для воинов, будут игры для молодых людей. Возможно, будут заключены браки... А пока люди веселятся, владыки договорятся между собой за пиршественным столом.

Конан одобрительно хмыкнул. Бездействие угнетало его, а что может быть лучшим вступ-

лением в дело, чем огромный пир и шумный праздник?

Шлока резко повернулся к сражающимся юношам, поднял руку:

— Хватит.

Они остановились в тот же миг, как будто учитель произнес некое заклинание и повелел таинственным демонам, управляющим этими молодыми людьми, заснуть и расточиться.

В толпе зрителей, глазевших на учебный бой, недовольно загудели: такой славный был поединок! Для чего потребовалось прерывать его?

Арилье вонзил свой клинок в землю и скорчил мрачную гримасу.

— На этот раз я победил бы тебя, — сообщил он Траванкору.

Тот загадочно улыбнулся:

— Может быть.

Арилье подбоченился.

— Ну как ты можешь не видеть, что я — самый сильный, самый ловкий, самый смелый среди нас!

Он весело смеялся, его зубы блестели, в глазах прыгали огоньки. Жаль, Рукмини не видит, как хорош.

Траванкор не выдержал, засмеялся.

— Меня-то ты, положим, еще ни разу не победил.

— Не хочу лишать тебя надежды, — заявил Арилье, хлопая друга по плечу. — Но рано или поздно нам придется схлестнуться с врагом. Аурангзеб ни за что не оставит Патампур в покое. Будет бить в наши ворота, пока мы не сдадимся или пока он не умрет сам. Учитель говорит, что решающая битва не за горами. Вот тогда-то все вы убедитесь в том, что я был прав. Я — лучший.

— Да поможет тебе Дурга, — неожиданно серьезным тоном произнес Траванкор.

Он встретился с другом глазами, и тот опустил ресницы. Искренность Траванкора вдруг смутила Арилье. Что тот имел в виду? Может быть, Шлока открыл ему нечто из будущего? Нечто такое, что до поры остается скрытым для прочих учеников? Или же это простая самонадеянность?

Однако не дразнить Траванкора — выше сил Арилье, и он опять засмеялся:

— Ты настоящий друг, Траванкор, да только я ничего не могу с собой поделать! Хочу быть первым, и все тут! И уж не обессудь: в игре ли, в бою — нигде не уступлю тебе. И лучше тебе смириться с поражением заранее.

Траванкор обнял его и, спустя миг, оттолкнул.

— Я предпочту принять поражение от дружеской руки, Арилье. Во всяком случае, ты ме-

ня не искалечишь так, чтобы потом я не смог взять меч в руки!

— Ну, не знаю, не знаю... — веселился Арилье.

— На празднике будут состязания, вот и поглядим, кто лучший, — миролюбиво проговорил Траванкор.

— В таком случае, да поможет тебе Дурга в самой свирепой ее ипостаси, — смеясь, заключил Арилье.

Друзья разволновались бы еще больше, если бы знали, что Гаури и Рукмини тоже приглашены на праздник. На этом настоял Шлока, да и Конан поддержал его:

— Мужчины сражаются лучше, когда на них смотрят женщины.

Варвар произнес это таким важным тоном, что Шлока расхохотался.

— Глядя на тебя, киммериец, не скажешь, будто ты придаешь этому какое-то значение.

— Может быть, и не придаю, — не стал отпираться Конан. — Но понимаю, что другие могут быть не похожими на меня. Да, да, не делай удивленное лицо, Шлока! Варвары ничем не отличаются от цивилизованных людей. Разве что лучше разбираются в человеческой природе...

Шлока хохотал, забыв о своем положении учителя, многочтимого человека, непререкаемого авторитета. У Конана искры веселья прыгали

в синих глазах, однако киммериец крепился — он даже не улыбнулся.

— Между прочим, — добавил Конан, — в юности мне доводилось выступать гладиатором. Я пользовался большим успехом среди женщин. И если уж знал, что какая-нибудь милашка придет поглязеть, как я раздеваюсь с очередным куском тренированного мяса... Под «куском мяса» я разумею своих противников... — добавил киммериец, ухмыляясь весьма неприятно. — Да, так вот, женщины всегда меня вдохновляли. Так уж устроен человек. Вдохновляют его женщины.

Многозначительность, с которой прозвучала последняя фраза, наконец возымела «роковое» действие.

Конан засмеялся.

— Разумеется, ты прав, киммериец, — сказал Шлока, вытирая глаза. — Поэтому-то девушки и придут. Правда, есть у меня кое-какое подозрение...

Конан разом насторожился:

— Что еще?

— Легкие увлечения, веселые приключения, милые подруги — все это прелестно, — сказал Шлока. — Беды начинаются вместе с истинной любовью.

У Конана сделался недоумевающий вид, а затем он кивнул:

— Я встречал этого дикого зверя, раз или два. Истинная любовь делает с человеком ужасные вещи.

— Или прекрасные, — добавил Шлока.

— Ты подозреваешь кого-то из своих? — озабоченно спросил Конан.

Шлока кивнул и добавил:

— Не буду пока называть имен. Понаблюдаем. Ты — со своей стороны, а я — со своей. Может быть, все еще не так страшно.

— Истинная любовь всегда страшна для воина, — убежденно произнес Конан. — Она отвлекает и делает тебя уязвимым.

— Если она взаимна... — начал было Шлока, но не договорил и махнул рукой. Ему следовало предвидеть это. Ему следовало быть готовым к тому, что лучшие его ученики вырастут и, следовательно, начнут увлекаться женщинами.

«В конце концов, так уж устроен человек, — пытался утешить себя Шлока. — Дурга заложила в мужчину влечение к женщине, и требовать от юношей отказаться от этого означало бы оскорбить Дургу...»

* * *

Ратарах, младший брат Рукмини, отыскал сестру в конюшне. Она кормила Светамбара и вполголоса секретничала с ним. Конь двигал

ушами, косил глазом, с благодарностью брал с ладони лакомства, а при появлении Ратараха фыркнул с откровенным неудовольствием.

— Что? — спросила брата Рукмини. Она обращалась к нему с высокомерием: еще бы, она взрослая девушка, а он еще ребенок!

— Шлока сказал, что ты ё Гаури — мы все идем на большой праздник во дворце у Авенира! — выпалил мальчик.

Рукмини отошла от коня, надвинулась на брата.

— Это ты его попросил? Признавайся! Ты попросил его, чтобы нас с Гаури взяли?

— Нет, — Ратарах мотнул головой, — он сам сказал. Сам!

На лице Рукмини появилось недоверчиво выражение. Несколько мгновений она рассматривала Ратараха так, словно желала зачерпнуть самый потаенный ил из самых глубин его нехитрой мальчишеской души, а затем внезапно брызнула ему в лицо водой из лошадиной поилки.

— Неправда! Неправду ты говоришь!

Он ошеломленно провел ладонью по губам, облизал палец.

— Нет, сам сказал, правда!

Рукмини, смеясь, схватила его за ворот рубахи.

— Ну, признавайся: ты попросил Шлоку?

Ратарах не выдержал, сдался.

— Да.

— Почему? — наседала Рукмини. — Говори, не то я притащу раскаленные клещи! Сознавайся, Ратарах, выкладывай все!

— Пусти. — Он попытался высвободиться, но куда там! Хватка у сестры крепкая. Рукмини привыкла управляться с конем. И почти наверняка тайком учится владеть мечом. Не Траванкор, так Арилье — кто-нибудь из двух друзей точно с ней сражается.

— Пусти!

— Не пущу, не пущу, — посмеиваясь, ответила она. — Говори всю правду, несчастный. Это Траванкор тебе сказал, чтобы ты попросил за меня? Траванкор, да?

— Нет, — сказал Ратарах. И прибавил: — Я сам. Но он так смотрит на тебя...

— Как?

Внезапно горячая волна разлилась по лицу Рукмини, пальцы ее разжались, и она отошла в сторону. Опустила голову. Тонкая косица повисла, перечеркивая округлую смуглую щеку.

— Как он на меня смотрит?

Ратарах смутился:

— Ты сама знаешь — как.

И поскорее выбежал из конюшни.

Шумно вздохнув, Рукмини подошла к Святамбару. Конь с легкой тревогой следил за хозяйкой: что это она так разволновалась? Воду из

поилки расплескада, на Ратараҳа набросилась, а потом вдруг огорчилась как будто...

Девушка задумчиво погладила морду коня, похлопала по сильной шее, пропустила гриву между пальцами. Он мотнул головой и подтолкнул ее, словно хотел спросил: «Ну, что это с тобой, а?»

Неожиданно она засмеялась.

— Да нет, все хорошо! — ответила она на немой вопрос своего друга. — Мы идем на праздник, во дворец. Там, на площади перед дворцом, состязания будут — вот и полюбуемся все вместе на Траванкора с Арилье, какие они молодцы!

* * *

Тяжелой драгоценной лентой легла через равнину река. Ветер, налетая, шевелит листья густого кустарника, а дальше, за кустами, насколько видит глаз, — бескрайние стада: верблюды, овцы, бараны. Красивые животные, сытые. Радуется сердце при виде такого изобилия.

Верблюды с высокомерным равнодушием взирали на приближение гостей раджи Авенира. Попробуй попытайся понять, какие мысли текут в их змеиных головах, вознесенных над горбами!

Наверняка считают, что все это благодатное плоскогорье принадлежит им: и сочная трава, и

блестящая на солнце река, и кустарник, где есть хоть и малая, а защита от жары.

И прекрасный город, вырастающий белыми стенами посреди джунглей — тоже собственность чванливых верблюдов, не иначе, так по-хозяйски скользят они взором по человечьему жилью, не делая исключения даже для самой большой из всех, белой башни, венчающей дворец.

Раджа Авенир уже не в первый раз собирает у себя высоких гостей — соседних мелких князей, которые мнят себя великими, ибо так повелевает традиция. Здесь и те, в чьем подчинении всего лишь несколько деревень, и те, кто властивует над небольшими городками, и те, у кого во владении находятся большие пространства, в основном занятые почти непроходимыми джунглями; где изредка можно наткнуться на древний, разрушенный и давно забытый город.

Все они считаются «великими владыками». И в каждом раджа Авенир должен найти союзника. В противном случае честолюбивый и жестокий Аурангзеб завоюет их всех по одиннадцати и таким образом окружит Патампур плотным кольцом, из которого будет уже не вырваться. И тогда падет Патампур: окажется он под пятой Аурангзеба навеки.

А правление Аурангзеба очень сурько. За малейший проступок он карает смертью. Крестья-

не вынуждены работать до седьмого пота — и все равно голодают. И это — несмотря на то, что в Вендии собирают по три урожая в год! Одним только воинам, да еще животным живется под властью Аурангзеба недурно.

Пока облаченные властью мужи ведут во дворце переговоры, молодые будут пробовать силы в состязаниях, что устраиваются на тренировочном поле под стенами Патампурा, а после — начнутся гуляния на площади перед дворцом. А ближе к ночи для всех выставят столы с праздничным угощением. Большой день предстоит! Аж дух захватывает.

Сверкание шлемов на ярком солнечном свetu кажется каким-то неземным. От жара воздух раскалился, расплавился; кавалькада в золотом сиянии плывет, спускаясь с холма, словно бы над землей. Последние гости подошли к Патампуре и влились в широкие улицы города.

Повсюду толпились люди — мужчины, женщины, дети, даже степенные старики: всем хотелось видеть прибытие гостей. Из окон, с крыш, с балконов выглядывали любопытные зрители. В праздничной суматохе смешались голоса, везде мелькали смеющиеся лица, ни на одном не в силах остановить взор — столько здесь всего!

Но самая поразительная картина — сам раджа Авенир, ожидающий высоких гостей. На площадь вынесли трон под балдахином, устано-

вили флаг на высоком древке. Обычно на этом троне раджа вершил правосудие, решал сложные вопросы, принимал послов. Теперь он восседал, наблюдая за прибытием своих гостей. Перед троном расстелили длинную ковровую дорожку, и вдоль нее выстроили стражников с пиками и саблями наголо.

Конан стоял чуть в стороне, с любопытством глядя на гостей. Почти никто из прибывающих не вызывал у киммерийца одобрения. Один казался слишком высокомерным, другой — чересчур сонным, третий явно оделся в лучшую свою одежду, которая тем не менее поражала сочетанием убогости и претензий — а это говорило об отсутствии чувства меры, столь необходимом для правителя...

При каждом князьке находилась свита, в которую, помимо местного мудреца, входили молодые воины. У одного — двое воинов, у другого — четверо, а были такие, что привезли с собой по пятнадцать-двадцать человек. Весело горели глаза учеников Шлоки. Еще бы! Они уже предвкушали грядущее состязание. Одно дело — побеждать среди своих, и совсем другое — показать свою удачу на людях. Пусть и чужие князья воочию увидят, каких молодцов вырастил под своим крылом раджа Авенир!

Девушки, Гаури и Рукмини, переглядывались, поблескивали в улыбке зубами. Хорошо,

что Ратарах замолвил за сестру словечко, — хорошо и то, что Траванкор действительно поглядывает на Рукмини... В сердце начинают стучать веселые молоточки, едва только девушка задумывается об этом, хоть на миг.

А вот и самый желанный — и самый несговорчивый союзник, — Мохандас. Он приехал один, словно бы желая бросить вызов некоторой чрезмерной пышности предстоящего празднества. Мохандас высок ростом, широк в плечах — статью сходен с киммерийцем, хотя — и это тоже очевидно, — он прирожденный вендиец, без всякой примеси инородной крови. У Мохандаса большие влажные темные глаза, похожие на глаза кроткой лани. Длинные густые ресницы затеняют их. Многие женщины поддались коварству этих прекрасных глаз!

Но «кротость» Мохандаса весьма обманчива. На самом деле он — свирепый и неукротимый воин, и горе тому, кто встретится с ним в бою! Мускулы играли на смуглых руках Мохандаса, широкие плечи были гордо развернуты, лицо подставлено солнцу. Упругим шагом шествовал он по живому коридору, между воинами, между пиками и саблями, по ковру.

Кто первым такое придумал — выставлять охрану вдоль всего пути? Похоже на вышивку: мерное чередование человеческих фигур. То, что должно быть живым, то есть сами воины, —

неподвижно; то, что должно быть мертвым, их одежда, — то и дело шевелится под порывами ветра. А посреди идет человек, князь Мохандас, властелин двух заброшенных городов в глухих джунглях и пяти деревень. И держится при этом так, словно никогда не может родиться и тени страха в его душе.

А с трона вежливо улыбался ему раджа Авенир.

Остановившись в трех шагах, Мохандас проговорил:

— Мир твоему дому, великий раджа.

И раджа отозвался:

— Добро пожаловать, непобедимый Мохандас.

Это был последний из ожидаемых гостей. Раджа Авенир поднялся с трона. Воины, что стояли вдоль ковровой дорожки, двинулись вперед и окружили своего повелителя. Вместе с Мохандасом раджа Авенир прошествовал по дворец.

Двери затворились. Что происходит теперь там, во дворце?

Молодым людям неведомо.

Ученики Шлоки рассыпались среди гостей, смешались с толпой. Ничего бы не упустить! Когда еще представится случай увидеть подобное великолепие?

Кругом гудит, кричит на разные лады, блещет, волит праздник. Послушать ли состязание

бродячих певцов? Сейчас мало найдется таких, чтобы хорошо пели, — перепевают старое, половину забыли, половину перепутали. Но раз на раз не приходится. Может быть, сюда съехались нынче лучшие и найдется такой, что сложит новую песню о новых героях?

— А, молодой воин, — сказал один певец-сказитель, когда с ним заговорил об этом серьезный юноша с черными сросшимися на переносице бровями, — начинается все не с песни, начинается все с героя...

Траванкор, слышавший этот разговор, и согласен был и не согласен. Как рассудил бы сейчас Шлока? Наверное, любой из учеников Шлоки задал бы себе такой вопрос, если бы довелось ему в чем-либо усомниться или услышать нечто, смущившее ум.

Нет ничего проще, чем переложить ношу на другого. Герой совершил подвиг, странствующий певец воспет его в балладе, и тогда многие люди узнают о случившемся. Весь народ узнает, вся Вендия — даже до Киммерии, быть может, весть дойдет!

Да только много ли чести от того самому певцу? Все равно что идти за богатым кочевым племенем и подбирать крохи, что останутся после того, как оно сдвинется с места: там — больная овца, отбившаяся от стада, здесь — треснувшая ступа и брошенный пест, тут —

дырявое кожаное ведро... А ведь именно так и живут некоторые «отверженные», родившиеся вне закона и преступившие установления богов. Траванкор слыхал о таких от Арилье. Только один раз слыхал, в странном ночном разговоре, когда обнажилась душа, и оба друга говорили, не скрывая ни одной мысли, ни одного воспоминания. Никогда больше Траванкор не возвращался к этой теме, зная, как больно ранит она Арилье. Не возвращался — но и не забыл. Слишком сильное впечатление произвел на юношу рассказ друга. Ведь прежде Траванкор никогда не задумывался о том, какая пропасть отделяет сына раджу от сына деревенского «отверженного». И, наверное, лучше бы ему об этом не задумываться. Сам Шлока вообще не заводил бесед на эту тему. Лишь отрезал: «Вы — воины, и потому равны между собой». И тоже — только один раз.

Нехорошее сравнение певца с побиушкой, злое. Но отчасти ведь правдивое!

А вот поистине великим певец станет, если такую песню сложит, которая сама породит героев. Чтобы юноша, услыхав такую песню, загорелся сердцем и помчался в бой — совершать подвиги. Чтобы с этой песней в душе побеждали врагов! Вот тогда герой придет и поклонится поэту. Скажет: «Не я одолел неприятеля — это сделала твоя песня!» А он возразит: «Не я сло-

жил эту песню — сами боги вложили ее в мои уста!»

Траванкор улыбнулся, качнул головой, разгоняя мысли. Слишком глубоко ушел в мечты. Шлока, наверное, сказал бы ему сейчас совсем другое: «Ополоумел ли ты, маленький братец, — стоять посреди бушующего праздника и размышлять о том, кто выше — певец или воин? Иди-ка ты лучше да веселись. Покажи всем вокруг, а пуще прочих — Рукмини, какой ты герой на самом деле!»

Траванкор засмеялся вполголоса и поскорей пошел на тренировочное поле, под стены Патампура, где уже раздавались крики и бурлил праздник.

Даже небо сегодня веселилось. На специально устроенных качелях взлетали до самых облаков молодые пары, а песни разлетались в поднебесье, как птицы над гнездом. Громкий смех настигал их, гонял суматошно, а возгласы досады — тех, кто проиграл состязание, тех, кто сорвался с качелей, тех, кому не досталось лишней улыбки, — низко стелились над землей, не в силах взлететь...

Траванкор знал, где сейчас все его друзья. Там, где начинались состязания на мечах.

Арилье уже выбрал себе противника. Им оказался рослый и очень смуглый, почти чернокожий воин из свиты одного из приезжих гos-

тей. Глаза на черном лице сверкали синеватыми белками, зубы ослепительно скалились.

Траванкор протиснулся поближе, не желая упустить ни мгновения из предстоящей схватки. Чернокожий бился длинным изогнутым мечом с зазубренным лезвием. По обычаям, во время таких состязаний не использовалось тренировочное оружие — риск получить серьезную рану был нешуточным. Но ни один воин не подверг бы себя позору, предложив не боевое оружие, а «игрушечное».

У Арилье был длинный прямой меч, похожий на киммерийский. Траванкор нахмурился. Обычно на тренировках они использовали более короткие и сильно изогнутые сабли. Странно, что Арилье предпочел незнакомое оружие.

Впрочем, незнакомое ли? Судя по тому, как уверенно юноша держал меч, биться подобным оружием было ему не впервые.

Чернокожий испустил боевой клич и кинулся в бой. Арилье легко отбил первый удар и отступил на шаг, прикрываясь мечом. Чернокожий тотчас нанес второй удар, третий... Удары сыпались на Арилье один за другим, причем было видно, что его противник не щадит сил и не сдерживается. Черная кожа блестела от пота, зубы застыли в оскале.

Воздух наполнился звоном стали. Арилье не переходил в атаку — только отбивался, но зато

отбивался он мастерски: ни одной царапины не получил он за первые минуты поединка. Грудь чернокожего ходила ходуном. Однако Арилье не обольщался. Он видел, что перед ним сильный и опытный воин. Не имеет значения, что он хватает ртом воздух и качает грудной клеткой так, словно это кузнецкий мех. Сил у него еще достанет, чтобы разделаться с дерзким юнцом.

Арилье осторожничал. Отступал, перемещаясь слева направо, делая маленькие, осмотрительные шажки.

А затем — никто не понял, как он это сделал, — взмахнул длинным клинком и, стремительным движением обойдя меч противника, — остановил острое лезвие в волоске от шеи чернокожего.

Восторженный рев раздался сразу со всех сторон. Чернокожий испустил отчаянный крик, бросил меч, уселся на корточки и, обхватив голову руками, начал раскачиваться из стороны в сторону. Потом поднял голову и взглянул на Арилье.

— Ты — великий воин! — закричал он, вскакивая. — Горе мне, меня победили! Счастье мне — меня одолел великий воин!

Арилье скромно улыбнулся и развел руки в стороны. Чернокожий шутливым жестом ударили его пальцами в солнечное сплетение.

— Ты умер, — сказал он. — Я убил тебя предательски.

Арилье покачал головой:

— Ты слишком хорошо сражаешься для того, чтобы быть предателем.

— Я — да, но другие — нет, — сказал чернокожий. — Будь осторожен, Арилье. В честном бою тебя не победить. Тебя убьют предателством. — Он приблизил губы к уху юноши и прошептал так тихо, что слышал его один только Арилье: — Верь мне. Я — сын жреца. Иногда я слышу, о чем шепчутся боги. У тебя странная и грустная судьба. Берегись коварства людей...

Арилье молча поклонился своему противнику. Тот подобрал меч и исчез в толпе.

Траванкор нашел Конана. Киммериец стоял поблизости и с удовольствием наблюдал за поединком.

— Ты тренировал его отдельно! — обратился к киммерийцу Траванкор.

Конан посмотрел на юношу с деланным удивлением.

— О чём ты говоришь?

— Арилье. Он владеет длинным мечом. Ни один из нас не умеет пользоваться киммерийским мечом, Конан. Это — твоих рук дело.

Конан пожал широкими плечами.

— Мне показалось забавным научить парня размахивать длинным клинком.

— Почему ты выбрал его, а не меня? — настаивал Траванкор.

— Потому что он лучший, — сказал Конан. — Вот единственная причина. Не считая, разумеется, той, что мне так захотелось.

Траванкор скрипнул зубами.

Конан дружески положил руку ему на плечо:

— На самом деле все произошло еще проще, чем ты думаешь. Арилье попросил меня об этом. Понимаешь? Арилье попросил, а ты — нет. Вот и вся причина, Траванкор.

— И поэтому ты считаешь, что он — лучший?

В глазах юноши была странная, чересчур серьезная мольба. И Конан ответил, на сей раз без улыбки:

— Для того, чтобы управлять людьми, быть раджой, великим вождем и все такое — не обязательно быть самым лучшим. Не нужно быть самым искусным и самым могучим воином. Не требуется стать самым мудрым среди всех мудрецов. Но твои советники должны быть мудрее всех, а твои защитники — сильнее и ловчее всех. Я много размышлял о природе власти, Траванкор, поскольку и сам рано или поздно сделаюсь королем, и потому даю тебе тот урок, которого ты достоин. Окружай себя самыми лучшими, а сам довольствуйся умением разбираться в людях.

* * *

А в большом зале дворца раджи Авенира стояла напряженная тишина. В первые минуты все собравшиеся молча разглядывали друг друга. Держались вежливо, сдержанно, стараясь ничем не выдавать своих чувств. И все же нет-нет прорывалось: здесь — любопытство, там — ревность, а то и зависть. Змеей из-под полуопущенных век выползала подозрительность, и лишь немногие смотрели прямо, без боязни.

Здесь был словно иной мир — иная вселенная с собственным небом — расписным потолком, собственным светилом — зажженным факелом в треноге. Горизонт зала хоть и узок, но вмещает в себя все потребное человеку для жизни. На стенах — сабли и луки в колчанах; растянутая, как шкура животного, висит кольчуга: колечко к колечку, работы изумительной. Есть на что полюбоваться. А рядом — богато разукрашенный круглый щит и внизу, прислоненные к стене, — секиры, булавы. Тускло поблескивает инкрустация, вспыхивают, точно глаза ночного хищника, драгоценные камни.

Не спешит заговорить раджа Авенир. Одно неосторожное слово, один неверно истолкованный взгляд — и будет разрушено дело, над которым он трудился столько времени, рассыпая гонцов, узнавая настроения князей, подбирая

правильные фразы. Нельзя, чтобы его дурно поняли.

Но вот воцарилась тишина — и в зале, и в сердце каждого из собравшихся. Точно в битву бросился в этот важный разговор раджа Авенир, мудрец и книжечей: отважно, не оглядываясь назад, но и не теряя осмотрительности.

— Высокие гости! — зазвучал его голос. — Арузья мои... Все ближе к нам подбирается Аурангзеб. Будь у него меньше терпения — он попытался бы захватить нас всех разом. Раскрыл бы пасть и заглотил всех... Но это вызвало бы яростный отпор. Поэтому он действует хитростью. Злые боги вложили в его голову злой умысел. Аурангзеб поступает очень умно. Он откусывает от наших земель по кусочку, пользуясь тем, что ни одного из нас не волнует то, что происходит с соседом. Захватил Аурангзеб какое-то мелкое княжество? Ну и что? Нам-то что за дело? Нас-то он не трогает... Проходит год, тихо сидит Аурангзеб. Разве что набегом пройдется по какой-нибудь деревне, но и этого никто не заметит — кроме тех, кто спасется от нашествия. А мертвые — молчат... И вот, год спустя, — новое завоевание. И опять все молчат. Опять никому нет дела. Я уже давно наблюдаю за тем, как Аурангзеб подбирается к моим границам. Шаг за шагом, очень осторожно. Так львица подкрадывается к пасущейся косуле. Та

косится по сторонам, дергает ухом, но пока не понимает, что именно на нее положил глаз коварный хищник. А когда львица прыгнет — будет уже поздно. Когти вонзятся в круп, зубы вонзятся в горло...

Раджа замолчал, ожидая, как отнесутся собравшиеся к тому, что прозвучало. Хоть все знают, что Авенир прав, но... кто как примет эти слова?

Для иного то, что не названо словами, прямо, как будто бы и не существует. И особенно это относится к тем князьям, чьи владения еще не пострадали от нашествия. Отгородили себя, точно в норку забрались; а что происходит за ее пределами — их словно и не касается.

Первым заговорил Мохандас:

— Так что же ты предлагаешь, почтенный Авенир?

Достойный вопрос, сдержанный тон. Хорошее начало. Одно только плохо: Мохандас подозрителен и тщеславен. Поговаривают, будто он, невзирая на бедность, давно рвется к верховной власти. И захватил бы ее, будь у него сил побольше. Мохандас происходил из очень знатного и очень древнего рода, который числил среди своих предков бога Агни. С таким шутки плохи.

Авенир помедлил, еще более тщательно выискивая среди слов самые верные, самые точ-

ные. Нельзя давать Мохандасу ни одного повода погубить столь важное дело.

Однако выхода нет. Потому что задуманное Авениром опасно.

И было бы опасно, даже не будь здесь Мохандаса.

Опасно — да. Но это — единственный путь к спасению.

— Я считаю, что один из нас должен быть избран верховным правителем всех здешних земель с Патампуром в центре, — прямо произнес Авенир. — Мы соединимся и создадим единое государство, большое княжество, способное противостоять захватническим устремлениям Аурангзеба.

Произнес — и тотчас ощутил, как напряглись все находившиеся в пиршественном. Каждый сейчас пытается понять: оскорбительно ли для него предложение Авенира или почтенно. Придется ли подчиниться кому-то из тех, кто издавна воспринимается как равный, как один из многих, пусть и почтенных, пусть и заслуженных, могущественных? Или же ты сам станешь тем, кому подчинятся? Но ведь в таком случае всегда найдутся недовольные, и с этими недовольными предстоит долгий, неприятный разговор...

Не позволяя этим чувствам развиться, Авенир быстро заключил:

— И когда мы изберем верховного правителя, на него ляжет обязанность возглавить ответную войну — войну против Калимегдана.

Буйный Мохандас тотчас взорвался:

— Насколько я понимаю, почтенный Авенир, в качестве этого самого верховного правителя ты видишь себя? — И прибавил язвительно: — Кажется, и занятие для верховного правителя ты уже подобрал! Все тебе уже ясно — чем должен будет озабочиться таковой правитель, кто станет главным его противником, какие задачи перед ним встанут в первую очередь... Да, у тебя воистину государственный ум, раджа Авенир! Недаром ты прочел много толстых и пыльных книг!

Авенир молчал. Он не считал нужным отрицать предположение Мохандаса. Скорый на язык князь из рода бога Агни был совершенно прав: Авенир считал, что справился бы с ответственностью, которую накладывает звание верховного правителя. Но говорить об этом раньше времени открыто он не собирался. Пусть высажутся остальные.

Мохандас продолжал, по обыкновению резко и напористо:

— Но кого бы мы ни выбрали себе в верховные правители, все закончится одинаково: мы потеряем свободу. Ну так знай, раджа Авенир, мудрец, прочитавший много пыльных и тол-

стых книг: люди моего княжества, потомки самого Агни, никогда не подчинятся чужой воле. Пусть мы умрем — но умрем свободными!

Всегда осторожный, всегда готовый выслушать и принять взвешенное решение, раджа Авенир попытался с самого начала погасить грозящие вспыхнуть страсти.

— В твоей храбрости никто не сомневается, почтенный Мохандас, — молвил он спокойно. — Но одно остается неизменным: либо мы объединимся, либо нас ждет страшная участь. Если мы останутся разрозненными и будут продолжать сопротивляться Аурангзебу в одиночку, то... — Он сделал паузу. Было очевидно, что эти слова даются радже Авениру очень нелегко, но все-таки он произнес их: — Если каждый из нас по-прежнему будет рассчитывать только на себя, наши маленькие княжества могут вообще исчезнуть с лица земли. И установится здесь одно-единственное княжество — Калимегдан. Государство, где все подчиняются воле капризной Кали — Кали в ее самой страшной, самой грозной и самой мрачной ипостаси! Постепенно эта богиня забирает власть над Аурангзебом. Жрецы Кали еще остаются в тени, но их рука направляет действия Аурангзеба, и это ясно, как день, каждому, кто в состоянии смотреть и видеть.

На кого-то, быть может, эта речь и произвела впечатление, но только не на Мохандаса.

Трудно проникнуть в мысли того, кто не слушает; трудно войти в закрытую дверь, если она так и не пожелала распахнуться перед тобой. Мохандас слышал лишь одно: собственные чувства и свои личные соображения.

— Поступайте как хотите, — повторил он. — Объединяйтесь, если вам охота, и начинайте общими силами совместную войну. Но знайте: мое княжество никогда не покорится — ни Аурангзебу, ни Авениру. Не означает ли твое выступление, о великий раджа Авенир, что ты не чтишь грозную Кали?

Зазвучал низкий голос могучего чернокожего князя:

— Мохандас прав, братья. Мы почитаем богиню Кали. И если воля богов — в том, чтобы мы подчинились Аурангзебу, то всякое сопротивление окажется бесполезным.

— Я тоже почитаю Кали, — резко возразил раджа Авенир. — Выслушайте же меня! Поймите — УСЛЫШЬТЕ... Кали-Дурга бывает созидаельной, ее сила — не только в разрушении, но и в плодородии...

Еще один князь поддержал Авенира:

— Путь, по которому готов пойти Мохандас, — это путь смерти. Если Мохандас действительно считает бога Агни своим прародителем, он должен ненавидеть путь смерти и презирать его. Агни — это дом, Агни — тепло

домашнего очага, Агни — добрый огонь, источник жизни... Не оскверняй же бога Агни, Мохандас, не превращай его благодетельную силу в убийственную!

И наконец зазвучал негромкий голос того, на кого так рассчитывал раджа Авенир, — голос мудреца Шлоки. И странное дело: совсем не звучный, этот голос обладал глубокой внутренней силой, так что не прислушаться к немуказалось невозможным. Голос этот проникал в самое сердце, он поселялся в рассудке слушающего, в его мыслях и начинал действовать там, подчас вопреки воле слушающих.

— Наберись терпения, о достойный потомок мирного божества, — обратился Шлок к разгневанному Мохандасу.

Тот багровел все сильнее, глаза его сузились, превратившись в смертоносные черные щели.

— Подожди немножко, — продолжал Шлок, — открай свой слух для чужих слов. Да и то, полно, — чужие ли для тебя те, кто собрался здесь в пиршественном зале дворца владыки Патампура? И вы все, о высокочтимые господа, — мудрец медленно обвел глазами спорщиков, — где ваше терпение? Призовите его обратно, покуда оно не бежало слишком далеко — в такие дали, откуда уже не уловит вашего зова! Каждый из вас слышит сейчас только себя. Времени почти не осталось. Несчастные люди бегут от занесенного над

ними меча... А ведь наши люди хотят одного: просто жить. Жить под нашим прекрасным небом! Пасти скот, растить детей, любить женщин... Пить ветер, освеженный дождем! Ничего более — ничего сверх того, что подарили человеку боги! А вы, в чьи руки люди вручили свою жизнь, не в состоянии договориться между собой, чтобы спасти своих подданных!

С упреком посмотрел мудрец на Мохандаса, но тот ничуть не смутился и ответил дерзко, с вызовом:

— Я-то приехал! Сижу здесь и слушаю...

И тут приоткрылась створчатая дверь: то вышла к гостям, чтобы прислуживать им, любимая наложница раджи Авенира, красавица Вальмики.

Словно сноп солнечных лучей ворвался в зал, где самый воздух, казалось, раскалился от гнева. Удивительное действие оказывает на мужчину красивая женщина! Все, даже мудрец Шлока, ощутили, как отступает ярость, как оставляют их честолюбивые помыслы, как улетучивается обида.

Маленькая и стройная, женщина спокойно обвела взглядом гостей. Легкий загар покрывал ее круглое лицо, большие карие глаза смотрели томно, с затаенной лаской. Взглянешь на такую — и как будто дома побывал, прохладной воды напился.

Разумеется, Вальмики очень хорошо знала о том, какое впечатление производит. Чуть улыбнулась полными губами, чуть задержала взор на рослом Мохандасе. Оценивающие зрачки, побежала золотая волна по радужке огромных очей, немного глубже стали ямочки в углах рта.

— Сейчас вам будет подан праздничный обед, высокие гости, — с поклоном произнесла Вальмики.

— Дозволь, прекрасная, нам сперва насладиться высоким умом твоего супруга, — с усмешкой отозвался дерзкий Мохандас.

Авенир слегка приподнял брови. Шлока, на-против, опустил тяжелые веки, немного раздул ноздри: ему не нравилось происходящее, и он предпочел не смотреть, но слушать голоса. Выражение лица может обмануть, тон голоса — никогда. И то, что зазвенело в голосе Вальмики, сильно не понравилось мудрецу. Впрочем, свои выводы он до поры предпочел оставить при себе.

— Кому не достает собственного ума, почтенный Мохандас, — сказала Нубрике, и ее глаза вспыхнули ответной насмешкой, — тому и впрямь следует занимать его у других!

Раджа Авенир примирительным тоном произнес:

— Распорядись, чтобы подали первую перемену блюд, Вальмики.

Мохандас презрительно двинул плечом, однако этот великолепный жест остался незамеченным... если только предназначался он для раджи Авенира, а не для кого-то другого.

Стремительный хищный взгляд, который Мохандас метнул в сторону Вальмики, показал ей: ни одна стрела не пролетела мимо цели. Вальмики улыбалась. Задумчиво, не глядя на Мохандаса, но — улыбалась. И ответная улыбка, также устремленная в никуда, появилась на широком красивом лице Мохандаса.

Все было подготовлено заранее — нельзя не порадоваться той предусмотрительности, с которой хозяева устраивали этот пир. Слуги, обремененные тяжелыми блюдами, вошли в зал сразу из шести дверей, открывшихся одновременно. Перед каждым гостем были выставлены красиво разрисованные миски и каждому подали заранее подготовленные яства: разрезанное мясо, мягкие, недавно испеченные хлебы, спелые фрукты в специальных вазах и вино в кувшинах.

Во время трапезы молчали, дабы не портить удовольствия от еды, но чуть позднее вино развязало языки, и разговор возобновился.

Мохандас решил пойти наперекор Авениру, чего бы ему это ни стоило. Для чего церемониться? Если радже Патампуре так охота выбрать верховного правителя, то Мохандас открыто

предлагает себя. Так же открыто, как сделал это Авенир. И пусть-ка гостеприимный хозяин найдет способ возразить ему, не вызывая общей смуты!

И Мохандас, не чинясь и не медля ни мгновения, направился прямо к почетному месту рядом с хозяином. Не глядел по сторонам на прочих, держался так, словно не сомневался в собственном праве. Но Авенир мягким жестом остановил его, не позволив Мохандасу усесться.

— Прости, почтенный Мохандас, но я вынужден просить тебя вернуться на твое прежнее место. Не будем оскорблять нашего пиршства нарушением обычая. Каждый сидит там, где ему предложено.

Мохандас поколебался, но лишь на краткий миг: страшный миг, когда могла бы вспыхнуть роковая ссора. Затем Мохандас широко усмехнулся. Уверенный в себе, могучий воин, потомок божества. Что ж, он займет менее почетное место. Хорошо! Ждать остается недолго. Скоро все определится, и тогда станет ясно, кто рожден верховодить.

— Ведь княжество твое невелико, — спокойно продолжал Авенир. — Позволь спросить, много ли воинов приехало с тобой на праздник?

Медленно опустился Мохандас на подушку, устремил взор в пустоту. Ответил медленно:

— Я прибыл один, о чём тебе, почтенный раджа, хорошо известно, ибо ты встречал меня. Но приехал я один не потому, что у меня нет воинов. Напротив, у меня достаточно прекрасных воинов. Достаточно для того, чтобы я чувствовал себя счастливым! Я могу постоять за себя сам, раджа. Мне не нужна охрана, ибо я не книгочей, и руки мои привыкли к оружию, а глаза — к поиску противника.

Он произносил все эти гордые слова, а сам то и дело поглядывал на женщину, которая осталась прислуживать гостям. И потому голос — якобы возмущенного — князя звучал несколько рассеянно. Стоят ли все почести мира одного только вида Вальмики? Мохандас умышленно не смотрит на женщину. Красивая женщина. Если мужчина отводит от нее глаза — опасный знак.

Вальмики подала ему кувшин вина с вежливым поклоном, а сама чуть отвернула голову, чтобы скрыть улыбку, тронувшую уголки губ. И вдруг женщина встретилась глазами с мудрецом Шлокой. Вздрогнула Вальмики всем телом: ей показалось, что Шлока читает в ее душе так же легко, как в открытой книге. Чуть расширились зрачки Шлоки, чуть сжались губы. Как будто он хочет сказать ей: «Не делай того, что задумала». Неужто правду говорят о Шлоке — что он понимает языки всех живых существ и

что ему внятно даже то, о чем втайне, сам с собою, думает человек?

Она поскорее отвернулась и обратилась к другим гостям. Но холодная дрожь невольно пробежала по ее спине, оставила в сердце ноющую иглу.

К счастью или к несчастью, но Вальмики — не из тех, кого можно испугать одним взглядом. И скоро игла ушла из ее сердца, холодок оставил ее, приятное тепло разлилось по телу, а в мыслях поселилась неопределенная мечта...

Беседа между мужчинами шла своим чередом. Слуги были отосланы, но женщина осталась, чтобы прислуживать, и при ней не стеснялись пирующие высказываться откровенно. И дело было даже не в том, что женщину никто не считал за человека, при котором следовало бы помалкивать, дабы он не разболтал об услышанном.

Хвала богам, в Вендии знают, какой властью может быть наделена женщина! Нет, просто раджа Авенир любил Вальмики и доверял ей. Он не сомневался в том, что наложница его не предаст.

Разговоры становились все более резкими. Каждый высказывал то, что лежало у него на душе. Нашлись давние обиды, посыпались колкости. Вино и смягчало нравы, и развязывало языки. несколько раз радже Авениру удавалось

осадить слишком уж дерзкого Мохандаса, и воин не всегда находил надлежащий и скорый ответ. В словесных поединках Авениру не было равных!

Досадуя на собственное тугодумство и сидясь на книгоочея Авенира, Мохандас отвернулся от пирующих и сделал вид, будто с интересом рассматривает пиршественный зал. Богато украшенный, с множеством ваз, стоящих в нишах, с несколькими изящными позолоченными статуями танцующих полубогинь, застывших в соблазнительных позах.

Неожиданно Мохандас обнаружил, что Вальмики украдкой усмехается. И чем туже сходились над переносицей черные брови Мохандаса, тем шире становилась усмешка наложницы. Жаркой волной обдало Мохандаса: никаких сомнений больше у него не оставалось, и никто в мире не был сейчас для него желанней, чем эта маленькая смуглая красавица с влажными глазами.

Какая дерзкая! Под стать ему. Ни в чем не уступит, будет говорить злые слова и ласкать глазами, будет скалить мелкие зубки в нехорошой усмешке и гореть всем телом, да так, что тот, кому предназначены эти потаенные сигналы, едва не потеряет рассудок!

Пир был в самом разгаре.

* * *

После пиршества гости встали из-за стола, перешли в сад, чтобы под журчание фонтана закончить разговор и прийти к соглашению. Ибо кое в чем Авенир, по мнению большинства, совершенно прав: скоро не останется независимых княжеств, все пойдут под железную руку Аурангзеба. И тогда уж не пикнешь, не поступишь своевольно! Тогда даже собственным богам не поклонишься свободно.

Вельможи и мудрецы беседуют, а у Вальмики нет дела важней, чем прибрать после пиршества. В ее подчинении две расторопные служанки. Госпожа наблюдает за ними. Во дворце Авенира не найдется ничего, о чем бы не знала Вальмики, любимая наложница раджи. Господин не раз хвалил ее за усердие. Повторял иногда: «Стоит ли тебе, Вальмики, так вникать в хозяйство? Твое дело — быть красивой и любимой. Зачем тебе знать, чем заняты слуги?»

Обычно она отвечала: «Это помогает мне оставаться преданной тебе, мой господин. Я должна перехватывать взгляды, улавливать разговоры. Я — твое око посреди дворца!»

И сколько ни упрашивал ее Авенир избавить свою душу от беспокойства, Вальмики не соглашалась.

Продолжала следить.

Вот и сейчас у нее есть важная причина находиться в пиршественном зале и надзирать за тем, как служанки терпеливо подбирают обглоданные кости, недоеденные фрукты, подсохшие куски разломанных лепешек. Пустые блюда складывают отдельно, для обедов у них специальный мешок. Эти обедки отдадут потом бедному люду. Здесь хватит, чтобы накормить несколько семей. Раджу Авенира не напрасно любят в народе!

Торопиться Вальмики и ее подчиненным некуда. Впереди — вечер, ночь. Скоро разъедутся гости, закончится праздник... И останется Вальмики наедине со своими мечтами и мыслями. У нее — целое небо есть, чтобы считать звезды и загадывать...

Неожиданно она вздрогнула. Постояла немного, подождала, чтобы унялось сильно забившееся сердце. Но нет, не обманули ее глаза. На том месте, где сидел Мохандас, осталась лежать плеть. Обычная плеточка, которой погоняют лошадь. Рукоятка из резной слоновой кости, хвостики шелковые.

Женщина медленно приблизилась, коснулась кончиками пальцев рукояти, и дрожь ожидания пробежала по ее телу, как будто не к плети прикоснулась она, а к мужчине. Глаза ее вспыхнули радостью: она поняла, что Мохандас вернется.

И действительно вскоре послышались шаги снаружи. Вальмики замерла с равнодушным видом.

Наклонилась, подняла пустой кувшин, снова замерла. Неужели не войдет? Неужели она обозналась?

Но нет, шаги теперь слышны у самого входа. Повернувшись, женщина стремительно шагнула навстречу гостю.

— Почтенный Мохандас! Как хорошо, что ты сам зашел сюда. Ты забыл свою вещь. Было бы жаль потерять ее, но для меня стало бы верхом неприличия разыскивать тебя среди гостей... Удачно сложилось, не находишь ли ты?

И с поклоном подала ему плеть.

Мохандас проговорил еле слышно — так, чтобы не разобрали служанки:

— Когда взойдет луна — в камышах...

Повернулся и вышел вон. Упал занавес, Вальмики опять осталась одна. Служанки, эти глупые коровы, — не в счет. Вальмики давно уже перестала считать их за ровню себе, хотя и сама вышла из их среды: несколько лет назад раджа Авенир заметил прехорошеньку служаночку и взял ее к себе на ложе. И вот как возвысилась она! А возвысившись, начала скучать... ибо с раджой Авениром было ей невесело. Он все о книгах говорил, а если и ласкал ее, то весьма рассеянно.

Как выразить ему свою любовь? Как показать преданность, как стать полезной? Больше всего на свете Вальмики боялась утратить свое положение при дворе.

Привязать раджу к себе любовными ласками? Это у нее не получилось. Авенир не то чтобы равнодушен к женской любви, но как-то не придает этому большого значения. Заманить его умными разговорами? Никто не умеет говорить лучше, чем сам раджа! Можно и не пытаться сопрязгаться с ним в этом искусстве.

Сила Вальмики — в умении слушать. Слушала она всегда внимательно-внимательно, почти не моргая. И даже когда не понимала ни единого слова — все равно слушала. За это ценил ее раджа.

За это — и еще за неусыпную преданность.

Однако время шло, и тело Вальмики начало тосковать по настоящим мужским ласкам. Высокое положение во дворце, которого она достигла благодаря своей красоте и умению слушать, перестало устраивать хитрую наложницу. В борьбе с собственным телом она потерпела поражение. Ей требовался любовник.

Изредка ей удавалось получить удовлетворение от случайных мужчин. От солдат, от конюхов. Но никто не осмеливался прикоснуться к наложнице раджи во второй раз. Все страшились расправы. И вот сейчас Вальмики снова

ожидало приключение. Все естество ее так и пело...

Нескоро наступил долгожданный вечер. Все дела на диво скоро переделались, а за стенами дворца, на площади все шумел праздник. Теперь всю ночь будут гулять. Оно и к лучшему, никто не заметит, что любимая наложница раджи куда-то украдкой ушла.

Жаль, что так быстро закончилась молодость, думала Вальмики, разглядывая себя в зеркало. Нет, не молодость закончилась, в том-то и беда, — закончилась свобода девичьей жизни. Никто не возбранил бы простой служанке сбегать на берег реки, чтобы провести там часок в объятиях красивого, сильного мужчины. Но кто дозволит такую вольность наложнице, занимающей высокое положение?

И все же, если заглянуть поглубже в женское сердце и спросить Вальмики, поменяла бы она свое потаенное, украденное счастье на открытую радость порезвиться с парнями, — женщина ответила бы отрицательно. В том, что она делала, была такая сила чувства, какая ни одной из юных девчонок и не снилась.

* * *

Медленно ехал Мохандас через камыши, вдоль озера. Небо наливалось тьмой, выступали

на нем одна за другой звезды, и уже светел восточный горизонт — скоро должна была показаться луна. В воздух вплелись холодные струи: ночь вступала на трон.

Тихо шуршат камыши, слышно, как плещет невидимая волна в озере. Ночь приносит с собой тишину. Так и иные женщины вносят тишину в то помещение, куда входят. Только что все шумели, но появилась красавица, и замолчали самые буйные.

Вальмики — не из таких. Напротив. Где она — там смута, беспокойство, там хочется кричать, вести себя неподобающее, говорить злые слова... что угодно, лишь бы увидеть дерзкую усмешку на губах женщины, лишь бы поймать хитрый взгляд ее глаз, умеющих сеять раздоры.

Какой же будет молчаливая царица ночь, если соединить ее с Вальмики? Кто одолеет: ночная тишина или несущая смятение мужчинам наложница раджи Авенира?

Остановившись, Мохандас огляделся, прислушался. Ничего, только камыши качаются на ветру, да одинокое дерево шумит над его головой ветвями.

Но вдруг в просвете между кустами мелькнула легкая, почти невесомая тень. Она! Только у нее такие движения — как у птицы, сохранившие детскую угловатость и девическую гра-

цию. Только она одна такая, желанная, опасная, чужая и доступная, все сразу. Только в ее присутствии кружится голова, да так, что все, кажется, готов поставить на кон: собственное будущее, и возможный дружеский союз с Авениром...

Чуть слышно Мохандас кашлянул. Тень замерла на месте, а затем безошибочно побежала в его сторону. Темнота сгущалась с каждым мгновением. Как далек сейчас мир людей с его повседневными заботами от любовников!

Миг — и горячее маленькое тело Вальмики уже в объятиях Мохандаса. Ни слова между ними больше не было сказано. Она прижималась к нему, как изголодавшийся зверек, и не то смеялась, дрожа с головы до ног, не то всхлипывала. Обхватив ее своими большими, могучими руками, Мохандас увлек ее в камыши.

Он закрыл глаза и не видел. А она видела. Она хотела видеть: широкое, с блестящими в улыбке зубами лицо мужчины, огромный черный небосвод, полный сверкающих звезд, тонкий серп луны, развернутый зубцами кверху, точно в намерении уколоть надзвездных духов...

Тихий стон счастья сорвался с ее губ. Вся ее жизнь уместилась в это единственное мгновение... и почти тотчас закончилась.

Потому что еще одна тень внезапно выступила из-за кустов.

Самонадеянные, как все влюбленные, они не знали, что их взгляды перехватывались, что нашлись ревнивые глаза, которые также заметили забытую Мохандасом плетку. Вальмики, как всякая женщина, сражалась на собственном поле битвы, — и последнее сражение она проиграла.

Авенир появился в тот миг, когда отрицать что-либо было бесполезно. Мохандас с глупой радостной ухмылкой лежал возле нее в смятых камышах; он опирался на локть и любовался женщиной, которая доставила ему наслаждение. А Вальмики в сбитой одежде, с растрепанными волосами, со вспухшими, нацелованными губами, смотрела на звезды, и счастливые слезы выступали на ее глазах.

Затем ее прекрасные очи наполнились ужасом. Она увидела своего господина, а вслед за ним — и нескольких воинов с натянутыми луками. Острия стрел смотрели в сердце любовникам.

Вальмики не испугалась. Ее жизнь закончилась, вот и все. Она вступила в область тьмы, где не имело значения ничего: ни слова, ни оправдания, ни наказание, ни даже прощение, буде таковое последует. Она ни на мгновения не задумалась над своим будущим, потому что будущего у нее больше не было.

Отсечено мечом, отрезано ножом.

А вот Мохандас — другое дело. Застигнутый врасплох, он сжался, готовясь отразить нападение. Безоружный. Полураздетый. Рядом с чужой наложницей. И все же он готов был драться за свою жизнь.

Авенир в гневе склонился над Мохандасом. Сжал пальцы на рукояти кинжала. Еще немногоН — и руку Авенира сведет судорогой, так крепко стиснул он свой кинжал. Медленно вынула его из-за пояса.

Телохранители раджи набросились на Мохандаса, не позволив ему и шевельнуться.

Вздернули его на ноги. Локти завели ему за спину, чтобы не мог сопротивляться. Один вцепился Мохандасу в волосы, отогнул голову назад, подставляя горло обидчика под удар кинжала.

Авенир дрожал всем телом, едва удерживаясь от того, чтобы нанести смертельный удар.

Сперва раджа не хотел верить, но Шлока настаивал: «Тебе следует проследить за своей наложницей, раджа. Она хочет завести себе любовника».

«Невозможно! — Авенир махал руками, отворачивался. — Замолчи! Ты не знаешь, о чем говоришь, Шлока!»

«Разве я когда-нибудь обманывал тебя?» — удивился Шлока.

«О тебе говорят, будто ты в состоянии прочитать чужую мысль, пока она летит в воздухе...» — нехотя признал Авенир.

«Я — твой друг, раджа Авенир. Я не умею читать мыслей — такое дано только богам да жрецам-ясновидящим, кого боги наделили подобным даром... Но перехватывать взгляды и истолковывать их значение я умею. Да и любой смог бы догадаться, будь он более наблюдателен! Авенир, твоя наложница намерена изменить тебе. Она нашла для себя любовника, и тот непременно назначит ей свидание. Проследи за ней. Пока что ею движет только похоть, но постепенно вожделение завладевает женским умом, начинает властвовать над помыслами. Если любовник прикажет ей убить ее прежнего господина, она сделает это».

«Только не Вальмики! Она всегда была так предана мне!» — Раджа Авенир почти умолял Шлока. Обманутому радже казалось: если Шлока признает свою ошибку, можно будет зачеркнуть страшное подозрение. Отринуть его, как будто его и не было.

Но Шлока оставался непреклонным.

«Нет, раджа. Вальмики, влюбленная в твоего соперника, становится смертельно опасной. Мою неправоту легко будет доказать. тебе следует лишь проследить за Вальмики. Я отправляюсь спать. Я не стану вмешиваться в твои поступки,

раджа. Реши для себя сам, как быть с предательницей».

«А он, ее любовник?»

Шлока пожал плечами.

«Если это молодой воин или чей-нибудь слуга — убей его. Но если это кто-то из князей... А я почти уверен в том, что это Мохандас... В таком случае, придержи свою руку, великий раджа! Не наноси рокового удара, ибо это будет удар по союзу, ради которого ты столько потрудился сегодня. Слишком опасно. Не время. Пусть неразумный потомок богов Мохандас и поставил на кон будущее своего маленького княжества — раджа Авенир должен быть мудрее. Нельзя бить эту ставку. Лучше проиграть сейчас, чем выиграть потом. И того довольно, что Мохандас унижен, пойман с поличным, высечен, как мальчишка».

Довольно.

Довольно...

С трудом Авенир перевел дыхание и опустил руку. Мохандас, тяжело дыша, косил глазами, но вырваться не пытался: если он сделает хоть одно лишнее движение, его повалят на землю и убьют. Мохандасу не хотелось умирать. Не так, не сейчас. Не будучи пойманным, точно блудливый мальчишка, в чужой постели.

Авенир внезапно ощутил боль в сердце. Вальмики очень красива; Мохандас намного моло-

же ее господина, намного сильнее... Наверное, ничего удивительного в том нет, что женщина, забыв о долге перед раджой, который возвысил ее из ничтожества, бросилась в объятия воина.

Авенир перевел взгляд на свою любимую наложницу. Хоть бы малая тень страха, раскаяния... Неужели она даже оправдаться перед ним не попытается? Так и будет смотреть мертвыми глазами и ждать расправы? Как будто ничего, кроме расправы, от Авенира и ожидать нельзя?

Вальмики не обронила ни слова. Даже бровью не повела. Мертвые не разговаривают, ни о чем не просят. Только молчат.

Не сводя взгляда с Вальмики, Авенир заговорил со своими воинами:

— Отпустите его, он мой гость...

Помедлив, они выпустили Мохандаса. Не произнеся ни слова, Мохандас нырнул в камыши и исчез. Его душил стыд, он полон был страха — но больше всего, даже больше спасения собственной жизни, хотелось ему скрыться с человеческих глаз. Потом, когда у него достанет сил, он снова появится перед людьми. И даже будет держаться так, словно ничего не случилось. Но сейчас он бежал от собственного позора быстрее, чем бежал бы от лютой смерти, кусающей его за пятки.

И ни разу за все время этого панического бегства он не вспомнил о Вальмики. Она для

него умерла — как умерла для Авенира и для самой себя.

Авенир все ждал. Может быть, еще жива она? Может быть, шевельнется, потянеться к нему руками, выкажет раскаяние, попробует вернуть любовь? Но под тяжелым взором своего господина Вальмики, такая хрупкая и маленькая, оставалась непреклонной. И, бросив на нее последний взгляд, Авенир отвернулся. Сел на коня, медленно поехал прочь.

Все было кончено, и теперь Авенир тоже знал это.

* * *

— Как лисицы тявкают! — сказал Траванкор, прислушиваясь.

— Я ничего не слышу, — ответил Арилье. Он думал о девушких, чей смех звенел неподалеку.

— Точно, тявкают. Нашли что-то.

Лисицы и впрямь нашли себе поживу, да только это был не козел. Много ночных хищников сбежалось на пиршество: в камышах лежало пронзенное мечом тело молодой женщины...

Глава шестая Признание

икто из юных воинов, естественно, не знал о беде, что случилась на берегу озера. Ничто не омрачало их веселья. На краю тренировочного поля под стеной Патампурा полыхал огромный костер, сложенный из толстых стволов. Огненные языки взлетали к небу и исчезали, растворяясь в темном воздухе. Тщетными были попытки пламени дотянуться до звезд и утащить их вниз, в жар костра. Холодными глазами глядело небо на этот огонь, и маленьким казался гигантский костер, разведенный людьми.

Красными жуками чертили в небе зигзаги вырвавшиеся на волю искры. Точно шкодливые демоны, носились они взад-вперед над костром, но никакого вреда причинить не могли.

Огромные качели взлетали ввысь, унося к небесам молодые парочки. Славно потрудились

нынче эти качели! Без устали раскачивались связанные веревками доски, с самого утра; и сейчас, когда все состязания позади, на качели забрался Арилье и прихватил с собой обеих девушек, и Рукмини, и Гаури. Траванкору места уже не хватило, да он и не слишком огорчался. Стоял у костра и смотрел, как веселятся его друзья. То пропадали они в глубокой ночной тьме, то вдруг выныривали из пустоты и летели вниз, в освещенное пламенем пространство. Промелькнув над самой землей, вновь возносились они к самому небу.

Раскачивая качели все сильнее, Арилье то и дело нашептывал что-то одной, то другой девушке, так что они, почти не переставая, смеялись. Смеялся и Траванкор: хорошо было у него на душе! Когда Рукмини исчезала во мраке, сердце у него чуть замирало в ожидании — когда же она появится вновь; когда же она возвращалась, он вдруг чувствовал, как летит ей навстречу его душа. Как будто сам он раскачивался на качелях! И оттого было ему так странно и весело.

Почувствовав на себе взгляд, Рукмини повернула к Траванкору смеющееся лицо. Доска качелей завершив путешествие во тьму, на миг замерла и стремглав понеслась обратно, в круг света. Траванкор увидел, как летит по воздуху Рукмини: глаза радостно сверкают, упругий ветер обтягивает стройное тело девушки.

И вдруг лента на полупрозрачном покрывале, что окутывало волосы девушки, предательски распустилась; Рукмини, не думая, приложила к груди руку — придержать, но поздно: легкий лоскут уже вспорхнул и взлетел на воздух. Покружившись немного, покрывало упало прямо у ног Траванкора. Прильнуло к нему, точно само выбрало себе нового хозяина.

Наклонившись, он поднял неожиданный подарок, сжал в руке. Улыбка сошла с его лица: нечто сильнее радости наполняло сейчас его душу. Сколько лет он знает Рукмини? Наверное, всю жизнь... Нет, не всю — всю жизнь он знает только Шлоку, — но большую часть того времени, что провел на земле, — точно. Всегда, сколько помнил себя Траванкор, Рукмини была радостью. Встречаться с ней — радость, болтать, ухаживать за лошадьми, пускаться на шалости...

Может быть, только сейчас он понял, что детство закончилось. Легкий лоскут ткани довершил то, чего не могли сделать ни тренировки, ни состязания, ни победы, ни вечные «ничьи» с Арилье. Траванкор ощутил себя мужчиной.

Медленно поднес он край покрывала к щеке, ощущая нежное прикосновение шелка.

А Арилье, беспечная душа, продолжал смеяться сестер и сам хохотал до упаду, и качели все взлетали и опадали, и костер пылал, а хо-

лодное небо глядело на них с высоты и как будто ожидало чего-то.

* * *

— Траванкор, ты спиши?

Неугомонный Арилье все не мог сомкнуть глаз. Его переполняли впечатления минувшего дня, он просто лопался от чувств. Какой уж тут сон! Столько всего случилось!

— Траванкор!

Напрасно Траванкор не открывает глаз, притворяясь спящим. Арилье не обманешь. А хоть бы и обманешь — разбудит ведь, добьется своего. Ему поговорить охота, тут уж спи не спи.

— Я не сплю, — сдался Траванкор.

— У меня сердце разрывается, Траванкор! Мне надо поговорить с тобой. — Арилье присел рядом, сцепил пальцы, уставился в пустоту. Так и сидел неподвижно, только губы шевелились. — Всю ночь не засну, это точно. Всю ночь. Я просто не смогу спать. Никогда со мной такого не было!

— Да что случилось? — спросил Траванкор, стараясь, чтобы голос его звучал сонно. На самом деле и к нему сон не шел. Нежданный подарок Рукмини так и остался у него в руке. Дремал в кулаке, нежный, как прикосновение девичьей щеки.

— Что с тобой, Арилье?

— Голова кружится, — подумав, сообщил Арилье. — Как будто с высоты смотрю на землю. С огромной высоты!

— Должно быть, долго на качелях качался.

— Говорю тебе, никогда со мной такого не было! — В голосе Арилье прозвучала досада. Не то на друга сердился — за то, что такой непонятливый, не то на самого себя — за то, что объяснить толком не может.

— Кажется, понимаю, — с легкой усмешкой молвил Траванкор. — И коленки у тебя дрожали, и звезды кругом падали с небес. И рыдать тебе хотелось, и смеяться, и всех врагов разом поубивать, и спасти какую-нибудь старушку — но только так, чтобы ОНА стояла рядом и все видела... Дружище, с тобой такое случается по одному разу в месяц. А иногда — по два, по три. И вечно ты мне спать не даешь.

Арилье нарочно не замечал насмешливой интонации в голосе друга. Весь был поглощен случившимся. Так человек, никогда не хворавший, с удивлением прислушивается к своему телу: откуда этот жар? почему пот выступил на лбу? почему глаза, всегда такие зоркие, пылают и не хотят смотреть на добрый мир?

— Траванкор! — Арилье схватил его за руку. — Пойми, на сей раз все иначе. Я жить без нее не смогу. Я буду просить Шлоку. В ногах у

него буду валяться, лишь бы замолвил за меня слово перед ее родителями.

Траванкор пока помалкивал, слушал пылкие излияния друга. Нет более влюбчивого парня, чем Арилье! То и дело он находит неповторимую девушку, красавицу дивных достоинств, и пылкое его сердце на несколько дней обращается к ней, к ней одной. Пока не охладевает. И не девушки тому виной — ни с одной из своих подруг Арилье никогда не ссорился. Просто случалось что-нибудь поважнее очередной влюбленности. Состязание, например. Важная тренировка. Попытка побить Траванкора на мечах. И вот уж забыта красавица, единственная в мире... А там, глядишь, и новая повстречается. И снова для бедного Арилье падают с небес звезды, и коленки у него дрожат, и мечты о подвигах не дают ему спать всю ночь.

Бедный Арилье.

— Я знаю, кто я, кто мои родители... Знаю, какой позор могу навлечь на возлюбленную. А если она станет моей женой... — Он порывисто повернулся. — Я хочу, чтобы она стала моей женой! Хочу обрести дом, семью! Мои родители были «отверженными», но они любили друг друга, и я знаю, что такое семья. Не поверишь, Траванкор, но в детстве я был счастлив...

— Почему же не поверю? — Траванкор улыбнулся. — Очень даже верю. В детстве все счаст-

ливы, если есть кто-то, кого ребенок может любить. Это главнейшая потребность человека, как учит Шлока.

— Шлока говорит, что любить — первая потребность чистой души, — возразил Арилье. — Не человека в общем и целом, а только чистого душой. Ребенка — в первую очередь. Но и мужчины, воина — тоже...

— А Конан что говорит?

— Конан? — Было слышно, что Арилье удивляется. — А при чем здесь Конан?

— Разве не он научил тебя сражаться прямым мечом? Я видел сегодня, как ты одолел того чернокожего... Это выглядело здорово, — признал Траванкор. — Да только я подумал о том, что Конан обучал тебя своему искусству тайно.

— Ну, с киммерийцем я ни о чем таком не разговаривал, — сказал Арилье. — Мы просто фехтовали. Он сильный, как бык.

— Почему он выбрал тебя?

— Наверное, потому, что я — лучший, — улыбнулся Арилье. — Я ведь говорил тебе об этом, а ты не верил.

— Киммериец здесь чужой. — Траванкор против воли начал сердиться. Он ревновал к воинской славе друга и даже не пытался скрыть этого обстоятельства. — Он сам говорил, что помогает нам лишь для того, чтобы получить воз-

можность разграбить после победы дворец Аурангзеба.

— И ты этому веришь? — в голосе Арилье прозвучало искреннее удивление.

— А почему бы мне не верить тому, что говорит мужчина и воин? Какие еще нужды заставляют Конана оставаться с нами и учить тебя фехтованию на длинном киммерийском мече?

— Может быть, ему любопытно. А может быть, он понимает, что раджа Авенир — прав.

Траванкор покачал головой. Арилье — воистину чистая, детская душа! Как можно верить в добрые побуждения чужака? Конан не разставил воспитанников Шлоки в тупик. Иногда киммериец казался просто недалеким воякой и любителем пограбить, но стоило только начать думать о нем такое — как он мудрым высказыванием, метким наблюдением или неожиданной штукой разрушал прежнее впечатление.

— Между прочим, Конан тоже говорит, что мужчине нужен дом, семья, женщина. Он и сам намерен когда-нибудь...

— Знаю, знаю, — перебил Траванкор. — Сдаться королем.

— И жениться, — добавил Арилье. Он тяжело вздохнул. — Теперь, когда я стал воином — когда я стал ЛУЧШИМ воином из учеников Шлоки, так что это признали самые упрямые люди в мире, то есть ты и Конан...

— Я не признал, — вставил Траванкор.

Арилье пропустил это замечание мимо ушей.

— Как ты думаешь, я сумел смыть позор своего происхождения?

— Ты не виноват в своем происхождении.

— Но позор есть, и я должен...

— Перейти в другую касту? Это ведь невозможно.

— Или возможно, — сказал Арилье со странным упрямством.

Траванкор подумал немного и произнес:

— Если Шлока объявит, что это возможно, и сошлется на волю богов... Ты ведь стал воином. Если бы богам было угодно, чтобы ты всю жизнь прибирал нечистоты, ты никогда не стал бы воином.

— Вот и я об этом думаю... — вздохнул Арилье.

— Расскажи, в кого ты влюбился на этот раз, — в темноте было слышно, что Траванкор улыбается. Он был рад перевести разговор на более приятную тему.

— Это случилось на качелях, — прошептал Арилье так бережно, словно боялся спугнуть робкую птичку. — Она была рядом. Совсем близко... — Он замолчал, бережно восстанавливая в памяти образ девушки. — Ее глаза, волосы... Как я не замечал этого раньше? Мы всегда

были просто друзьями. Она и сейчас, наверное, так обо мне думает.

Траванкор тихо засмеялся.

— Да нет, Арилье, она всегда была влюблена в тебя.

Арилье метнулся вихрем, стиснул руки друга — Траванкор поразился тому, какими горячими были его ладони.

— Правда? Влюблена? Ты действительно так считаешь?

— Ну конечно... Гаури тебя любит с самого детства. Вечно вы с ней разыгрывали нас с Рукмини. Помнишь, как вы напали на нас из засады, напялив жуткие маски? Я в первый миг даже испугался. Правда.

— Гаури? — Казалось, Арилье не понимает, о чем идет речь. Он помолчал немного, а потом упавшим голосом повторил: — Гаури?

Стало очень тихо. Все слова вдруг разом закончились. Трижды прозвучало имя Гаури — лишь для того, чтобы обоим друзьям стало ясно: речь идет вовсе не о Гаури.

В темноте друзья глядели друг на друга. Несмотря на мрак, Траванкор вдруг отчетливо разглядел лицо Арилье: растерянно раскрытые глаза, изогнувшись в гримасе рот. Траванкор встал и вышел, так и не промолвив больше ни слова.

Арилье не стал его останавливать. Ему хотелось остаться одному. Звезды не падали с небес,

и голова больше не кружилась. Только пропасть разверзлась под ногами, и теперь Арилье ощущал ее реальность больше, чем когда-либо. Он подобрал женское покрывало, выпавшее из руки Траванкора, поднес к губам, вдохнул едва уловимый запах волос Рукмини.

— Значит, ты тоже любишь ее? — прошептал Арилье, зарывшись лицом в тоненький лоскуток ткани.

Если бы покрывало — маленький предатель — и могло бы говорить, ответа все равно бы не понадобилось.

* * *

Траванкор долго стоял в темноте, наедине с ночью и своими мыслями. Ждал, пока успокоятся чувства, пока взбудораженные мысли уйдут и останется только покой. Шлока учил из любой бури чувств возвращаться в состояние полного покоя: только тогда человек начинает думать по-настоящему ясно, и весь мир предстает познаваемым, как бы прозрачным, проницаемым для мысли.

Покой наконец пришел; вместе с ним пришла и ясность. И ничего доброго в этой ясности не было. Они с Арилье любят одну и ту же девушку. Друзья с детства, товарищи юности, будущие соратники в предстоящей большой вой-

не. Женщина не должна стоять между ними. Но как же быть? Неужели ему суждено отказаться от Рукмини?

Никогда больше не будет той простоты в их отношениях с Арилье... И это, наверное, — часть взросления. Когда Шлока говорил о взрослении как о поре утрат, молодые люди не верили. Думали: учитель готовит их к неизбежным потерям. Ясное дело, ведь во время сражения можно потерять глаз или руку, а кто-нибудь из близких друзей даже будет убит.

Но Шлока говорил о больших потерях, о разрыве прежних душевых связей, таких привычных и определенных, об утрате простоты и опасности запутаться в сложностях. Не пережив нечто подобное на собственном опыте, трудно понять до конца, что это такое.

Помедлив, Траванкор отправился в комнаты, где всегда жил Шлока, когда останавливался во дворце раджи.

Шлока не спал. В масляной лампе, стоявшей на столике, горел маленький огонек, заливающий всю комнату теплым уютным светом. В комнате не было никаких украшений, только постель, столик и несколько ковров на полу. Перед Шлокой лежала книга — одна из драгоценностей, что хранились у Авелира.

Мудрец не читал, просто рассматривал миниатюры, украшавшие почти каждую страницу.

Он встретился взглядом с вошедшим, невесело улыбнулся.

— Вижу печаль в твоих глазах, Траванкор.

Траванкор опустил веки, показывая: это неважно. И Шлока не стал говорить о том, что собеседник счел неважным. В этом тоже была заметна примета взросления: учитель начал демонстрировать открытое уважение к желанию или нежеланию ученика говорить о том или ином предмете. Будь Траванкор в другом настроении, он вздрогнул бы от радости. Но сейчас он просто принял случившееся как должное.

С еле заметным укором в голосе Шлока продолжал:

— Если ты посмотришь в мои глаза, то увидишь еще большую грусть...

А! Упрек справедлив: поглощенный собственными переживаниями, Траванкор действительно не обратил внимания на чувства собеседника. Изрядный промах.

Шлока, впрочем, не дал ему времени погрузиться в раздумья по этому поводу. Заговорил сам, задумчиво и откровенно, как с равным:

— Наши князья опять не смогли договориться. Один тащит всех в болото, другой лезет на гору... Не будет толку от таких переговоров. Ты уже не мальчик, Траванкор. Пришло время и тебе принять участие в судьбе Патампурा.

Эти простые слова стали последним рубежом: они окончательно отсекли годы юности и оставили Траванкора наедине с наступающей зрелостью. Рукмини, чувство к ней, дружба с Арилье, вдруг ставшая такой запутанной, осложненной двойным соперничеством — и в военном искусстве, и в любви, — все отошло назад.

И медленно, словно произнося торжественную клятву и посвящая себя единственно важной цели, Траванкор проговорил:

— Ты прав, учитель.

Глава седьмая

Знамение Черной Матери

апрасно считают легкомысленные люди, будто произнесенное слово — всего лишь звук: вот оно звучит — и вот уже нет его, как будто и не было! Есть такие слова, что могут потревожить богов и демонов, вызвать среди них смятение, и смятение это передается людям, которые умеют разговаривать с богами и получать от них ответы.

Вот и клятва, которую Траванкор давал самому себе, достигла слуха незримых существ, что обитают в воздухе. Давно уже ожидали они, когда прозвучит эта клятва. Немало времени прошло с тех пор, как впервые было услышано предсказание о рождении грядущего воина, человека, которому суждено победить Аурангзеба и вернуть былое величие Патампуру. Недоброжелательным демонам оставалось только зата-

иться и выжидать: когда этот предреченный мудрецами воин выдаст себя впервые.

И вот это произошло.

Демоны услышали и передали услышанное жрецу Кали — самому мудрому, самому одаренному из всех. Вот уже много лет неустанно, день и ночь, молясь у статуи Кали, посреди джунглей, в полуразрушенном храме, Санкара вопрошал их об этом.

— Подай мне знак, великая черная Кали! О, Черная Мать, подай мне знак! Укажи время, когда предсказанный воин выйдет на поле боя и поднимет меч с криком: «Я готов!»

Так взвывал он перед статуей богини. Но Кали оставалась черной и безмолвицей.

И вот, едва лишь отзвучали слова, сказанные Траванкором в ответ на речи Шлоки, Кали услышала их. Красные сполохи побежали по черному телу богини, в глазах идола зажегся дьявольский свет, высунутый изо рта язык двинулся, словно в намерении втянуться между зубами. Страшное ожерелье, обвивающее бедра богини, зазвенело черепами. Кали ожила.

Свершилось!

Санкара отер покрытый каплями холодного пота лоб. Свершилось. Следует предупредить Аурангзеба. И сделать это немедленно! Скоро начнется война — война, которая может стать для раджи Калимегдана роковой.

Не следует отчаяваться. Напротив, надлежит воспользоваться милостями богини и заранее принять меры. Не существует на земле такого предсказания, которое нельзя было бы отменить — или хотя бы отсрочить время его исполнения.

Даже воин из пророчества — всего лишь человек. А человека можно убить. А если не удастся убить одного человека, коль скоро благожелательные боги защищают его, — всегда можно разбить армию и заставить великого воина вновь тратить время и собирать себе воинство.

— Благодарю тебя, Черная Мать, — Санкара благоговейно поклонился статуе богини.

В последний раз по телу Кали прошла волна жара. Когда Санкара прикоснулся кончиками надушенных пальцев к ступням статуи, она была холодна, как лед.

Санкара застыл, прижавшись головой к подножию статуи. Много лет он служил Кали, приносил ей жертвы, зажигал для нее благовония. Сейчас богине требовалось нечто большее, чем цветы, фрукты и благовонные курения. Кали, выказавшая своему избраннику столь явную милость, вправе ожидать от него живой крови.

— Я принесу тебе в жертву живую женщину, — прошептал Санкара. — Юную девственницу, красавицу. Ты будешь довольна, о великая

Кали! Ты не пожалеешь о том, что снизошла ко мне.

Он быстро вышел из святилища. Следовало торопиться.

* * *

Аурангзеб, сидя на своем троне, лениво наблюдал, как Шраддха и его младший брат, Дигам, рассевшись на ковре за низеньким инкрустированным столиком, играют в шахматы. Следить за игрой было для Аурангзеба почти так же увлекательно, как и играть самому, а Шраддха с Дигамом — сильные соперники и держатся оба очень достойно.

В игре отчетливо виден характер каждого из обоих братьев. Шраддха, старший, наследник воинской славы и немалых богатств целого рода, заслуженный военачальник, ценимый своим господином, играет уверенно, спокойно. К фигурам прикасается лишь тогда, когда намерен сделать ход. Размышляет над ходами недолго. Он точно знает, чего хочет добиться, и каким именно способом намерен это сделать.

Дигам младше Шраддхи почти на пятнадцать лет. Последний сын у матери, общий баловень и красавец. Дигам очень рано стал пользоваться успехом у женщин — и очень поздно начал подолгу тренироваться с мечом и копьем. У

Дигама была счастливая внешность и не менее счастливый характер: боги наделили его ловкостью, легким нравом, веселостью, быстрым умом.

В шахматы Дигам играл небрежно. Иногда он томительно размышлял над фигурами, а иногда переставлял их на другой квадрат, почти не думая. Он явно больше полагался на интуицию, чем на рассудок. И тем не менее Дигам часто выигрывал.

Шраддха, заменивший младшему брату отца, — тот погиб в стычке с воинами Мохандаса много лет назад, — часто задумывался над грядущей судьбой Дигама. Сможет ли этот веселый, легкомысленный юноша когда-либо стать достойным воином, мужем, отцом сыновей? Или он на всю жизнь останется наполовину ребенком, который только того и ждет, что окружающие начнут им восхищаться и угощать его разными лакомствами?

Что ж, ответ на этот вопрос может дать теперь только время...

Шраддха взялся за очередную фигурку из резного черного дерева, намереваясь сделать новый ход и разгромить Дигама, если тот не сумеет правильно отреагировать.

И в этот миг в комнату влетел Санкара. Он бежал так стремительно, что стражи не успели его остановить. Никто не осмеливался подойти к жрецу великой Кали, когда тот охвачен свя-

щенным пылом. Множество цепочек, амулетов с изображением богини, жертвенных черепов, любимых демонов Черной Матери и жутких существ из Серых Миров, гремели на шее и на поясе Санкары. Длинные ленты, украшающие его одеяние, развевались. Казалось, ноги Санкары не касаются пола, что он действительно летит по воздуху — что его несут над землей невидимые людям духи.

Глаза Санкары вращались, белки устрашающе сверкали.

Разлетелись в стороны шахматы, когда Санкара метнулся к Аурангзебу и протянул к нему руки.

— Горе, горе! — закричал жрец. — О повелитель Калимегдана, о защита и опора нашей жизни! Спаси нас! Спаси себя! Богиня услышала призыв наших врагов и решила взять этому призыву! Я сам видел...

И, пав ничком, жрец Кали громко, безутешно зарыдал у ног раджи.

Глядя поверх его засаленной головы, Аурангзеб задумчиво проговорил:

— Сбывается предсказание...

Раджа наклонился над плачущим Санкарой.

Обычно жрецы так себя не вели. Обычно жрецы входили во дворец размеренной походкой. Их осанка была горда, и вышагивали они так, как ходят уверенные в себе люди, наделен-

ные могуществом. Ничто не смеет посягнуть на это могущество! Ничто и никто, ибо жрецы находятся под охраной и покровительством своих богов.

Не таким был Санкара. Порывистый, страстный, всегда, как казалось, разрываемый на части кипевшими в его душе чувствами, он не снисходил до соблюдения этикета. Для него не существовало никого и ничего, кроме его богини. Одна только Кали владела его мыслями, она она царила в его сердце.

С годами он даже научился радоваться тому, что завистники и соперники отослали его из Калимегдана, из дворца раджи, в полу забытый лесной храм. Там, в уединении, среди джунглей, он возносил молитвы к Черной Матери, и никто не тревожил его. Там он не отвлекался на такие мелочи, как дворцовый этикет.

И сейчас, когда Санкара вбежал в зал и бросился к ногам раджи, с очевидностью стало ясно: да, жрец — человек, всецело посвятивший себя божеству. Санкара попросту не создан для того, чтобы красиво скользить по роскошным полам из отполированных каменных плиток, и странно выглядит его жреческий наряд, прошитый дымом благовоний и жертвоприношений, среди зеркал и витых колонн дворца.

Аурангзеб потому и стал великим владыкой, что умел — когда этого требовали обстоятельст-

ва, — пренебрегать такими мелочами, как дворцовый этикет.

Он наклонился над жрецом и спросил:

— Какой знак подала тебе богиня?

Санкара поднял лицо. Оно было залито слезами, искалено неподдельным страданием.

— Великая госпожа ясно дала понять, что тот воин, рождение которого было столь опасно для Калимегдана, дал клятву выступить против нас. Из мальчика вырос мужчина, и этот мужчина готов действовать. Мы должны нанести удар первыми, пока наши враги в Патампуре еще не объединились и не приготовились дать нам отпор. Следует торопиться! Иначе будет слишком поздно... Если уже не поздно.

— Что ты видел, почтенный Санкара? — настойчиво спрашивал раджа.

Санкара тряхнула волосами, сел, точно собака, у ног властелина.

— Темный огонь ласкал тело черной госпожи. Я видел, как загорелись ее глаза. Слышал, как зазвенели черепа ее ожерелий. Она готова пуститься в пляс на человеческих костях. Я обещал ей в жертву девственницу, мой господин.

— Что ж, — медленно проговорил раджа Аурангзеб, — я могу найти для тебя девственницу. Отдай ее богине, дабы та могла насладиться страхом и болью...

— Нет. — Санкара покачал головой. — Нет, мой господин! Эта девственница должна быть из военной добычи. Из числа пленниц, которых мы захватим в Патампуре! Тогда моя богиня будет по-настоящему довольна. Тогда она поймет, что мы не пренебрегли ее предостережениями, что мы вняли ее советам. В противном же случае она сочтет, что мы способны лишь хныкать у ног ее идолов да возносить к ней мольбы.

— Будь по-твоему, — согласился Аурангзеб.

И перевел взгляд на своих воинов.

Поскольку шахматы уже рассыпались, и новые мысли заполнили головы приближенных раджи, Шраддха упруго вскочил на ноги, кивнул Дигаму. Без слов понимали друг друга шахматные игроки, соперники в игре, соратники на поле боя. Склонились перед Аурангзебом.

Шраддху до сих пор обжигала мысль о том, что некогда он не сумел убить ничтожного младенца, беззащитный комочек плоти. Кто-то более хитрый сумел обвести Шраддху вокруг пальца и вытащить ребенка из самого пекла.

Отчасти, впрочем, Шраддха был этому рад. Выполнить повеление владыки — достойное дело; но немного чести в том, чтобы зарезать ребенка. Теперь Шраддхе предстояло отыскать и в равном бою уничтожить воина, молодого мужчину. Это — гораздо лучше.

— Мы отыщем и убьем воителя из Патампу-

ра, — от собственного лица и от лица младшего брата поклялся повелителю Шрадда.

Ничего не ответил Аурангзеб. Потому и оставался он повелителем Калимегдана, что умел чувствовать приближение нового ветра. И сейчас это ощущение захлестнуло его целиком.

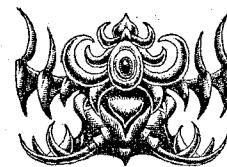
* * *

Одинокий всадник мчался по плоскогорью, направляясь в сторону джунглей, туда, где висят башни Патампура. Недобрую весть вез он с собой в седле. Весть эта настигала его по пятам, она клубилась пылью у него за спиной и с каждым часом становилась эта пыль все гуще. Большой отряд движется к Патампуре.

Скорей! Скорей! Гонец погоняет коня.

Вот уже мелькнуло сверкающей на солнце тарелкой озеро. Смятые, истоптаные конями камыши не успели еще подняться, и птицы не строят в них гнезда. Что-то скверное произошло в этих камышах, что-то дурное разорило их. Конь испуганно шарахнулся в сторону, когда зловоние ударило ему в ноздри. Полуобголданное животными, истыканное стрелами тело женщины лежит на пути, словно пророчество — словно видение того, что ожидает непокорных, если Шрадда возьмет Патампур.

Дурной знак. Свистнув, гонец огrel коня плеткой.

Глава восьмая

Мнение Конана о женщинах

олго не мог Траванкор решиться на этот разговор. С тех самых пор, как закончился большой праздник во дворце Авенира. Юноша и сам не знал, чего боялся больше: услышать от Рукмини «нет» или услышать от нее «да»...

Отсиживался в библиотеках Патампура. Загонял себя на тренировках на поле за стенами. Но мысль то и дело возвращалась к той ночи у костра, к образу Рукмини на качелях... Эта картина так и стояла у него перед глазами.

Посоветоваться с учителем, со Шлокой, Траванкор не осмеливался. Он предвидел ответ Шлоки. «Ты теперь — взрослый мужчина, воин, от которого зависят судьбы других людей, — скажет Шлоки. — Но прежде всего тебе следует разобраться с собственным сердцем. Понять, что тебе дороже: дружба Арилье или любовь

Рукмини. Оба они готовы отдать за тебя жизнь, Траванкор. Чью жертву ты примешь?»

Поэтому Траванкор, после недолгих колебаний, решил посоветоваться с чужаком.

Он отыскал Конана в одном из милых қабачков на окраине Патампурा. Собственно, это был не қабачок, а лавка под навесом из пальмовых листьев. Там продавалась посуда, кое-что из мелочей, необходимых в хозяйстве, а еще — прохладная вода и ячменное пиво, отлично утоляющее жажду.

Сюда приходили посудачить люди, когда все домашние дела были переделаны, а времени до сна еще оставалось немало, и следовало как-то провести досуг. Здесь обсуждались новости, передавались слухи и сплетни.

К рослому киммерийцу обитатели Патампурा и особенно завсегдатаи лавочки привыкли на удивление быстро. Траванкора поражало: с какой легкостью и простотой северянин сходился с людьми. Должно быть, доверие вызывала его манера держаться: Конан умел выглядеть чрезвычайно простодушным. Эдакий простак-варвар.

На самом деле он был хитер и наблюдателен. Траванкор подозревал, что варвар нарочно торчит в қабачке и слушает разговоры. Как-то раз Конан с самым серьезным видом говорил Шлоке, что радже Авениру следует больше доверять

горожанам: жители Патампурा поддержат своего владыку в любом случае. «Они даже готовы простить ему поражение, если таковое воспоследует», — добавил киммериец.

И Шлока кивал, довольный результатами «разведки».

И теперь Траванкор без труда отыскал Конана на его излюбленном месте, под навесом. Киммериец сидел, скрестив ноги, за земле: было очевидно, что такая поза ему привычна.

Несколько минут Траванкор рассматривал северянина. Юноша как будто впервые видел его. И поневоле задумался: кто он, собственно, такой — этот Конан? Где он побывал? Что повидали ярко-синие глаза, весело поблескивающие на загорелом лице? Откуда у Конана вон тот шрам? А этот шрам, на плече? И не след ли от плети — вон там, на ребрах? А поперек груди — не отметина ли от копья?

Чем он занимался в жизни? Поговаривали, будто Конану доводилось быть и гребцом на галере, и вором, и чуть ли не храмовым прислужником...

Одно очевидно: сейчас киммериец свел дружбу со Шлокой, а Шлока видит людей насквозь. И если Шлока доверяет варвару, значит, и Траванкору можно ему довериться.

Имелась еще одна причина, по которой юноша выбрал Конана себе в собеседники на сей

раз. Конан слыл исключительным любимчиком женщин. Сколько он жил в Патампуре, столько пользовался их ласками, угождением и прочими услугами. Они чинили ему одежду, угождали его сладостями.

Вот и сейчас племянница хозяина лавки, незамужняя особа лет тридцати, бросает на киммерийца умильные взгляды. Наверняка они проведут вместе ночь.

При одной мысли об этом у Траванкора забилось сердце: он попытался вообразить себе Рукмини на ложе рядом с собой и едва не потерял сознание от волнения.

Заметив Траванкора, Конан приветливо кивнул ему. Юноша сделал жест, приглашая варвара присоединиться к нему. Конан нехотя выбрался из-под навеса. Племянница хозяина проводила его встревоженным взглядом: ей очень не хотелось, чтобы киммериец покидал ее.

— Что случилось? — спросил Конан вполголоса.

Молодой человек отвел глаза. Шлока говорил ему, что если уж принял решение, не следует колебаться. Но Траванкору непросто было выговорить то, что камнем лежало у него на сердце. Он сделал паузу, набрал полную грудь воздуха и наконец выпалил:

— Рукмини... Мы с Арилье оба любим одну и ту же девушку.

Конан не сводил с него ярких синих глаз и молчал. Ждал продолжения. Траванкор беспомощно пожал плечами:

— Вот, собственно, и все. Звучит не слишком красиво. Все уложилось в одну фразу. А на самом деле...

Он не закончил. Вместо него фразу завершил Конан:

— А на самом деле вся эта история чревата серьезными последствиями.

Траванкор молча кивнул.

Конан поразмыслил немного. Затем спросил:

— Арилье знает, что ты — его соперник?

— Наверное... Подозревает — наверняка.

— А кого предпочитает Рукмини?

— Не знаю...

— Почему ты советуешься со мной, Траванкор? — спросил варвар. — Я здесь чужак. Я не знаю здешних обычаев... — Он хмыкнул. — Кроме того, мой совет может оказаться попросту неправильным. Спроси лучше у своего учителя, если ты боишься спрашивать у своего сердца.

У Траванкора похолодели ладони. Конан выражался почти теми же самыми словами, что и Шлока. Не то слишком много времени киммериец проводил с учителем и набрался от него манер — не то они со Шлокой на самом деле гораздо больше похожи друг на друга, чем можно было бы предположить.

Сердясь, Траванкор ответил:

— Мое сердце разрывается на части.

— Если Рукмини любит тебя, возьми ее в жены, — сказал Конан. — Арилье как-нибудь переживет это обстоятельство. Он — парень красивый и веселый, за него любая охотно пойдет. — Киммериец качнул головой. — Арилье никогда не сделает ничего дурного ни тебе, ни Рукмини. Даже если вы оба причините ему страдания.

— А если... нет? — прошептал Траванкор.

— Тогда плохи твои дела, дружище, — просто сказал варвар. — Вряд ли ты сумеешь полюбить другую женщину. Ты человек глубокий, склонный к задумчивости. Ты молчалив, а это признак одинокого сердца. Такие, как ты, становятся вождями или отшельниками. И еще такие, как ты, влюбляются раз и на всю жизнь.

— Что ж, ты дал мне наилучший совет, — медленно произнес Траванкор.

— В таком случае, окажи мне услугу, парень, — сказал Конан.

— Проси.

— Объясни, почему ты обратился ко мне. Я тебе не друг, не отец, не воспитатель. Когда я захотел взять себе ученика и научить его кое-каким воинским приемам с прямым мечом, я выбрал не тебя, а Арилье. Так почему ты доверился мне?

— Я мог бы ответить — «потому, что больше было некому», но это лишь половина правды, — сознался Траванкор. — Я видел, как ты обращаешься с женщинами. Видел, как женщины льнут к тебе. И подумал, что ты должен неплохо разбираться в подобных делах. В чем твой секрет?

— Никакого секрета, дружище, — ухмыльнулся варвар. — Никогда, ни разу в жизни я не взял женщину против ее воли. Я всегда готов отказаться, если девушке не хочется иметь дело со мной — или если ей неохота заниматься этим прямо сейчас. Я умею ждать. И еще я умею слушать женщин. Но для тебя это искусство бесполезно, потому что тебе не нужны все женщины мира — тебе нужна только одна. И я от души желаю тебе успеха.

Он хлопнул Траванкора по плечу и вернулся к своему месту под навес.

И вот теперь Траванкору предстояло объясняться с Рукмини. Как она скажет, так и будет.

Он думал, что переложив ответственность за их общее будущее на плечи девушки, испытает облегчение, но ничего подобного не произошло. Его по-прежнему угнетала невыносимая тяжесть. Что-то происходило не так, неправильно...

Вот и дом Рукмини. Сколько здесь прошло чудных, счастливых дней, когда ничто не омра-

чало сердце, даже ссадины на коленях, даже сорванные мозоли и ушибы по всему телу! Даже позорное падение с коня, когда Рукмини рухнула с седла, точно беспомощный младенец, и потом дулась на свидетелей своего позора, Траванкора и Арилье, несколько дней кряду!

Хорошее было время...

Рукмини заметила приближающегося Траванкора и сама вышла к нему навстречу. Улыбнулась дружески. Словно бы ничего и не происходило. И — снова не отпустила тяжесть. Что за окаянство!

Вдвоем отправились они к загону, где стоял Светамбар. Славный конь. Заметив девушку, потянулся к ней мордой, приветственно заржал. Она рассеянно погладила его.

— Я давно не видел Светамбара, — задумчиво произнес Траванкор. — Как он вырос!

— Мы все выросли, — молвила Рукмини. — Все... повзрослели.

Она тихо вздохнула. Траванкор удивленно глянул на нее. Неужели она чувствует то же, что и он? Говорят, старики гнутся под тяжестью лет. Но кто и когда рассказывал о тяжести, которая так внезапно, с таким дьявольским коварством обрушивается на молодых?

Пора.

Стараясь выглядеть небрежным, как бы между делом Траванкор извлек из-за пазухи по-

крывало. То самое, что обронила девушка на празднике. Арилье не посмел взять себе этот трофей, оставил его сопернику и другу. Тому, кто подобрал покрывало с земли, когда оно упало. Совсем смялось. И пахнет теперь не волосами Рукмини, а кожей Траванкора.

— Кстати, вот твое покрывало, — заметил юноша. — Ты обронила на празднике.

Рукмини не ответила. Смотрела на своего Светамбара, ласкала его, и он раз за разом прощупывал свою любимую шутку, подталкивая мордой ее ладонь.

Наконец Рукмини проговорила, не глядя на Траванкора:

— Если хочешь, оставь себе.

Он отозвался не сразу — и таким тоном, что она сразу поняла всю серьезность происходящего:

— Не могу.

— Что? — Рукмини отвернулась от коня, уставилась на Траванкора.

— Не могу, Рукмини. Я не могу оставить эту вещь у себя.

— Почему?

Теперь она глядела прямо ему в глаза, и он видел, как подрагивают, расширяясь от боли, ее зрачки.

— Потому что тебя любит мой друг. Арилье сходит по тебе с ума, Рукмини. Я думал прежде,

что он любит твою сестру, Гаури, но — бедняжка Гаури! Он любит тебя. Только тебя одну.

Все. Все слова сказаны. Теперь, кажется, ничего больше не остается.

Но... почему она так спокойна? Почему лицо ее озаряется глубоким внутренним светом? Разве он сказал ей что-то хорошее? Разве ей не тяжело — так же, как ему?

Ровным тоном Рукмини произнесла в ответ:

— Я знаю.

И вот тогда Траванкор растерялся. Он, умевший многозначительно молчать на любые выпады и подколы быстрого на язык Арилье; он, находивший все более точные и верные слова в разговорах с учителем Шлокой... Он растерялся перед девушкой и чувствовал себя ужасно глупо.

Что же открыто ей такого, что скрыто от него? Неужели правду поговаривают, будто у женщин есть какая-то тайна?

Траванкор чувствовал себя обязанным объясниться. Ему вдруг показалось, что Рукмини ждет от него еще каких-то слов. По крайней мере, он обязан рассказать ей о своих сомнениях... О решении, которое он вынужден был принять. Нельзя, чтобы мужчина разрывался между другом и возлюбленной. Это сделает воина слабым в бою.

Траванкор сказал:

— Арилье мне как брат.

Теперь она не может не понять!

Но она упорно не желала понимать, и смутно Траванкор ощущал в этом нежелании большую мудрость, нежели та, что руководила им самим.

— Мне он тоже как брат, — спокойно молвилла Рукмини, — да только я тебе — не сестра, Траванкор.

И снова Траванкор растерялся... Да так, что позволил вырваться тем словам, которые первыми пришли к нему на ум.

— Ты пахнешь луной, Рукмини.

Ее лицо озарилось счастьем, и она ответила — тоже первыми попавшимися словами:

— Да разве луна пахнет?

Он взял ее лицо в ладони, прижался щекой к ее щеке, тихо выдохнул. Впервые в жизни между ними не было никакой преграды. И тяжести тоже больше не было. Все, что мешало дышать, ушло. И в последний миг, пока Траванкор еще в состоянии был думать об этом, к нему пришла последняя мысль: всю эту тяжесть одним мановением разрушила женская мудрость Рукмини.

Он не успел найти точное, книжное определение для этой мудрости.

Рукмини поцеловала его, и мир для обоих превратился в свет.

Топот копыт ворвался в их мирок — мгновение спустя после поцелуя. Золотые стены неизримого дворца рухнули, и Траванкор увидел всадника. Рукмини, заметив, как изменилось лицо возлюбленного, обернулась, и губы ее сжалась.

— У него черный флаг! — вскрикнул Траванкор, отстраняясь от девушки. — Случилась беда.

Он бросился навстречу всаднику. Обняв за шею Светамбара, Рукмини долго следила за ним взглядом. Траванкор ни разу не обернулся.

Глава девятая Бегство из Патампурा

аждый раз, когда приходилось принимать тяжелое решение, раджа Авенир искал утешения в книгах. Он даже не перечитывал их. Для него было радостью просто находиться рядом. Прикасаться к ним, гладить. Каждая рукопись из собранных в его библиотеке была бесценна.

Вот и сейчас. Вот-вот должна была разразиться гроза над Патампуром. Взволнованный, смущенный, Авенир расхаживал по комнате, переставлял с места на места книги, коробки со свитками, астрономические приборы. Если бы можно было уйти, спрятаться между строк, на коричневых, густо исписанных страницах! Если бы можно было стать частью той мудрости, что в своем самом совершенном виде изложена в словах, как бы свернута, ската, наилучшим образом подготовлена для вечности!

Увы, это невозможно! Владыка Патампурा — всего лишь человек. И этому человеку, книжнику, ученому, предстояло принимать военные решения. То, от чего он бегал всю жизнь. То, что было ему чуждо и ненавистно.

Молчали книги, бессильные помочь.

Звездочет Саниязи, изрядно постаревший и как-то странно облезший за минувшие годы, в молчаливом отчаянии ходил по комнате по пятам за своим господином.

Только Шлока, третий из находившихся в комнате, выглядел собранным, спокойным, готовым действовать. Обитатель двух миров, одновременно и мудрец, и воин, Шлока не страшился предстоящего испытания.

Он ждал, пока Авенир в состоянии будет выслушать его.

Раджа остановился, резко взметнув полами халата и едва не сбив с ног растерявшегося звездочета.

— Большая армия Аурангзеба вторглась в наши земли, Шлока. Их предводитель — Шраддаха, лучий воин Аурангзеба. Он непобедим, он жесток, хитер, умен. Он идет с единственной целью: стереть Патампур с лица земли. Уничтожить всех нас. Уничтожить... все это, — Авенир махнул рукавом, показывая на горы книг и приборов. — Что же делать? — вырвалось у него горестно.

Шлока только и нужно было, чтобы его спросили об этом. Он сразу заговорил о главном.

— Кто возглавит оборону города, досточтимый раджа? Ты?

Ужас промелькнул в глазах Авенира. Глаза эти слезились, он щурил их в тщетной попытке лучше видеть собеседника. Что ж, ничего удивительного, если учесть, что раджа Авенир проводил ночи за чтением книг и разглядыванием звезд!

— Я ведь не воин, Шлока, — молвил раджа. — И тебе это хорошо известно. Увы! Мой отец пролил столько крови, что я ни разу в жизни не брал в руки оружия...

Шлока лениво повел плечом.

— Но у тебя есть сын. Пришло его время. Твой сын — воин, как и твой отец. Он защитит твой народ.

Легкая краска выступила на бледных щеках раджи Авенира. Сын. Чудом спасенный от вражеских мечей ребенок. И только Шлока известно, где он, как его зовут, какой он... Сколько раз думал несчастный раджа о своем сыне! О наследнике, которого подарили ему боги — и который остался жить, несмотря на все козни Аурангзеба и жрецов Черной Кали. О человеке, которому суждено спасти свой народ. Пытался представить себе его лицо, его осанку. Мечтал

об их встрече. Не станет же юный воин презирать отца-ученого, раджу с мягкими, как у женщины, руками! Нет, для воспитанника Шлоки такое попросту невозможно.

И у раджи Авенира вырвалось — уже в который раз:

— Где он, мой сын? Где он, Шлока? Когда я увижу его? Как я его узнаю?

И снова Шлока ушел от прямого ответа:

— Ты хотел, чтобы он вырос воином. Воина узнают в бою.

Вот и все...

* * *

Началась хлопотная работа: предстояло вывезти из Патампурा все ценное, все то, что надлежало сохранить любой ценой даже в случае падения крепости. Воины, женщины, старики, даже взъерошенный звездочет Саниязи с потной бородой — все были заняты работой. Из дворца спешно выносили свитки, книги, астрономические приборы.

Нетерпеливый Арилье нагружился такой огромной пачкой тяжеленных манускриптов, что едва мог переставлять ноги.

— Мудрость гнет к земле, — ворчал он. — Должно быть, поэтому у всех мудрецов такие сгорбленные спины.

— Ну, если уж рассуждать здраво, так сгорбленные спины должны быть у слуг, которые носят за мудрецами их мудрость! — рассмеялся Траванкор.

Арилье глянул на него лукаво.

— У слов — особенная тяжесть. Если меня теперь спросят, что тяжелее: гора слов или гора золота, я отвечу — «гора слов». Есть в них что-то убийственное.

— Узнаю науку Шлоки! — сказал Траванкор, улыбаясь другу.

Звездочет скакал вокруг, размахивая руками и причитая над каждой книгой. Он всерьез подозревал молодых воинов в том, что они намерены поглумиться над книжной премудростью и готовы уронить в грязь великолепные пергаменты.

Каждую книгу, каждый бесценный предмет из собрания библиотеки звездочет провожал так, словно расставался с близким родственником, которого уж не чаял когда-либо увидеть в живых.

Подошла Рукмини, бегло оглядела поверху нагруженную телегу.

— Нужны еще повозки, — заговорила она с Траванкором. — Вы положили книги? Не хватает места!

Она не договорила. Места действительно не хватало: вместе с караваном из крепости уходи-

ли старики и дети, таково было распоряжение раджи Авенира. А телеги уже ломились под тяжестью вещей.

Арилье сложил последнюю гору книг и выпрямился. Огляделся вокруг хозяйственным взглядом — не оставил ли чего. Звездочет притих, забыв о своих причитаниях. Настала пора ехать, и все, вроде бы, было в порядке. Больше всего на свете Саниязи сейчас боялся того, что его попросят оставаться в крепости вместе с его господином.

Ибо Авенир, как ни был он робок и изнежен, не захотел оставить свой город. «Я здешний правитель, — твердо произнес он, когда ему предложили отправиться в убежище вместе со стариками, женщинами, детьми — и книгами. — Пусть я не похож на воина. Пусть я не воин. Пусть ни разу моя ладонь не соприкасалась с рукоятью меча, пусть мои пальцы не трогали тетивы лука... Все же я — мужчина. Я хочу жить и умереть вместе с моим городом».

Шлока не стал отговаривать его. Напротив, услышав такие речи, мудрец озарился счастливой улыбкой. Он хотел, чтобы сын-воин гордился отцом-книгочеем, и теперь Авенир дал повод для подобной гордости.

Конан же считал, что раджа прав. Владыка должен показывать твердость характера и скрывать страх. Это поможет во время обороны Па-

тампур. А если раджу убьют (что вероятно) — у Патампуря всегда останется наследник. Сын Авенира. Так что город в любом случае ничего не теряет. Впрочем, свои мысли киммериец держал при себе. Он только многозначительно поклонился Авениру, и раджа вдруг почувствовал себя ровней этому варвару, этому воину с огромными ручищами и широченной улыбкой.

Тихий детский плач донесся до слуха Арилье. Наверное, слышали его и остальные, но Арилье, как всегда, успел первым. Быстрым широким шагом пересек двор, наклонился над маленькой девочкой, потерянно плакавшей на ступенях дворца. Завидев рослого воина, она замолчала, принялась моргать и пугаться. Арилье поднял ее на руки.

— Ты что здесь делаешь? — строго спросил он. — Ты должна ехать вместе со всеми. С караваном. Видишь телеги? Красивые книги. Видишь?

Она кивала, постепенно успокаиваясь.

Арилье прошел вдоль каравана, остановился возле телеги, на которой, поверх ценнейшей поклажи из дворца, сидело несколько человек.

— Возьмите ее, — велел Арилье.

— Нет места, — ответил мальчик, сидевший с краю.

— Нет места? — Арилье пожал широкими плечами. — Ну так выброси отсюда пару книг.

Он подтолкнул мальчика ближе к краю и, не глядя, вышвырнул с телеги три толстых фолианта, после чего устроил ребенка.

— Следи за ней, — приказал воин. — Смотри, чтобы с ней ничего не случилось.

Шлока сказал своим воспитанникам: самое ценное из всего, что надлежит спасти от неизбежной сечи, — это дети. Будущее народа. Они должны уцелеть во что бы то ни стало. «Даже сгоревшая в пожаре войны древняя рукопись не причинит нам такого ущерба, как гибель одного ребенка», — сказал учитель. — Можно будет отыскать другую рукопись. Некогда изреченная мудрость останется в памяти мудрецов, которые смогут потом записать ее, найти для нее новые слова. Но никто и никогда не возместит утраченную жизнь, которая могла бы дать начало новой жизни...»

— Пора отправлять караван, — сказал, подходя, Траванкор. Он повернулся к Рукмини и передал ей повеление Шлоки: — Ты и твой брат Ратарах будете сопровождать их.

Гаури уже уехала: она отправилась с первой партией.

Заскрипели колеса телег. Сопровождаемый длинной вереницей пеших людей — стариков, женщин с детьми, достаточно большими, чтобы идти, а не ехать, — караван тронулся с места. Первые телеги уже исчезали в воротах, когда к

сестре подошел Ратарах, держа двух лошадей за узду.

Рукмини протянула дружьям руки: правую Траванкору, левую — Арилье, сжала их.

— Мы ведь встретимся?

Друзья, не сговариваясь, ответили в голос:

— Конечно!

В мгновенном порыве девушка обняла обоих, сперва Арилье, потом Траванкора. Показалось ли это Траванкору или на самом деле Рукмини как бы случайно, совсем невесомо коснулась губами его щеки?

Ратарах, неподвижный в седле, сурово ждал, пока сестра закончит прощание.

— Я вернусь! — горячо обещала Рукмини.

Арилье нахмурился:

— Не вздумай! Нет. Оставайся там со всеми.

Присмотри за людьми. Мы сами найдем тебя...

Она шевельнула губами, явно намереваясь что-то сказать. Вероятно, хотела возразить. Да только вовремя сообразила: возражать Траванкору и Арилье, если они получили приказание от учителя, — занятие бесполезное. Лучше согласиться для виду, а потом поступить по-своему. Что они с ней сделают, если она вернется? Ничего не сделают. Смирятся со случившимся. Нет, не будет она ничего говорить!

Блеснув улыбкой, Рукмини направилась к своему коню. Глаза у нее щипало, она с удивле-

нием поняла, что плачет. Нет уж, плачущей ее не увидят. Она вскочила в седло, махнула, не обрачиваясь, рукой и поскакала вслед за караваном.

Ратарах с бесстрастным видом тронул коня.

— Береги сестру, — вполголоса приказал ему Арилье.

Ратарах не ответил. Сдвинул брови, помрачнел лицом, гордо вздернул подбородок. Вот и еще один рано повзрослевший подросток, привыкший к опасностям.

Ратарах был младше Рукмини, и старшая сестра открыто верховодила. И ведь попробуй-ка не подчиниться ей! Она и сильнее, и хитрее, и ловкости ей тоже не занимать. Но Ратарах тянулся, старался изо всех сил. Арилье с Траванкором наблюдали за его усилиями и, в принципе, одобряли их. Хороший воин растет.

Внезапно вскрикнув, Ратарах удариł коня пятками и погнался следом за караваном.

Друзья долго провожали его взглядами. Стояли неподвижно бок о бок даже и потом, когда караван уже скрылся из виду. Наконец Траванкор нарушил молчание.

— Ты поговорил с ней?

— Нет, — тотчас ответил Арилье. И, после паузы, спросил: — А ты?

— Нет.

— Пусть сама решит, — молвил Арилье.

Так тяжело было у них на душе, словно они только что распрощались с самым дорогим, что было в их недолгой жизни.

* * *

Караван, не останавливаясь, шел по плоскогорью весь день. Убежище, куда они направлялись, находилось в горах, на расстоянии полутора дней пути от Патампуря. Люди валились с ног от усталости, но никто не роптал: все понимали, что бегут от смерти, а когда спасаешь жизнь — тут не до жалости к себе.

С наступлением ночи движение не прекратилось. Все так же скрипели телеги, фыркали в темноте кони. Никто из беглецов не разговаривал. Взошла луна, озарила колонну ярким светом. По серой траве побежали плоские тени. Впереди черными громадами высились всадники — охрана каравана; второй небольшой отряд замыкал шествие.

Впереди уже поднимались горы, пока еще смутно различимые во тьме. Там был конец пути — укрытие от набега.

Дробный топот разбил привычные размеренные звуки. Какой-то всадник пронесся вдоль каравана из начала в конец растянувшейся колонны.

Большинство идущих людей были так измучены, что даже не повернули головы посмотр-

реть, кто это скачет. Ясно: кто-то из воинов сопровождения.

Но это оказалась девушка. Рукмини. Даже в лунном свете было видно, что она сильно взволнована. Растревожили ее не события — собственные мысли. Все то время, что караван удалялся от Патампуря, сердце Рукмини рвалось из груди назад, в крепость, к друзьям, которых она там оставила.

Их ведь могут убить в предстоящем бою! И тогда она никогда не сможет открыть им все, что у нее на душе. Никогда Траванкор не узнает, как сильно она его любит. Никогда не услышит Арилье о том, какой он друг, какой он чудесный товарищ, какой он хороший, верный человек...

Наверное, они и без того все это знают. Люди всегда знают истину, даже если никто не позовет ее по имени.

Но Рукмини не сомневалась в другом: что бы ни знали, о чем бы ни догадывались ее друзья, во время решающей схватки с врагом она должна быть рядом.

Что толку обманывать себя? Она не может жить, не видя Траванкора... Разлука убивает ее верней вражеской стрелы.

— Гаури! — крикнула Рукмини, подскакав к сестре.

Та повернулась.

— Рукмини! Что-нибудь случилось? Ты обеспокоена. Нас выследили?

— Нет... — Рукмини отвечала, чуть задыхаясь. — Ничего дурного не случилось. Никакой погони я не заметила. Скорее всего, все происходит именно так, как говорил Шлока: Шраддха со своим воинством движется прямо к стенам Патампуря. Он, кажется, и не догадывается о караване. Нет, я хочу сказать тебе о другом. Гаури, я возвращаюсь назад, в Патампур.

Гаури схватила ее за руку.

— Одумайся, Рукмини! Ты должна быть с нами. Тебе приказано оставаться с караваном! Ты... ты ведь воин, не так ли? Мальчишки учили тебя сражаться! Я сама видела.

— Как и тебя, — фыркнула Рукмини. — Ты ведь не только смотрела, как мы фехтуем, не так ли, сестрица? Если бы из палок можно было высекать искры, то вы с Арилье...

— В караване нужны воины, — перебила взволнованная Гаури.

Мысль об Арилье тревожила ее, но девушка не хотела вспоминать о нем сейчас, когда нельзя отвлекаться на чувства. Она и сестру не одобряла именно поэтому. В разгар войны — не до любовных томлений! Кого угодно могла обмануть Рукмини, но только не Гаури: Рукмини возвращается в осажденный город не для того, чтобы сражаться. Рукмини рвется к возлюбленному.

Сердясь на старшую сестру за легкомыслие, Гаури продолжала:

— Да, мы с тобой — воины, за неимением лучших. И нам поручено охранять караван направне с мужчинами. Разумеется, с большим отрядом врагов мы не справимся, но случайный набег нескольких неприятелей отобъем без особых труда. Ты, да я, да еще несколько старииков, которые достаточно сильны, чтобы удержать в руке меч.

— Вы запросто обойдетесь и без меня — убежище уже близко, — Рукмини покачала головой. — А я должна быть не здесь, не со немощными и детьми, а там, в крепости... с ними.

И, не позволив Гаури опомниться, она погнала коня прочь. Несколько секунд девушка следила за сестрой, мчавшейся навстречу грядущей битве. Затем, привстав на стременах, закричала:

— Рукмини! Остановись!

Не оборачиваясь и никак не показывая, что слышит, Рукмини нахлестывала коня. Распустив хвост, Светамбар радостно мчался по траве. Ему надоело плестись шагом, приноравливаясь к медленному ходу каравана.

— Ах ты! — вскрикнув от досады, Гаури помчалась в голову колонны и громко позвала младшего брата: — Ратарах!

Парень обернулся. Гаури покачала головой.

Как он мог быть таким беспечным! Неужто не видел, что творится с их старшей сестрой? По лицу Рукмини обычно трудно бывает прочитать, что она чувствует и о чем думает, но уж Ратарах-то должен был ее знать! Он все время находился рядом с Рукмини — и ему даже в голову не пришло понаблюдать за нею. Вероятно, сам замечтался о подвигах, которые совершил, когда ему позволят вступить в бой. Замечтался и проморгал сестру. А Рукмини, своевольная и дерзкая, легко обвела его вокруг пальца. И она, Гаури, тоже хороша. Не смогла уговорить старшую сестру. Влюбленная девушка глуха к доводам рассудка, стало быть, надо остановить ее силой.

— Ратарах! — донесся до слуха юноши крик Гаури.

Он встрепенулся, стряхнул с себя полусонные грезы. Медленно двигаясь в одном ритме целый день и почти всю ночь, он действительно задремал в седле.

— Ратарах, не отпускай ее одну!

Он проснулся сразу.

Сна как не бывало.

Рукмини! Несколько раз она говорила ему, что собирается вернуться и принять участие в предстоящей битве. Неужели она выполнила свое намерение? Судя по огорченному лицу Гаури, так оно и есть. Ни о чем больше не спраши-

вая, Ратарах помчался следом за исчезающей в ночи тенью.

— Рукмини! Подожди, стой! Рукмини!

Попробуй настигнуть ее, когда она мчится не разбирая дороги...

Эта бешеная погоня продолжалась весь остаток ночи и только к утру, когда небо и воздух стали розовыми, юноша настиг наконец сестру.

Уже скрылись за горизонтом горы, к которым лежал путь каравана. Скоро поднимутся впереди стены Патампурा и станет видна вражеская армия, растянувшаяся по равнине.

Рукмини ехала по старой караванной тропе, почти скрытой в густой траве плоскогорья. Камышовые заросли расстилались перед ней, стебли гнулись на утреннем ветерке, словоохотливо рассказывали о каких-то бесполезных для человека тайнах.

С досадой оглядываясь на брата, Рукмини все погоняла коня.

Наконец девушка поняла, что Ратарах не отстанет. Бесполезно продолжать эту скачку. Они оба только вымотаются раньше времени и устанут, а какая польза защитникам крепости от двух уставших воинов? Лучше остановиться и поговорить с ним по душам.

— Зачем ты поехал за мной? — Рукмини придержала коня, позволив брату наконец оказаться рядом.

Ратарах побледнел, посерел от усталости. Глаза ввалились, губы пересохли. Но держался хорошо, и голос не подрагивал, когда он заговорил:

— Траванкор мне приказал быть рядом с тобой. Всегда.

Ай да младший братишко! Но ничего, она поставит его на место. Траванкор ему приказал! Скоро Траванкор и ей приказывать начнет!

— Здесь ты будешь слушать меня, — перебила Рукмини, — а я тебе велю оставаться в убежище, с остальными. Защищай их, понял? Помогай Гаури.

Ратарах пригнулся голову, как молодой барашек, готовый бодаться. Глянул исподлобья.

— Я не отпущу тебя одну, — заупрямился он. — Траванкор мне приказал, и я будут рядом.

— Ну и глупо. — Рукмини пожала плечами и вдруг обаятельно улыбнулась. Прежде Ратарах никогда не мог устоять перед этой улыбкой. Всегда таял и подчинялся... не всегда даже понимая, что сестра просто играет им. — Ратарах, прошу тебя, отпусти меня в крепость! Женщины, старики, дети — все в безопасности, в пещерах. Поезжай с ними, а я поеду своей дорогой... Я хочу участвовать в защите Патампурा. Я должна, понимаешь ты? Ну Ратарах, пожалуйста!

Видать, и вправду повзросел младший брат. Насупился, на сестру не глядит. Твердо решил держаться прежнего решения.

Сердито стегнув коня, Рукмини направилась в камышовые заросли. Ратарах, как привязанный, двинулся за нею следом.

И вдруг споткнулись кони. Оба всадника ничего еще не успели понять, как уже лежали на земле, и камыши шумели над их головами. «Веревка, — запоздало сообразил Ратарах. — Над землей здесь натянули веревку... Ловушка!»

Ни он, ни Рукмини даже не вскрикнули. И те, кто набросился на упавших всадников, тоже действовали молча, в полной тишине. Один хищник, нападая, рычит, устрашает, бьет себя хвостом по ребрам, показывает клыки и только после этого взлетает в смертоносном прыжке. Другой берет добычу в безмолвии, не похваляясь и не считая нужным напугать. Уверенный в себе, сразу хватает за горло и стискивает челюсти.

Так нападал на своих врагов Шраддха.

Враги повалили Ратараха на землю, придавили парня, набросили на него волосяной аркан. Рукмини, более сильной и верткой, удалось выскользнуть. В руке у нее блеснул нож.

Только тогда воины нарушили молчание. Стали смеяться, насмехаясь над решительной девушкой. Рассчитывали таким образом вывести ее из себя, чтобы она разозлилась, стала бить

мимо цели. Не на такую напали — ее насмешками не проймешь, она и сама горазда над воином посмеяться. Во время тренировок Шлока сам учил ребят издеваться друг над другом, чтобы приучить их к безразличию. «Слово не убивает, если вы не дадите на то своего согласия, — повторял учитель. — Убивает меч. Не позволяйте злому слову проникать в ваше сознание и ослаблять вашу руку. Насмешка врага — его союзник, поселившийся в ваших мыслях».

— Эй, красавица! — кричал один из воинов. — Не желаешь ли отведать моего жала?

Он сделал намекающий жест.

Рукмини отскочила и оскалилась, подняв перед собой нож.

Другой засмеялся, демонстративно вытягивая губы трубочкой.

— У меня есть сладкий хоботок, прелестница! Не к лицу тебе вертеться перед нами, ты ведь скромница — так не распаляй наших желаний! Все равно будешь нашей, не добровольно, так насильно.

В прежние времена Рукмини нашла бы достойный ответ и так припечатала бы похабников что они места бы себе не находили от стыда. Но сейчас Рукмини было не до смеха. Нападавших было слишком много. Она бы и с одним сильным мужчиной, наверное, не совладала бы, а здесь — целых пять!

Хорошо еще, что они не имели намерения убивать ее. Слишком уж хороша добыча! Только уворачивались, чтобы не поранила их кинжалом, да хохотали над ее бессильным гневом.

Шраддха вышел вперед, окинул девушку оценивающим взглядом. Хороша! Разумянилась, глаза горят.

Предводитель поднял руку, останавливая своих людей. Замерла и Рукмини, сжимая рукоятку ножа так, словно надеялась найти в ней спасение.

— Куда вы едете? — резко спросил пленницу Шраддха.

Рукмини молчала.

Повинуясь еле заметному знаку своего предводителя, один из воинов начал закручивать волосяной аркан на ноге упавшего Ратараха. Подросток закричал от боли, потом начал свыкаться с ней и только задышал часто. Лоб его покрылся потом, глаза помутнели. Казалось, он плохо соображал, что происходит.

Шраддха продолжал пристально смотреть на Рукмини.

— Куда вы ехали? — повторил он вопрос.

Ратарах выдавил:

— Не скажу...

И закашлялся.

— Конечно, скажешь, — уверенно, почти дружеским тоном молвил Шраддха.

И аркан еще туже впился в кожу пленника. Брызнула кровь, юноша закричал пронзительно и вдруг сорвал голос, засипел.

Рукмини в отчаянии закусила губу. Ратарах корчился на земле, Шраддха с легкой усмешкой наблюдал за братом и сестрой, и наконец Рукмини не выдержала:

— Хватит! Остановись — он ведь еще ребенок!

Шраддха не спешил выполнить ее просьбу. Он подъехал ближе к девушке. Теперь он мог бы, если бы захотел, коснуться ее рукой.

— Кто он тебе?

— Брат, — глухо ответила Рукмини.

Брат, которого она по легкомыслию и упрямству завела в эту ловушку! Брат, который хотел уберечь ее и не уберегся сам...

— Хочешь спасти его жизнь? — спросил Шраддха, ласково улыбаясь. — Стань моей наложницей, и я позволю твоему брату жить. У меня много наложниц, но все они слишком покладистые. Понимаешь меня? — Он разговаривал с ней дружески, почти как с равной. Со взрослым человеком, который способен понять его, Шраддху.

— Видишь ли, красавица, мои наложницы меня боятся. Ты не такова, ты не станешь бояться меня. Ты сама — воин, верно? От тебя рождается настоящий воин.

Рукмини смотрела в ласковые глаза своего врага и чувствовала, как дикий, почти животный ужас растет в ней.

Как и все люди, она боялась смерти. Это был естественный страх, которого никто не стыдится. Воин умеет преодолевать этот страх, его учат искусству бесстрашения с детства.

Но одна только мысль о том, что ей, Рукмини, предстоит остаться наедине с ненавистным человеком... отдаваться этому незнакомцу, которому не нравятся слишком покладистые наложницы... Нет! Девушка невольно поднесла к горлу ладонь.

Шраддха словно бы знал, какие чувства она испытывает. Улыбался ей дружески, проницательно. Он был совершенно уверен в том, что сумеет покорить ее.

— Такая как ты родит мне настоящего воина... Не такого, как твой брат. Истинного. Воина, способного умереть ради другого человека. Воина, способного убить, а не только хныкать. — Шраддха засмеялся и, не удержавшись, провел пальцем по щеке Рукмини. Она содрогнулась от отвращения. — Не вздумай только что-нибудь вытворить над собой. Слышишь меня? Если ты что-нибудь сделаешь с собой, твой брат умрет от мучительных пыток, и последнее, что он прохрипит перед смертью, будет проклятие тебе!

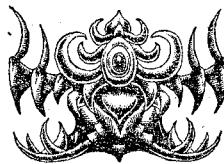
Рукмини наклонилась и перерезала волосистой аркан, стягивающий ногу Ратараха. Затем она бросила нож.

Шраддха весело засмеялся.

— Отвезите ее в лагерь, — велел он своим людям. — Пусть женщины подготовят ее к моему возвращению! Я сотру с лица земли проклятый мятежный город Патампур и возьму то, что принадлежит мне по праву войны.

С помертвевшим лицом Рукмини повернулась к врагам и отдала им свой нож. Только сейчас она осознала, что отныне для нее начинается безотрадная жизнь пленницы. Но, поклявшись себе девушка, как только Ратарах окажется на свободе, она оборвет эту жизнь — чего бы ей этого ни стоило!

Глава десятая

Подготовка к жертвоприношению

Санкара спешил. То, что он увидел в чаше, наполненной водой и лепестками лотоса, заставило его действовать без промедления. Иначе будет слишком поздно! Шраддха — хороший воин, преданный господину, но он слишком уж привык полагаться на свое искусство и на мощь оружия. Такие, как Шраддха, не признают великой власти магии. Они попросту не задумываются над тем, что в мире существует нечто более великое, чем мускульная сила и острое лезвие.

— О великая Кали! — шептал Санкара, вглядываясь в чашу с водой. — Благодарю тебя за то, что открыла мне свое желание!

Воля богини была выражена недвусмысленно. Несколько дней назад Санкара обещал ей человеческую жертву. И неустанно обращал к Кали молитвы, вопрошая: какую именно жертву предпочтет богиня. Он знал, что у Черной

Матери случаются самые странные капризы, и горе тому жрецу, который не догадается — чего именно желает его повелительница. Иногда ей хотелось отведать крови младенцев, иногда — стариков. Случалось, Кали требовала себе в жертву блудниц, и тогда жрецам приходилось, забыв о собственных обетах, отправляться к самым презренным отбросам общества.

Санкара как никто понимал опасность ошибки. И потому вынул чашу, которой пользовался очень редко. Это был древний сосуд, изготовленный в незапамятные времена каким-то очень сильным магом.

Налив в чашу чистой воды и насыпав лепестки лотоса, Санкара до боли в глазах всматривался в воду. Богиня испытывала его. Он ничего не мог разглядеть. У него рябило в глазах, начинала кружиться голова. Один раз он даже потерял сознание. Но Санкара не оставлял попыток. Он знал: рано или поздно видение придет.

Его усилия были вознаграждены в тот день, когда из Патампурा вышел караван. Санкара не сразу понял, что именно он видит. Какие-то люди двигаются по плоскогорью. Должно быть, торговцы...

Санкара ниже наклонился над чашей. Нет, то были не торговцы! Караван состоял из стариков, женщин и детей. Телеги были нагружены не товарами, а книгами и астрономическими

приборами. И везде сидели дети: на стопках книг, на ящиках со свитками...

— Беглецы из Патампурा, — прошептал Санкара. — Теперь многое становится понятным. Кажется, Шлока — могущественнее, чем я предполагал.

Да, теперь Санкаре было ясно. Он не мог увидеть ту, кого Кали желала себе в жертву, потому что избранница богини находилась в Патампуре. И одновременно с нею в Патампуре был Шлока, мудрец и воин, учитель воинов. Матия Шлоки совершенно блокировала все попытки Санкары проникнуть незримым взором за стены Патампуре. Причем Санкара не сомневался: Шлока не производил для этого никаких ритуалов. Одно только присутствие Шлоки разрушало всю магию Санкары и закрывало подопечных мудреца от каких-либо магических воздействий.

— Интересно, понимает ли сам Шлока, что происходит? — спросил себя Санкара. И сам себе ответил: — Нет, потому что в противном случае он догадался бы о моих намерениях и оставил избранницу Кали в стенах Патампуре, под своей защитой.

Что ж, тем лучше. Любой ошибкой противника следует воспользоваться.

Кали показала ему караван. Затем взор богини заскользил по людям, что уходили от армий

Шраддхи. То и дело Черная Мать задерживалась на этих людях. Рассматривала их, словно пытаясь понять, кого же из них она хочет себе в жертву. Вон тот старик с растерянным лицом? Нет, нет. Может быть, беременная женщина, которая не в состоянии сейчас думать ни о ком, кроме своего будущего ребенка — и о том, суждено ли этому ребенку увидеть своего отца или же тот погибнет при штурме города? Нет, беременная женщина тоже не интересовала Кали.

Не та ли девочка, худышка с острыми коленками, что изо всех сил держится за бортик телеги, боясь выпасть? На ней взгляд Кали задержался дольше всего. Однако миг — и Кали двинулась вперед, к голове каравана.

Скоро Санкара увидел юношу, почти мальчика, верхом на коне. Юноша хмурился и отчаянно старался выглядеть старше своих лет. А рядом с ним ехала девушка в полном расцвете здоровой красоты. Она была похожа на юношу, но если тот напоминал зверька, готового в любое мгновение прыгнуть и убежать, то девушка выглядела победоносно. Такая не убежит от опасности, не отступится перед трудностями.

— Она! — понял Санкара.

Но как добыть ее? Он перевел взор на статую богини.

— О великая Кали! — прошептал Санкара. — Помоги мне исполнить твою волю! Оторви это

дится от каравана, заставь ее сделать какой-нибудь необдуманный шаг, чтобы ее можно было схватить на плоскогорье, когда она будет одна!

Статуя слегка шевельнулась, и сердце Санкары наполнилось радостью. Он верно угадал желание богини, и теперь богиня будет помогать ему! Он — самый великий из жрецов Кали, и та власть, которой он обладает, выше власти Аурангзеба, выше любой земной власти. Одно только осознание этого пьянило, и Санкара не променял бы своей силы ни на какие другие блага.

Он начал собираться в путь, прихватив с собой веревку и нож, чтобы смирить и связать пленницу. И тут вода в чаше взбаламутилась, вскипела, лепестки лотоса, плавающие на поверхности, начали высакивать из чаши на каменный пол святилища, точно живые лягушки.

Санкара выронил свой нож и метнулся обратно к чаше. Наклонился над нею, отбросил прядь с лица, тревожно всмотрелся в бурлящую глубину магической жидкости.

И едва сдержал крик ярости, готовый уже вырваться из его горла.

Санкару опередили. Шраддха выехал со своими воинами на разведку и обнаружил девушку с тем самым надменным юнцом.

Только юнец больше не был надменным. Ошалев от боли и страха, он катался по земле, а

девушка, закусив до крови губы, с ужасом смотрела на него.

В намерениях Шраддхи у Санкары не было ни малейших сомнений. А ведь богиня ясно выразила свою волю. Кали желает, чтобы ей принесли в жертву девственницу!

Нельзя терять ни минуты. С громким криком, полным отчаяния, Санкара выбежал из святилища. Ему требовалось как можно скорее нагнать Шраддху и отобрать у него пленницу. Иначе будет поздно. О последствиях останется лишь гадать — и молить богиню о том, чтобы ее кара не оказалась слишком жестокой.

* * *

Широко улыбаясь, Шраддха смотрел на своих пленников. Он не лгал, когда говорил о своих наложницах. Разве что чуть-чуть преувеличивал. Девушка, которая пыталась сражаться как воин, и сдалась только перед угрозой причинить боль ее младшему брату, вызвала у Шраддхи странное чувство. Ему хотелось обладать ею. Но не просто взять ее, как брал он множество пленниц; не подчинить ее своей воле и сломать, как поступал он со своими наложницами. Нет, ему захотелось, чтобы она полюбила его. Чтобы ее глаза сияли от радости, когда он входит в комнату и приближается к ней. Чтобы

она оборачивалась на его голос с улыбкой, чтобы бежала ему навстречу, заранее протягивая к нему руки.

Шраддха сердито тряхнул головой. Что за наваждение! Глупо испытывать подобные чувства по отношению к женщине — к низшему существу, которое создано лишь для того, чтобы прислуживать мужчине и ублажать его, когда ему этого захочется, а все остальное время тихонько сидеть в углу и помалкивать.

Шраддха не верил в силу любви. Он считал, что подобные эмоции лишь ослабляют воина, делают неверной его руку, ошибочными — движения. Нельзя забывать мысли подобной ерундой.

Но глаза его то и дело останавливались на бледном, заплаканном лице Рукмини. Он пытался уговорить себя. Сказать: «Она недостаточно хороша». Да, наверное, ее внешность обладала недостатками — ни одна красавица не совершенна, во внешности любой женщины можно отыскать хотя бы маленький, но изъян. И при этом Шраддха слишком хорошо понимал, что ему абсолютно безразлично, обладает внешность Рукмини каким-то изъяном или нет.. Он желал ее такой, какой она была. Юной, гибкой, полной жизненной силы, своевольной, упрямой, с пышными губами, о которых хочется сказать «румяные», с темными влажными глазами...

Шраддха тряхнул головой. Колдунья! Это нахождение, вот что это такое...

Он перевел взгляд на ее брата. Мальчишка жалобно всхлипывал и смотрел на Рукмини с укоризной. Ну конечно. Готов обвинять сестру в собственном малодушии. Был бы парень настоящим воином, плонул бы в лицо врагам и умер бы героем, позволив сестре бежать. А вместо этого он захныкал и повис у Рукмини на ногах тяжеленной гирей. Обрек ее на тягостное рабство.

Впрочем, Шраддха сделает все, чтобы это рабство не стало его пленнице тягостным...

— Остановись!

Что это за крик? Кто это приказывает Шраддхе остановиться?

Военачальник резко повернулся на голос и увидел, что к нему скачет жрец богини Кали. Шраддха нахмурился. Как и все воины, он недолюбливал жрецов. И с особенной опаской относился он к этому жрецу Кали, к Санкаре.

По слухам, Санкара наделен слишком большим могуществом. Настолько большой была его жреческая сила, что прочие жрецы не согласились терпеть такого человека в Калимегдане и потребовали от Аурангзеба выслать Санкару подальше из города. Санкара охотно уехал. Одно это уже должно было вызывать у всех здравомыслящих людей серьезные опасения касатель-

льно нрава и способностей жреца. Вот уже много лет Санкара ведет крайне уединенный образ жизни, скрываясь в густых джунглях, и появляется на людях лишь в тех случаях, когда происходит нечто по-настоящему серьезное.

Так что появление Санкары, да еще такого взволнованного, не сулит ничего доброго. Шраддха заранее подобрался, готовясь к худшему. Однако того, что произошло потом, он никак не ожидал.

— Остановись, не прикасайся к этой пленнице! — закричал Санкара. — Она не принадлежит тебе.

Девушка со связанными руками испуганно смотрела на жреца. Он пугал ее — так же, как пугал любого человека, который видел его впервые. Растрепанный, с сальными волосами, с безумно горящими глазами, с грязным лицом, облаченный в пестрые лохмотья, увешанный амулетами, жрец Кали выглядел поистине устрашающе. Он походил на безумца, хотя безумцем не являлся, — жуткое сочетание.

Рукмини бросила на Шраддху умоляющий взгляд. При других обстоятельствах Шраддха бы возликовал. Девушка, чье сердце он желал завоевать, сама просила его о помощи, изъявляла готовность броситься в его объятия. Что угодно, лишь бы избавиться от посягательств ужасного жреца Кали!

Что ж, из благодарности может вырасти настоящая любовь. Если Шраддха сумеет отстоять свою добычу, то Рукмини, вероятно, когда-нибудь полюбит своего спасителя. Да, из захватчика Шраддха превратится в спасителя! Воистину, удачный день.

Точнее, это был бы удачный день, будь на месте Санкары любой другой жрец. Но от Санкары можно ожидать чего угодно. Потому что он самый могущественный из всех, и пределы его могущества не дано измерить никому из воинской касты.

Санкара поднял руку и властно указал на Рукмини.

— Эта девушка не может принадлежать смертному! Она избрана богиней Кали и будет принесена в жертву Черной Матери — в знак нашей благодарности за всю ту доброту, которую Кали...

— Убрайся в преисподнюю! — заревел Шраддха вне себя от ярости. — Как ты смеешь становиться у меня на пути! Эта девчонка — моя добыча, и клянусь черепами младенцев, что украшают бедра богини, — она будет согревать мою постель, пока я этого желаю! Она станет матерью моих детей, она родит мне сына — настоящего воина!

— Нет, — тихо проговорил Санкара, глядя на Рукмини повелительно.

Шраддха, увлеченный волной своего неукротимого гнева, даже не рассыпал этого слова. Он продолжал:

— И никто, ни сам повелитель Аурангзеб, ни ты, — никто не посмеет противиться моей воле!

— Нет, — повторил Санкара еще тише.

Он шевельнул пальцами и прошептал заклинание. Сверкнула искра, и в тот же миг тело девушки перестало повиноваться ей. Она с ужасом поняла, что не в силах шевельнуть пальцем или моргнуть — не говоря уж о том, чтобы двигнуться.

Магия превратила ее плоть в подобие камня, и Рукмини, не переставая оставаться живой, оказалась заточенной внутри статуи. Самым ужасным было то, что она не могла опустить веки и принуждена была смотреть на все происходящее.

Запястья, стянутые веревками, не переставали болеть, и кожа, хоть и стала каменной, все еще горела от ударов.

Шраддха с неподдельным ужасом уставился на свою пленницу, а затем, медленно наливаясь гневом, перевел взор на Санкару:

— Что ты сделал с ней, грязный колдун?

— Она моя, — спокойно повторил Санкара. — Надеюсь, теперь ты не претендуешь на нее? Клянусь тебе, я не расколдую ее и не превращу в живую женщину. Сейчас ты можешь

убить меня — но это тебе не поможет: никогда эта пленница не будет твоей! Она предназначена в жертву богине. Кали указала на нее. Я видел ее в магической чаше, Шраддха. Не противься воле Черной Матери.

Шраддха опустил голову. И тут на земле шевельнулся Ратарах. Мальчик дрожал от страха, слезы боли застыли в его глазах. Санкара засмеялся и, наклонившись, что-то прошептал ему на ухо, а затем щелкнул пальцами, и веревки спали с рук и ног мальчика.

— Этот парень тоже пойдет со мной, — объявил Санкара. — Поможет мне дотащить сестру. Правда, дружок?

Ратарах, опустив взгляд, усердно закивал.

— Вот и хорошо, — одобрил Санкара. — Умница. Будешь делать все, что я прикажу, правда? Иначе твоей сестре будет очень-очень больно. Ты меня понимаешь?

И снова Ратарах закивал, как болванчик.

Шраддха плонул и сел в седло. Его воины последовали его примеру.

Санкара улыбнулся ему совершенно дружески.

— Ты можешь взять коня этой девушки. Очень хороший конь. Неплохая замена для пленницы.

— Я хотел и женщину, и коня, — сказал Шраддха.

— Что ж, один только конь, без женщины, лучше, чем ничего, — спокойно указал Санкара.

Уже готовясь уехать и держа недоуменно ржущего Светамбара в поводу, военачальник в последний раз повернулся к Санкаре:

— Мы еще увидимся, колдун.

— Я не колдун, — возразил Санкара. — Я жрец великой Кали. Та сила, которой я обладаю, на самом деле принадлежит богине. Через меня действует и говорит сама Черная Мать, вот почему я прошу тебя, Шраддха: будь покорен моей воле и веди себя со мной почтительно.

Словно бы не слыша этих предостерегающих слов, Шраддха заключил:

— И когда я увижу тебя во второй раз, клянусь всем святым, что есть для меня в мире, — я отрублю твою проклятую болтливую голову! А сейчас мне некогда.

Он развернул коня и погнал его по плоскогорью, направляясь в сторону джунглей — туда, где его армия уже подходила к Патампуру.

Санкара проводил его взглядом почти печальным, а затем пожал плечами и с улыбкой повернулся к своему юному пленнику.

— Привязывай статую к коню. Потащим ее за собой.

— Ей не будет больно? — прошептал Ратарах, не сводя зачарованного взора со жреца.

— Она ведь превратилась в статую, не так ли, малыш? — очень ласково спросил его Санкара.

— Да...

На самом деле Рукмини ощущала все. Ей было очень больно, но она не могла ни крикнуть, ни даже моргнуть — она не в состоянии была показать брату, как страдает.

Ратарах усердно обвязал неподвижное каменное тело сестры веревками и прикрепил их конец к седлу. Санкара уселся на коня и поехал в сторону своего затерянного в джунглях святилища, которое навсегда стало его домом. Статуя повлеклась за ним по земле. Ратарах побежал следом, точно собачонка. Он очень старался не отстать от своего нового господина.

* * *

— Конь Ратараха! — вскрикнула Гаури и скорее оглянулась по сторонам: не слыхал ли кто ее крика. Дурная весть сейчас будет очень не ко времени. Достаточно и того, что сама Гаури узнала о беде.

Испуганный конь, вырвавшийся из рук воинов Шраддхи, сумел освободиться. Он догнал караван уже возле самых гор. Нет худшего вестника, чем оседланный конь без седока. Что-то ужасное случилось с Ратарахом и Рукмини...

Глава одиннадцатая Роковой поединок

Патампур готовился встретить врага. Все, кто остались в крепости, без устали трудились на стенах. Кто поднимал наверх тяжелые камни, чтобы в решающий день сбросить их на головы врагов, кто наполнял колчаны стрелами и точил сабли. Дым поднимался от огромных казанов, где разогревали масло, которое будет вылито на головы врагов. У защитников Патампуря найдется чем встретить врага!

Вся городская стена ощетинилась балками. С каждой балки свисает колесо с накинутой на обод веревкой. Умное устройство, да только вряд ли придется по вкусу врагам! Возле балок хлопотали Траванкор и Арилье: наполняли мешки камнями, подвешивали к веревкам.

— Тяни! — крикнул Арилье своему другу.

Траванкор потянул за свободный конец веревки, и мешок, полный тяжелых булыжников,

взлетел наверх. Пусть-ка теперь сунутся недруги! Живо получат по голове.

Шлока шагал по стене, быстро оглядываясь по сторонам. Казалось, учитель примечает одновременно тысячи вещей. Ничто не ускользало от его проницательного взора, ни одна мелочь, ни один человек. Он все видел, каждую искорку, что взметывала сабля, направляемая оселком, каждую каплю горячего масла — хорошо горит оно, наносит тяжелые, неизлечимые раны.

Траванкор и Арилье подошли к учителю.

— Не все женщины и старики согласились покинуть город, — Арилье заговорил первым и сразу о том, что беспокоило его больше всего. Шлока поручил своим молодым ученикам позаботиться о безопасности жителей, вот Арилье и докладывал о случившемся.

Траванкор быстро добавил:

— Мы решили оставить тех, кто может держать в руках оружие.

Шлока внимательно посмотрел на друзей. Кивнул.

— Вы приняли правильное решение.

И отметил про себя: на лицах обоих юношей появилось одинаковое выражение облегчения. Они уже научились решать самостоятельно, в зависимости от обстоятельств, но до сих пор еще побаивались учительского суждения. Ниче-

го, скоро это пройдет. После первого же боя. После боя, который необходимо выиграть.

— Где Конан? — спросил Арилье.

— У восточных ворот. Руководит обороной. — Шлока хмыкнул. — Под его началом те самые женщины и старики, что остались и взялись за оружие. Выглядит довольно забавно...

Арилье, не скрываясь, расхочатся, представив себе здоровенного киммерийца во главе армии слабаков. Но Траванкор даже не улыбнулся. Его мысли были заняты другим. Он думал об обороне города, не позволяя себе деталим увлекать себя.

Шлока покачал головой:

— Наших врагов очень много... А нас мало. И на помощь к нам никто не придет. Все произойдет как обычно: Аурангзеб уничтожит нас, пользуясь тем, что у нас нет друзей и союзников. — Шлока перевел взгляд на крепость и, понизив голос, добавил: — Между прочим, здесь есть потайные подземные ходы.

Арилье просиял. Любит парень всякие тайны, неожиданности и удивительные штуки! Сосвем как маленький ребенок. Шлоку и трогало это, и немножко сердило. Любопытство не всегда к добру.

— Их специально построили, да? — выпалил Арилье. — Чтобы можно было покинуть город секретно?

Зачем спрашивать очевидное? Разве что для того, чтобы во время этого разговора лишний раз насладиться мыслью о тайне. О тайне, которая, оказывается, лежит сейчас прямо под их ногами.

Шлока молча кивнул, подтверждая предположение ученика.

А вот Траванкор заговорил сразу о главном:

— Шраддхе известно что-либо о подземном ходе?

Хороший вопрос.

— К сожалению, — медленно проговорил Шлока, — слишком часто наши враги знают гораздо больше, чем мы бы хотели...

Зловеще прозвучали эти слова. И повисли в воздухе как предостережение. И сразу погасла восторженная улыбка на лице Арилье, а Траванкор как будто повзросел еще на год.

Шлока не знал, хорошо ли это. Слишком быстро пришла пора взросления к сыну раджи Авенира. Но учитель видел совершившееся, и его мудрости было довольно для того, чтобы не желать невозможного.

— Ты говоришь о... возможном предательстве? — с каким трудом дались юноше эти слова! Но все-таки он заставил себя сказать их. Потому что намек Шлоки прозвучал недвусмысленно.

Шлока кивнул, не желая продолжать тему. Однако Траванкор настаивал:

— Ты всерьез утверждаешь, что в городе Авенира может оказаться предатель?

Шлока встретился с ним глазами.

— Да, Траванкор. Кто-то докладывает Аурангзебу о каждом нашем шаге. И этот кто-то находится очень близко от раджи.

Траванкор быстро отвел взгляд в сторону. Шлока почти сразу догадался, о ком подумал юноша. О чужаке, об этом киммерийце, который только о том и мечтает, чтобы разграбить казну Аурангзеба и поживиться, а после уйти с богатой добычей. Может быть, Конан нашел способ разбогатеть пораньше — прежде, чем падет Калимегдан? Может быть, Конан попросту получает деньги от раджи Калимегдана и взамен выдает врагам сведения о защитниках Патампуря?

— Смотрите! — Арилье прервал тягостное молчание и протянул руку, указывая на широкую, вырубленную в лесу площадь перед городом.

К Патампуре подходило огромное вражеское войско.

* * *

Шраддха остановил своих людей в полете стрелы от стен города. Патампур был готов к обороне. Нет ничего скучнее для воина, чем

долгая осада. Люди начинают тосковать, принимаются чудить, то один то другой рвется в бой или ворчит про себя, что пора бы возвращаться, коль скоро добычи, кажется, не дождешься.

Патампур должен пасть. Слишком долго терпел Аурангзеб дерзость ученого книгоочея, раджи с холеными руками — этого ничтожного Авенира. Настала пора преподать ему хороший урок. Хватит Авениру подговаривать окрестных князей объединиться и выступить против Калимегдана общими силами. Если Патампур будет разрушен, а Авенир — убит, вся эта часть Венгрии сама собой окажется в руках Аурангзеба.

Шраддха осматривал город. Патампур лежал перед военачальником как на ладони. Часто задумывался Шраддха над шутками, которые играет с человеком открытая равнина. Вот она, цель, вся видна. Только руку, кажется, протяни и возьми... И не достанешь. Долгое расстояние лежит между тобой и тем, что ты видишь с такой обманчивой отчетливостью.

Другое дело — джунгли. Здесь цель твоего пути может находиться в двух шагах, а ты не будешь и знать об этом. Так устроен мир, так придумали боги. Что ж, воину остается лишь принимать мир таким, каков он есть. И идти к цели, не останавливаясь.

Шраддха улыбнулся. Все в свой черед. Падет и Патампур. Подмять под себя эту крепость бу-

дет нелегко, да только нет такой крепости, которая бы не пала. Это еще один закон, и воин не забывает о нем.

На мгновение Шраддхе пришла на ум красавица, которую он взял было в плен — взял и потерял, уступив добычу более сильному противнику. Но военачальник не позволил воспоминанию о позоре омрачать свои мысли. О том, как добить Рукмини и забрать ее себе, он подумает позже. Потом — когда одержит победу над Авениром.

К военачальнику подъехал его младший брат Дигам. Глаза Дигама горели, он так и дрожал от нетерпения. Шраддха усмехнулся, когда подумал о брате. Дигам впервые в жизни участвовал в большом сражении, его чувства можно понять: ему хочется поскорее броситься в бой. Шраддха вдруг ощущил себя старым рядом с Дигамом. Разница в возрасте между братьями была такова, что Шраддха вполне мог бы заменить Дигаму отца. И когда Шраддха смотрел на младшего брата, он вспоминал себя — каким он был много-много лет назад, когда только поступил на службу к великому Аурангзебу и втайне дал себе клятву выслужиться и добиться высокого положения, чего бы это ему ни стоило.

— Как ты считаешь, брат, — заговорил Дигам, — есть ли смысл сразу начать штурм? Долгая осада изнурит наших воинов. Не лучше ли

броситься на эту крепость и захватить ее прямо с марша? Я слышал, что многие великие воины именно так и делали.

И замолчал на полуслове — так поразило его лицо старшего брата. Глаза Шраддхи были полузакрыты, губы таинственно улыбались. Он как будто мечтал о ласках женщины, а не о предстоящей битве!

— Я возьму этот город один, — с легкой насмешкой в голосе проговорил Шраддха. — Авенир не стоит того, чтобы набрасываться на него целой армией. Это очень маленький кусок мяса. Его не хватит для того, чтобы накормить большую свору псов. Он едва в состоянии насытить одного голодного пса. И этот голодный пес, — тут Шраддха широко распахнул глаза, и они сверкнули дьявольским огнем, — этот пес — я.

* * *

На главной площади Патампуре, перед дворцом раджи, собирались воины. Сам раджа Авенир — пусть не воин, но все-таки правитель — остался в городе, со своей немногочисленной армией. Не пристало ему бежать. Ученый — не обязательно трус.

Шлока в эти часы не отходил от раджи. Словно тень, постоянно держался рядом. Куда бы ни направился Авенир, что бы он ни сделал,

Шлока — всегда поблизости, готовый шепнуть правильное решение или защитить, буде возникнет надобность.

Собравшиеся гудели, ожидая известий. Со стен видели, как от армии противника к Патампуре двинулся всадник с флагом — для переговоров. Вести с ним беседу отрядили Шлоку, а для охраны с ним послали Арилье. Парень выглядит внушительно, вот пусть и производит надлежащее впечатление. И, странное дело, Шлока предложил взять еще и киммерийца Конана.

— Зачем? — прошептал Траванкор.

И раджа Авенир эхом повторил этот вопрос:

— Для чего посыпать к врагам киммерийца? Ведь он чужак!

— Вот и хорошо, что чужак, — невозмутимо ответил Шлока. — Он посмотрит на происходящее со стороны и сумеет здраво оценить силы. Его глаза не будут замутнены ненавистью или страхом.

Учитель помолчал немного, а затем добавил — казалось, для одного Траванкора:

— У Конана — на удивление ясный и трезвый ум. На его мнение я полагаюсь больше, чем на собственное.

Траванкор и представить себе не мог, какой тайный смысл кроется в этих словах!

И вот Шлока с посольством вернулся. С ка-

кой вестью приехал он в Патампур? Что пожелали передать осажденным их враги?

— Они предлагают нам сдаться! — громко крикнул Шлока.

Арилье за его спиной широко, недобро ухмылялся, а Конан выглядел так, словно услышал нечто крайне забавное. Как ни странно, вид киммерийца совершенно успокоил раджу Авенира. Казалось, северянин ничуть не сомневается в победе. И если хваленое здравомыслие Конана — не плод фантазии Шлоки, то беспокоиться, вроде как, и не о чем.

Если только Шлока не ошибается...

Воины отзывались на слова посланника сердитым ропотом, поднялся шум. Подняв руку, Шлока призвал людей к молчанию и, дождавшись, чтобы те поуспокоились и готовы были выслушать дальше, продолжил:

— Если мы сложим оружие, Шрадха, так и быть, оставит нас в живых.

И новый взрыв возмущения потряс площадь.

— Не дождутся!

— Умрем за свою честь!

— Без боя не сдадимся!

Раджа Авенир улыбался радостно и чуть растерянно, и эта улыбка яснее всего говорила о том, что зрение у раджи начало сдавать — именно так, чуть виновато, улыбаются слепнущие.

щие люди. Общий боевой порыв захватил даже Авенира, человека, никогда не бравшего в руки оружия. Теперь ему хотелось идти в бой вместе с остальными. Наверное, это было безрассудством, но ради такого безрассудства стоило жить!

Владыка встретился взглядом с Шлокой и вдруг понял, что мудрец читает в его душе. И от этого на сердце у раджи стало легко и светло, как будто он только что разделил с другом нечто прекрасное. И Авенир улыбнулся — теперь уже одному только Шлоке.

Шлока негромко произнес на ухо повелителю:

— Позволь мне продолжить переговоры с врагами.

Доверчиво и просто, как дитя, раджа Авенир кивнул.

— Поступай как считаешь нужным, Шлока. Поезжай к ним и договаривайся. Но помни одно: мы не сдадимся без боя — лучше умрем.

— В этом у меня нет ни малейших сомнений, — спокойно отозвался Шлока.

И снова потянулось томительное ожидание.

Со стены Траванкор видел, как учитель, миновав воина со змеиным флагом Аурангзеба — переговорщика, одиноко стоявшего впереди всего войска, на пустой земле, — скачет прямо к предводителю.

Рослая фигура Шраддхи хорошо была различима со стены. Подбоченившись, тот ждал —

каковы окажутся результаты переговоров. Неужто Патампур и впрямь согласится сдаться без боя? Было бы неплохо. Нет ничего дурного в том, чтобы брать крепости одним только дуновением своего дыхания. Другое дело — добрая сеча. Но раджа Авенир со своими людьми заперся за стенами, суля своим противникам томительную осаду. Да, лучше бы разделяться с ними побыстрее!

О чём учитель разговаривает с Шраддхой? Держатся они как старые знакомые. Должно быть, встречались прежде. Вряд ли в дружеской беседе. Скорей всего, в бою. И, коль скоро оба живы, то явили себя достойными противниками.

Траванкор уловил довольную улыбку на лице Шраддхи и вместе с тем ощутил укол беспокойства. Что такого посулил предводителю вражеской армии учитель, если Шраддха так улыбается? Какое лакомство предвкушает кровожадный воин?

Траванкор быстро сбежал со стены, вернулся на площадь.

— Учитель возвращается, — сообщил он обступившим его товарищам.

Арилье блеснула глазами:

— Ну вот, сейчас все решится. Наконец-то!

Шлока медленно въехал в крепость. Он не торопился, и в этой его неспешности все собравшиеся ощутили некий залог грядущей победы.

Только уверенный в будущем человек держится с таким спокойствием.

Шлока остановился, чувствуя на себе взгляды десятков внимательных глаз. Поднял руку, призывая ко вниманию, хотя мог бы и не просить о молчании: люди и без того затихли.

— Они согласились на поединок между двумя избранными воинами, — разнесся по площади голос Шлока. Конан широко улыбался, слушая эти слова, но раджа Авенир нахмурился. — Условия поединка будут очень просты. Победит наш — они уйдут. Но если победит воин Аурангзеба — мы должны сдать Патампур без боя. И тогда уж Шраддха сам решит, кого оставить в живых, а кого казнить, кого отпустить на волю, а кого продать в рабство. Мы окажемся полностью во власти наших врагов.

Конан протолкался вперед.

— И что же ты сказал, Шлока? — крикнул киммериец. — Что ты сказал нашим врагам?

«Нашим», — отметил про себя Траванкор. — Киммериец считает Аурангзеба и его людей своими врагами... Неужели он все-таки предатель? Нет, такое слово, вырвавшееся помимо его воли, не может быть сказано нарочно, для того, чтобы обмануть меня. Конан на самом деле считает их своими врагами. На самом деле... — Он повторял эти слова, как заклинание. — Киммериец не предатель. Но кто же тогда? Кто?»

Он медленно обвел глазами всех собравшихся, словно рассчитывая увидеть предателя перед собой. И тотчас устыдился собственных мыслей. Честные лица, горящие глаза, руки, сжимающие оружие... Все эти люди рвутся в бой. Они готовы умереть за родной город. И их Траванкор посмел заподозрить!

Юноша опустил веки. Лучше бы ему умереть, лишь бы не знать подобных мыслей! Хорошо Арилье. Вот простая душа. Ему и в голову не придет кого-то подозревать, весь занят одним — предстоящим поединком...

Должно быть, Шлока не сомневается в воине Патампуре, коль скоро согласился на подобное условие! Но кто будет этот избранник? От чьего умения и удачи зависит судьба целого города?

Раджа Авенир чуть подался вперед:

— Они назвали своего воина?

Голос его дрогнул, раджа заметно волновался. Волновались и другие. Конан улыбался так, словно не сомневался в том, что выбор владыки Патампуре падет на него.

Шлока перевел взгляд на Авенира.

— Это Шраддха.

Легкий вздох пробежал по толпе. Авенир покачал головой:

— Говорят, Шраддха не проигрывал еще ни одного боя.

Шлока молчал.

Казалось, он уже сказал все, что собирался, и теперь никакая сила в мире не заставит его разомкнуть уста. Пусть высажутся другие. Свое слово учитель оставил на потом.

Вперед выскоцил нетерпеливый Арилье. Выкрикнул звенящим от возбуждения голосом:

— Могу ли я сказать, учитель?

Шлока не произнес ни слова.

Как будто не заметив тяжести этого молчания, Арилье горячо продолжал:

— Ты научил нас сражаться с любым противником. Каждый из нас готов к этому поединку!

Молодые воины зашумели, стали подталкивать друг друга локтями. Они ловили взгляды Шлоки. Учитель отлично видел, что они все готовы к поединку. Разумеется, они не могут сравниться с Шраддхой мощью и опытом. Еще слишком молоды, не налились той зреющей силой, что отличает Шрадду — мужчину, вступившего в лучшую для воина пору. Но душа их, несомненно, готова для этой решающей битвы. Да и умения им — здесь Арилье прав — не занимать.

Однако у Шлоки заранее имелось решение. Он не спешил высказываться лишь потому, что просто позволял молодым людям выпустить лишний пар. Ждал удачного момента, чтобы объявить свою волю.

Арилье так и сверлил учителя глазами.

— Ты не разочаруешься во мне! — выпалил он напрямик. — Выбери меня, учитель! Благослови меня на этот бой!

Шлока слегка улыбнулся.

— Я уверен в тебе, Арилье, как уверен в любом из вас. Но с Шраддхой за наш город сразится Траванкор.

Краска прилила к лицу Траванкора. Все это время он ждал безмолвно. Душой он уже знал, какие слова произнесет учитель, но рассудок еще отказывался принимать услышанное. Великая честь выпала ему, великая ответственность ляжет на его плечи! Пора. Настала та самая пора, о которой столько раз говорил ему учитель, пока сам Траванкор был еще маленьким.

Судьба приблизилась, стала зримой. Траванкор мог без страха взглянуть ей в лицо.

— Я готов, — проговорил он просто.

Подойдя к нему вплотную, Шлока негромко сказал — так, чтобы слышал его один только Траванкор:

— Этот Шраддха убил твою мать.

Траванкор вздрогнул всем телом, пристально посмотрел на Шлоку, замер. И с удовлетворением увидел учитель, как затвердевают мягкие черты юноши, как жестким становится его взгляд. Превращение было завершено, мальчик стал мужчиной.

Шлока перехватил взгляд Конана. Киммериец тихо, еле заметно качал головой. Он явно осуждал выбор Шлоки. И было совершенно очевидно, что киммериец намеревался разделаться со Шраддхой сам.

Шлока улыбнулся уголком рта. Конан — не превзойденный боец. И почти наверняка он одолел бы Шраддху. Но сейчас просто необходимо, чтобы эту победу одержал Траванкор. И киммериец с его намерением сделаться когда-нибудь королем должен постичь смысл такой победы. «У тебя ведь ум настоящего властелина, Конан, — мысленно обратился к киммерийцу Шлока. — Пойми, пойми меня! Пойми суть происходящего!»

Но мысленное заклинание не подействовало на киммерийца. Плюнув, тот с самым разочарованным видом скрылся в толпе.

* * *

Когда один выходит на поле, чтобы сразиться за всех, самое трудное — выдержать взгляды тысяч глаз, устремленных на тебя. С надеждой смотрели на Траванкора защитники Патампуря. Не от смерти должен был он избавить их — от позора, который страшней смерти. Сдаться без боя! Оставить крепость, которую они своими руками подготовили к обороне! Траванкор не

должен проиграть. Слишком многое поставлено на кон.

Но самым пристальным из всех был взор, устремленный на молодого воина раджой Авениром.

Много лет Авенир пытался угадать: который из учеников Шлоки — тот самый ребенок, вырванный из лап смерти родной сын раджи. В последние годы раджа Авенир открыто отдавал предпочтение Арилье.

Кто самый смелый? Арилье. Кто первым вызывается на бой? Арилье. Кто побеждает противников почти в каждом учебном поединке? Опять Арилье. Быстрей всех на языке, смешливый, влюбчивый, отважный. Разве не он — наиболее вероятный сын раджи?

Поговаривали, правда, будто Арилье — самого низкого происхождения, какое только можно себе представить. Авенир этому не верил. Он знал Шлоку, знал, на какие хитрости горазд мудрец, когда считает правильным скрыть истину. Шлока вполне в состоянии был распустить подобные сплетни, дабы никто даже не заподозрил, что Арилье на самом деле — тот самый воин из предсказания, чудом спасенный отпрыск раджи.

Авенир мечтал о том времени, когда сможет открыто прижать Арилье к груди и объявить своим наследником...

Но оказалось иначе. Не блестательный Арилье, а задумчивый, молчаливый Траванкор — будущий владыка Патампурा. В этом юноше должны соединиться отцовская мудрость и воинская мощь его деда.

С повлажневшими глазами следил Авенир за тем, как выезжает из ворот Патампурा Траванкор и направляется в сторону вражеского войска. Усмехаясь, ожидал юного соперника могучий Шраддха. Даже издалека видно, какой это опасный противник. Рослый, в своем мощном позолоченном доспехе похожий на дракона, с косицей, торчащей из-под шлема, с наглым лицом и прищуренными глазами. С одинаковой ласкойглядит такой человек и на женщину, которой намерен овладеть, и на мужчину, которого сейчас убьет.

Но раджа Авенир даже не смотрел на великолепного Шраддху. Узнав наконец своего сына, раджа испытывал такое потрясение, что все прочие чувства как будто заснули в его душе.

— Так вот он, мой сын, — шептал он. — Наконец я узнал тебя!

— Воина узнают в бою, — повторил свои давние слова мудрец Шлока.

Однако осчастливленный отец не слышал его. Всем сердцем обратился он к Траванкору, словно надеясь, что юный воин уловит отцовский призыв:

— Сын мой, наступил час, которого мы ждали так долго! Благословляю тебя, мой сын... — Он повторял эти слова, «мой сын», с такой жадностью, как будто никак не мог вдосталь ими напитаться. — О боги, помогите моему сыну победить врага. Мой сын... Это настоящее чудо! Мой сын — он одолеет неприятеля, он вернется к нам с победой... О боги, о Дурга, будь благосклонна! О Агни, покровитель наших очагов, не дай моему очагу опять осиротеть!..

Между тем великолепный Шраддха тронул коня и выехал навстречу Траванкору.

— Ты принес жертву своим маленьким божкам, маленький воин? — насмешливо выкрикнул он. — Если нет, то сейчас самое время! Скоро я убью тебя! У тебя есть невеста? Пусть ищет другого жениха, ибо сейчас — самое время! Скоро ты ляжешь в землю, улетишь в небо вместе со смрадным черным дымом погребального костра! У тебя есть родители? Пусть зачинают нового сына — сейчас для этого самое время, ибо прежнего сына они вот-вот лишатся!

Кругом зашумели, засмеялись.

Ни один мускул не дрогнул на лице Траванкора.

— Видать, твои родители не слишком надеялись на твою силу, коль скоро зачали тебе на замену вон того парня, — сказал Траванкор, указывая на Дигама.

Сходство между братьями подчеркивалось сходством их доспехов, поэтому не было ничего удивительного в том, что Траванкор угадал их родство. Однако Дигам залился гневной краской. Шрадха же остался невозмутимым.

— Ну так ты готов, маленький воин? — осведомился он. — Сейчас все твои беды закончатся, потому что я убью тебя.

— Попробуй, — спокойно отозвался молодой воин. — Потому что пятнадцать лет назад тебе это не удалось!

На лице Шрадхи промелькнула тень: он как будто понял, о чем говорит соперник.

— Ты? — прошипел он.

Траванкор кивнул.

— Что ж, — сказал Шрадха. — Тогда я убил твою мать. Я перерубил пополам ее тонкое тело, и все ее внутренности выпали на землю — вот как она умерла! И моя лошадь прошлась по ее внутренностям, когда я искал среди окровавленных тряпок тебя, жалкий кусок мяса!

Траванкор проговорил с неподвижным лицом:

— Я знаю.

Выкрикнув громкий боевой клич, Шрадха развернулся коня и отъехал от противника на расстояние полета стрелы.

Поединок начался. Кони рванулись с места.

С каждым мгновением все ближе Шрадха к молодому воину; Траванкор видит, как растет

перед ним полководец Аурангзеба, стремительно превращаясь в великана. На всем скаку Шрадха бросает копье и одновременно с тем выхватывает саблю: одно отлаженное, плавное движение, похожее на танцевальное.

Траванкор только и успел, что подставить копью свой щит. Застрявшее в щите копье делает бесполезным круглый, обтянутый кожей кусок дерева. Теперь он будет только мешать во время боя. Траванкор поднял щит, чтобы отшвырнуть его, и успел еще принять на него удар саблей.

Шрадха атаковал стремительно, неостановимо. Только отработанное годами умение улавливать не столько движение, сколько намерение противника спасло Траванкора на сей раз.

Юноша бросил бесполезный теперь щит.

Бой вскипел в единое мгновение, и, как ни странно, это принесло Траванкору некоторое облегчение. Он перестал ощущать на себе взгляды людей, чья жизнь и честь теперь зависят от его смелости и умения. Он перестал думать о своем отце, который впервые видит сына в бою. Не думал он даже о том, что Шрадха убил ту, которая дала ему, Траванкору, жизнь. Только одно занимало Траванкора, целиком и полностью: удары, увертки, отскоки, нападение и отходы.

Когда защитник Патампуря остался без щита, многие на стенах города отвернулись, закры-

ли лица. Некоторые опустились на корточки, обхватив головы руками, только бы не видеть, как погибнет их последняя надежда.

Один только Шлока стоял прямо и не отводил глаз. Он был уверен в своем ученике и не сомневался в том, что поединок только-только начался. Исход этого боя пока неясен, но отчаяваться рано.

Траванкор — лучший. Он моложе Шраддхи, выносливее, а опыта ему, несмотря на молодость, не занимать. И, самое главное, — Траванкор сражается за правое дело. Сегодня боги будут на его стороне. Дурга вняла мольбам и дала обещание. Нельзя сомневаться в воле богини.

Траванкор опять поскакал навстречу Шраддхе с саблей в руке. Шраддха размахнулся. По широкой дуге пошло лезвие, солнце блеснуло на стали. Еще миг — и юноша будет разрублен пополам. В последний миг Траванкор резко откинулся назад в седле, и удар Шраддхи прошел мимо, без толку рассек воздух и канул.

Вздымая тучи пыли, кони вновь развернулись, и снова сшиблись враги. Сабли со громом скрестились, разошлись и скрестились вновь. Как ни изощрялся Шраддха, ему все не удавалось достать своего молодого врага. Траванкор всегда успевал встретить удар, откуда бы этот удар ни был нанесен.

Улыбка на лице Шраддхи превратилась в ос-

кал. А лицо воина оставалось спокойным, неподвижным. Он выжидал удобного момента, чтобы разделаться с соперником. И это бесило Шраддху. Откуда такая уверенность в себе?

Мощным ударом Шраддха выбил саблю из рук юноши. Засмеялся, не таясь, блестя глазами. «Ты пропал!» — вот что видел Траванкор на лице Шраддхи. Ласковые морщинки разбежались вокруг глаз врага.

Однако Траванкор сделал то, чего никак не мог ожидать Шраддха. Соскользнув с коня, молодой воин коснулся земли и, оттолкнувшись, ударил Шраддху обеими ногами так, что тот потерял равновесие. Трюк, показанный ему Шлока давным-давно.

Ошеломленный, Шраддха потерял равновесие и выронил саблю из руки. Теперь оба соперника остались безоружными.

Вскочив в седло, Траванкор погнал коня к тому месту, где, все еще качаясь, торчала из земли его сабля. Шраддха рванулся к своему оружию. Оба чувствовали: наступил решающий миг. Сейчас все закончится, и один из двоих останется лежать на поле боя навсегда.

Подхватив сабли на полном скаку, в последний раз противники пустили коней вскачь друг на друга.

Не раздумывая, Траванкор направил своего коня прямо на Шраддху. Лошади столкнулись на

всем скаку. Траванкор, знавший о том, что сейчас произойдет, сумел удержаться в седле, но Шраддха, не догадавшийся о намерении юного соперника, рухнул наземь вместе с конем. Щит свалился с локтя, но Шраддха успел подхватить его и развернуться навстречу Траванкору.

Юный всадник несся прямо на своего упавшего врага. Лицо сосредоточено, губы сжаты, глаза смотрят в одну точку. Сейчас будет нанесен последний удар. Последний.

Выбросив вверх руку, Шраддха выставил щит вперед, навстречу врагу. Схватив саблю обеими руками, Траванкор с силой обрушил лезвие прямо на голову соперника.

Убийца его матери мертв.

Настала тишина. Стих гром копыт, замолчали звенящие сабли. Казалось, никто даже не дышит. Переступил с ноги на ногу конь Траванкора и шумно фыркнул. И тут, словно расколдованые от зловещего сна, закричали на стенах Патампуря зрители. Голоса их звучали все громче, пока наконец не заполнили все джунгли, всю равнину, все небо, все царства — и людские, и богов.

Они выкрикивали одно и то же имя, твердя его, как заклинание, как клич победы.

Это было имя Траванкора.

Тяжело дыша, Траванкор смотрел на вражеское войско. Юноша был сейчас наедине с тыся-

чей врагов, и все они, не веря собственным глазам, взирали на труп своего предводителя.

— Траванкор! — ликующее летело со стен Патампуря.

Один за другим враги, растерянные, ошеломленные, начали разворачивать коней. Они уходили, растворяясь среди деревьев, уносились в сторону равнины, на плоскогорье — подальше от рокового Патампуря.

Ворота крепости распахнулись. Оттуда хлынули люди. Они обступили победителя, тянули к нему руки, толкали его и его коня и все выкрикивали и выкрикивали его имя...

Одним из первых выскочил из крепости Арилье, но добежать до Траванкора он не успел: наткнулся взглядом на какого-то странно знакомого человека и невольно потянулся к нему. Арилье не любил загадок. Точнее, любил сразу их разгадывать.

Этот смутно знакомый человек был почти мальчик, с нежным лицом и одежде явно с чужого плеча. Вооруженный саблей себе не по руке, он грустно смотрел прямо на Арилье.

И тут Арилье наконец понял, кто перед ним.

— Гаури! — воскликнул он. — Я не узнал тебя в этой одежде. Что ты здесь делаешь?

— Я хотела сражаться, — ответила девушка.

Арилье обхватил ее за плечи, прижал к себе, захихотал.

— Сражаться не придется! — сказал он. — Ты видела нашего Траванкора?

— Да...

Арилье только теперь умерил радость и внимательнее всмотрелся в лицо подруги детства.

— Да что с тобой? Ты чуть не плачешь!

— Они попали в плен, — еле слышно произнесла Гаури. — Рукмини и Ратарах. Оба. Их захватили люди Шрадхи... Я пришла сообщить об этом. Одному только тебе. Слышишь, Арилье? Только тебе. Траванкор не должен знать об этом. Иначе он бросит все и помчится их выручать, а он нужен в городе... После всего, что случилось, Траванкору нельзя отлучаться из Патампуря. Он — опора своего отца. Слишком много врагов у раджи Авенира, как оказалось...

— Много? — Арилье недоуменно посмотрел на Гаури. — Раджу все любят! Очнись, Гаури, у тебя глаза затмило от печали!

— Кто-то предает раджу. В таких делах и одного недруга бывает достаточно, — сказала Гаури. — Умоляю, спаси мою сестру и брата, но ничего не говори об этом Траванкору, дабы не погубить все то, чего он достиг такими трудами! И он, и ты, и все мы... и учитель Шлока.

Арилье медленно перевел взгляд на друга, окруженного счастливыми людьми. На нового предводителя, который только что спас свой народ.

— Траванкор ничего не должен знать, — повторил Арилье. — Ты права... Я все сделаю сам, Гаури. Будь счастлива. Дорогая моя...

Он взял девушку за подбородок и поцеловал ее лицо — так похожее на лицо Рукмини.

В толпе воинов Траванкор двинулся обратно в крепость. Сейчас он жаждал одного: представать перед своим отцом. Теперь он доказал перед всем светом, что достоин быть сыном раджи!

Авенир едва удерживался от того, чтобы не броситься навстречу сыну. Он протянул к нему руки, крепко обнял.

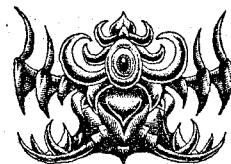
— Прости, что так долго не мог назвать тебя сыном! Ты — гордость моего сердца, Траванкор. Все эти годы я ждал... И вот оно пришло, самое счастливое мгновение моей жизни. Оно пришло! Даже если я проживу еще тысячу лет, никогда я не буду так счастлив, как сейчас.

Неожиданно Траванкор ощутил, как его охватывает страшная усталость. Слишком много пережил он сегодня. В изнеможении он произнес первое, что пришло на ум:

— Я отомстил за мою мать...

Глаза Авенира увлажнились слезами.

— Я расскажу тебе о ней, сынок... Идем со мной. Я расскажу тебе, как она была добра и прекрасна...

Глава двенадцатая Горькая весть

чень медленно движется по плоскогорью карета Аурангзеба, окруженная многочисленной охраной. Катится, как божество судьбы. Таковым и видит себя Аурангзеб: неограниченный властитель здешних земель, рок и бич для любого, которые посмеют встать на его пути! Всех сметет он с лица земли, всех перемелет колесами своей кареты...

Владыка Калимегдана озирает окрестности хозяйственным взором. Скоро все эти просторы будут принадлежать ему. Скоро падет Патампур, а вслед за тем и все прочие княжества, где мелкие властители возомнили о себе неизвестно что.

Он думает о своих бесчисленных войсках, о метательных орудиях, которые специально были построены кхитайскими мастерами для разрушения стен Патампуря. Напрасно гордый Шраддха не согласился взять их с собой. Впро-

чем, Аурангзеб хорошо понимал, почему так поступил его лучший воин. Для Шраддхи делом чести стало взять Патампур самолично и разделаться с тем волчонком из пророчества.

Кому охота, чтоб на тебя показывали пальцем и говорили: «Вот едет гордый Шраддха, лучший воин Калимегдана, который не сумел убить новорожденного младенца!» Лучше уж уничтожить двадцатилетнего юнца, который в силах защищаться... да только никакие силы ему не помогут против могучего Шраддхи.

Эти мысли медленно текли через голову Аурангзеба, в точном соответствии с тем, как размеренно и медленно двигалась его карета.

И вдруг общий порядок смялся, был разрушен. Всадник, размахивая черным флагом беды, мчался наперерез владыке.

Карета остановилась.

Вот уже видно лицо всадника — это Дигам. Плохо дело, если он сам взялся доставить печальную весть.

— Дурная весть! — кричал на скаку Дигам. — Дурная весть, повелитель Калимегдана! Беда!

Теперь Аурангзеб разглядел, что к седлу Дигама приторочен кожаный мешок. И, не глядя на скаку, Дигам принялся отвязывать свою нощу от седла. Поднял мешок загорелой жилистой рукой.

— Что это? — тихо спросил Аурангзеб, глядя не на мешок, а на вестника.

— Это прислали из Патампурा, — ответил Дигам.

Карета дернулась в последний раз и остановилась. Бережно, точно распеленывая ребенка, Дигам развязал мешок и протянул его Аурангзебу.

Из тьмы мешка, точно из глубины колодца, глянула на владыку мертвая голова Шраддхи. Глаза, еще недавно полные жизни и ярости, стали тусклыми, как у убитого барана. Только зубы все еще поблескивали между почерневшими губами, как будто до сих пор были готовы укусить.

— Кто убил его? — глухо спросил Аурангзеб.

И услышал ответ, которого больше всего страшился:

— У наших врагов появился новый воин по имени Траванкор, сын раджи Авенира. Шраддху убил он.

Свершилось!

Мнил себя Аурангзеб судьбой для Патампурा и окрестных земель; но имелась у богов и для Аурангзеба собственная судьба, и нынче эта судьба приблизилась, почти настигла его. Пророчество начало сбываться. Столько всего было сделано, чтобы избежать неизбежного... Неужто все пропало?

Неподвижным осталось лицо владыки Калимегдана. Он умел слышать дыхание джунглей и плоскогорья, он узнавал по голосу каждый ветер. Ныне появился новый ветер, грозящий превратиться в бурю и сдуть его, Аурангзеба, с лица земли. Что ж, если это воистину суждено, — есть ли надобность сражаться?

— Волчонок вырос и стал волком, — задумчиво проговорил Аурангзеб. Он произнес это так, словно речь шла о смене времен года, о чем-то таком же неостановимом, как ураган или засуха.

— Шраддха не убил его тогда, — сказал Дигам и зарыдал. — Теперь поздно: звереныш превратился в зверя и загрыз Шраддху. Он убил моего брата!

— Да, — согласился Аурангзеб и еще раз поглядел на кожаный мешок, присланный защитниками Патампурा. — Но как бы там ни было, а Шраддху заплатил за это своей головой.

Он затянул завязки, вернул мешок Дигаму. Дигам, не стыдясь, плакал; слезы катились по его неподвижному лицу, и только углы рта болезненно подергивались: хотелось закричать от страдания, но в присутствии Аурангзеба вести себя подобным образом Дигам не смел.

Помолчав, Аурангзеб взглянул на Дигама. Сразу понял, что творится на душе воина. Плохой был бы он владыка, если бы не угадывал

любое движение в сердцах своих приближенных! Вполголоса произнес Аурангзеб:

— Наш долг — отомстить за Шраддху. Его кровь должна быть омыта кровью наших врагов.

* * *

Праздничный шум на улицах Патампурा затих только под утро. Город спал, истомленный радостью. Заснули в своих домах те горожане, что не покинули Патампурा перед лицом смертельной опасности. Храпели прямо на стене воины. Во дворце мирно почивал раджа Авенир, а в соседней комнате, разметавшись во сне, отдыхал Траванкор.

Свет утренних звезд падал на лицо молодого воина. Он спал легко, без сновидений. Теперь, когда он вступил на свой путь, не было у него времени ни для сомнений, ни для сожалений. Он знал, что ему делать. Шлока хорошо подготовил своего воспитанника для этого.

Неожиданно легкое движение в комнате заставило Траванкора открыть глаза. Он уловил чужое присутствие и сразу насторожился.

— Тише...

Знакомый голос.

— Арилье! Что ты здесь делаешь?

— Тише...

Но Траванкор уже пробудился окончательно. Стряхнув с себя остатки сна, он сел.

— Что случилось?

— Я ухожу, — прошептал Арилье.

Траванкор с тревогой уставился в лицо друга. Судя по всему, Арилье не спал всю ночь. Под глазами залегли круги. Никогда такого не бывало прежде. Раньше, случалось, Арилье по целым ночам скакал на коне, пировал или пускался в приключения и под утро был свеж и бодр как ни в чем не бывало. Видать, что-то очень серьезное стряслось, если Арилье так мрачен.

— Скажи мне, что произошло, — настойчиво повторил Траванкор.

Арилье схватил его за руку, сильно стиснул.

— Я должен уйти. Просто поверь мне.

— Куда ты должен уйти? — Траванкор был потрясен. — Нам суждено быть вместе, Арилье! Ты... — Он вздохнул. — Ты мне нужен...

— Теперь, когда ты обрел своего отца, я больше не нужен тебе, Траванкор.

Траванкор покачал головой.

— Теперь ты нужен мне еще больше, чем прежде. У властелинов почти никогда не бывает друзей, а ты — мой друг.

— Я — сын деревенского «отверженного», — напомнил Арилье. — Как я могу быть другом великому радже? Рано или поздно наша дружба

умрет, Траванкор. У тебя появятся другие друзья. Более знатные. Более достойные тебя и этого дворца.

— Ни один человек на свете не будет более достоин моей дружбы и моего дворца, чем ты, Арилье...

Эти слова прозвучали и умерли.

Долго молчали друзья, сидя бок о бок. Потом Арилье решился задать вопрос, над которым бился всю эту ночь. Было слишком заметно, что заговорить об этом для Арилье очень не просто.

— Скажи, Траванкор, ведь ты с самого начала знал, что раджа Авенир — твой родной отец?

— Нет, — сразу ответил Траванкор. — Не знал. Иногда догадывался, а потом — сомневался. Шлока умел держать меня в неведении. Много лет я считал, что мой настоящий отец — Шлока. Однако какое это имеет значение для нас? Ты всегда будешь моим братом, Арилье. Разъединить нас может только смерть.

Арилье отвернулся. Наверное, впервые в жизни он не верил своему другу. Не верил — и не хотел посвящать его в некоторые из своих тайн.

Наконец Арилье поднялся, чтобы уйти.

— Если я — действительно твой брат, Траванкор, то когда-нибудь ты все поймешь. Поймешь и простишь меня. Я всегда буду тебе пре-

дан. И что бы обо мне ни говорили, какие бы дурные слухи обо мне не дошли бы до твоих ушей — не верь. Я буду предан тебе до самой моей смерти. — Он помолчал и прошептал: — Я желаю тебе счастья, Траванкор.

И тихо выскользнул из комнаты. Траванкор с удивлением и болью посмотрел ему вслед, но не решился остановить — ни словом, ни жестом. Он видел, что решение Арилье неизменно. И если Арилье счел для себя правильным покинуть Патампур, его не остановят ни просьбы, ни даже сила. Он все равно уйдет.

Он всегда был ужасно упрямым.

* * *

Арилье думал, что сумеет оставить крепость незаметно, но ошибся. Был один человек, который догадывался о его намерении. Догадывался и ожидал возле выхода из дворца.

— Конан!

Киммериец приблизился к лучшему из учеников Шлоки — к юноше, которого решился обучать сам. Положил руку ему на плечо.

Неожиданно Арилье вздохнул. Он почувствовал себя совершенно одиноким, брошенным. В былые времена — еще совсем недавно — полная зависимость от Шлоки делала его счастливым, заставляла чувствовать себя защищенным,

любимым, нужным. А теперь? Никто не в состоянии вернуть ему прежнего ощущения. Теперь он предоставлен сам себе, и у него нет ни братьев, ни отца. Никто не спросит с него за содеянное, никто не даст доброго совета, никто не остановит строгим взглядом, когда Арилье увлечется и начнет совершать ошибки.

Каким всемогущим ощущал себя их учитель, когда его ученик был еще ребенком! Шлока мог угостить своих воспитанников сладким и тем самым осчастливить, мог устроить для них прогулку к священному дереву и заставить маленьких воинов чувствовать себя мудрыми. Они расцветали от его похвалы, они были счастливы аружбой...

А теперь, когда они выросли, Шлока вдруг явил свою полную беспомощность. Потому что один, даже самый мудрый учитель, не в силах оградить своего взрослого ученика от ожидающей его судьбы.

Казалось, Конан понимает все это лучше самого Арилье. Киммериец хмыкнул:

— Ты что, собрался уйти из города?

— Да, — ответил Арилье.

— Что ж, детство рано или поздно заканчивается, — сказал северянин. — Мое закончилось рано, тебе в этом отношении повезло гораздо больше.

Арилье глянул на него хмуро.

— Я-то думал, что вас с Траванкором разлучит та девушка, — продолжал киммериец. — Но когда этого не случилось, я понял, что ты по-настоящему благородный человек. Можешь рассказать мне все. Что бы ни происходило сейчас, рассчитывай на мою помощь.

— Рукмини попала в плен к нашим врагам, — сказал Арилье. — Вот что происходит.

— И ты не стал говорить об этом Траванкору?

Арилье пожал плечами.

— Зачем? Чтобы он бросил своего отца, оставил город, который готов ему покориться... сошел с пути, предназначенного ему самой судьбой? Нет, я не настолько плох. Траванкор ничего не будет знать. Рукмини я освобожу сам.

— Для себя? — улыбнулся Конан.

Лицо юноши потемнело от гнева.

— Ты очень дурного мнения обо мне, Конан. Я поклялся, что никогда не предам своего названного брата. И сдержу слово, даже если Траванкор сам предаст меня.

— Да ладно тебе, — протянул киммериец. — Может быть, Рукмини передумает и отдаст свое сердце тебе? Поразмысли над этим.

— Она примет то решение, которое сочтет нужным, — сказал Арилье. — Каждый из нас выполнит свой долг. Каждый пойдет за своим сердцем.

— Стало быть, твое сердце влечет тебя вслед за долгом, не за любовью.

— Может быть...

Конан тепло улыбнулся ему.

— Твое благородное сердце знает, что делает. Конечно, ты прав: Траванкор должен оставаться в Патампуре. Он нужен здесь.

Арилье покачал головой.

— У меня вовсе не благородное сердце. Ты ошибаешься во мне, киммериец. Я просто люблю ее. Люблю больше жизни. Если Рукмини жива, я сумею ее освободить. И если такова будет ее воля, я передам ее, целую и невредимую, с рук на руки Траванкору.

Не сказав больше ни слова, он сел на коня и поехал прочь.

Он не знал, что Шлока тайно наблюдает за ним. По лицу учителя текли слезы.

— Прости меня, мой мальчик, — прошептал Шлока, скрываясь за решетчатым окном.

Он видел, что его власть над Арилье закончилась.

— Прости меня...

Первый соколенок вырос, широко взмахнул крылами, ощущил свою силу — и взял свою первую добычу. И вот, не прошло и дня, как настало время отпустить на волю и второго.

Шлока вдруг почувствовал себя старым.

* * *

Когда Шлока вошел в комнату, где спал сын раджи, он обнаружил Траванкора стоящим возле окна. Не отрываясь, следил Траванкор за тем, как его лучший друг едет по улице, направляясь к воротам.

Услышав за спиной шаги, Траванкор повернулся. Шлока увидел, что глаза молодого человека полны слез.

— Почему ты не остановил его, учитель?

Шлока проговорил, очень медленно, стараясь сделать так, чтобы каждое его слово навечно запечатлелось в памяти слышавшего:

— Я не могу изменить его судьбу. Он рожден помочь тебе сделать то, для чего рожден ты.

Траванкор порывисто воскликнул:

— Я не понимаю тебя, учитель! Что я должен сделать?

На лице Шлока не было сочувствия. Сейчас не время для жалости. Учитель и прежде бывал суров со своим учеником, даже в ту пору, когда Траванкор был еще совсем маленьким. Никакой поблажки сыну правителя. Никогда. Никаких поправок на нежный возраст.

Тем более нельзя выказывать слабину сейчас.

Шлока сухо произнес:

— Согласно велению богов, ты — тот, кто объединит разрозненные вендийские княжества

и даст отпор Аурангзебу. Тебе удастся сделать то, что оказалось не под силу больше никому. Ты — избранный. Твоя судьба определена самими богами, и ты не смеешь сходить с предначертанной тебе дороги. Всегда помни об этом, когда будешь делать выбор... Арилье свой выбор сделал. Он свято чтит твое предназначение. Я слышал его разговор с киммерийцем.

Подавленный, Траванкор молча смотрел на учителя. Слезы высохли на глазах молодого воина. Все изменилось в одно мгновение. Он — сын раджи, ему определено судьбой спасти свой народ, и вчера он доказал это, убив самого страшного из своих врагов. А его лучший друг — ушел...

Но Шлока еще не закончил. Беспощадно нанес последний удар:

— Завтра утром и я покину тебя.

— Почему? — голос Траванкора прозвучал сдавленно.

— Приходит время, когда орленка выбрасывают из гнезда со скалы, чтобы посмотреть, как он летает...

Только не показывать, что твое сердце разрывается! Шлоке стоило больших сил сохранять маску бесстрастия на лице. Он — мудрец, он потратил целую жизнь на то, чтобы воспитать этого орленка. Он не испортит дела своей жизни, проявив слабость в последнее мгновение!

Траванкор долго молчал, осваиваясь с услышанным. Наконец спросил, ровным, спокойным тоном:

— Есть что-нибудь еще из того, что мне необходимо знать?

Помолчав, Шлока ответил:

— Да. Теперь я совершенно уверен в том, что среди нас есть предатель.

* * *

Высоко в небе над Патампуром, над джунглями закружил орел. Давно уже Шлока не позволял себе этого превращения. На долгие годы заставил себя забыть о прекрасном чувстве свободы, которое охватывало его, когда он взмывал в воздух, не обремененный никакими человеческими заботами. Наконец-то его работа на земле закончена. Теперь он поистине свободен.

* * *

Несколько раз Арилье оборачивался — ему казалось, что кто-то настигает его. И, хотя он никого не видел, ощущение близкого чужого присутствия не оставляло его. Некто, до поры желавший оставаться невидимым, шел по его следам. Арилье пожал плечами: если преследователь ищет беды на свою голову, то она не за-

медлит. Беда, в отличие от счастья, — такая гостья, что всегда готова взойти на порог.

Арилье выбрал удобное место за небольшой, старой скалой, поросшей густым мхом, и затаился. Преследователь скоро показался на дороге. Теперь стало очевидно, что он наконец-то упустил Арилье. Во всяком случае, чужак вел себя беспокойно: то и дело останавливал коня, прислушивался, озирался по сторонам.

Юноша едва сдержался, чтобы не засмеяться. А потом широкая улыбка появилась на его лице: он узнал киммерийца Конана.

— Арилье! — позвал Конан.

Молодой воин вышел ему навстречу.

— Давно ты меня заметил? — поинтересовался варвар.

— Почти с самого начала, — признался юноша.

— Я не слишком-то таился, — буркнул северянин. — Если бы я действительно хотел идти за тобой незамеченным, ты бы даже не догадался о моем присутствии.

— Как знать, — пожал плечами Арилье. — «Если бы» — дурной советчик. Мы судим по тому, что случилось, а не по тому, что могло бы, случиться, не так ли?

— Рассчитываешь сделать карьеру придворного мудреца? — осведомился Конан. — Лучше не спорь со мной. Я ведь знаю, о чем говорю.

— Я тоже, — тихонько ответил Арилье. Конан махнул рукой.

— Тебя не убедишь. Куда ты направляешься? Если куда глаза глядят — то нам с тобой по пути.

— Рукмини и Ратара — в плену, — просто сказал Арилье.

— Ты больше ни о чем не можешь думать? Только о ней? — осведомился Конан.

— Я думаю не о ней, а о них, — отозвался Арилье. — О Рукмини и ее брате. И о Траванкоре — тоже. Если он действительно любит Рукмини, ему не будет счастья без нее. Как я могу оставить ее в чужих руках? Как могу не помочь Траванкору обрести счастье?

— Шлока воспитал тебя слишком поэтичным, — сказал Конан и помрачнел. — Я еду с тобой.

Арилье только улыбнулся ему — с благодарностью. Скоро оба путника опять остановились. Конан спрыгнул с коня, низко наклонился над травой.

— Смотри!

Лучший из учеников Шлоки уставился туда, куда показывал варвар:

— След.

— Вот именно. Смотри получше. — Конан присел на корточки, развел руками густую траву. — Здесь кого-то повалили на землю...

Арилье закусил губы. Конан поднял на него ярко-синие глаза.

— Полагаю, здесь ей связали руки. Ничего более. Насилие оставляет другие следы...

Арилье покраснел и отвел взгляд. Конан сердито покачал головой. Когда за дело берутся влюбленные дети — жди беды: кровь то и дело ударяет им в голову, застилает им зрение и мешает ясно соображать.

— Здесь было множество всадников, — продолжал Конан. И рявкнул: — Да гляди получше! Что ты птицу рассматриваешь? Что тебе скажет птица?

Большой серый журавль, показавшийся над лесом, сделал круг и улетел. Птица действительно была очень красива — завораживающе красива — но вряд ли имела отношение к расследованию, которое предприняли Конан с Арилье.

А вот орел, паривший высоко в небе, возможно, имел кое-какое отношение к обоим следопытам... но на орла они внимания не обращали.

Арилье показал рукой на то, что поначалу не заметил Конан:

— Здесь кого-то тащили по траве! Конан, они тащили их по траве волоком, как делают с теми пленниками, которых хотят умертвить!

Он едва сдерживался, чтобы не закричать от отчаяния. Конан, сидя на корточках, ощупывал

руками широкий след в траве, словно рассчитывал, что след с ним заговорит человеческим голосом и объяснит все имеющие место несобырзности.

Затем встал, отряхнул штаны.

— Кое-чего я не понимаю, — признался северянин. И прикрикнул на Арилье: — Перестань страдать! Слушай и думай! Ты меня понимаешь?

Он тряхнул юношу за плечи. Тот глубоко вздохнул, и, наконец, глаза его прояснились.

— Да, Конан, я тебя понимаю. Говори.

— Хорошо... Вот, Арилье, какая загадка. Рукмини — красивая и здоровая молодая девушка. Что бы она ни сделала — какое бы преступление, с точки зрения наших врагов, ни совершила, но убивать ее смысла нет. Ее можно продать в гарем какого-нибудь богатея, хотя — это вероятнее — Шраддха или сам Аурангзеб оставят ее у себя. Во всяком случае, лично я бы так и поступил.

Каждое его слово причиняло Арилье страшную боль, юноша даже морщился.

Не обращая внимания на раненые чувства своего собеседника, Конан невозмутимо продолжал:

— И вот самая большая загадка. Почему со столь ценным товаром, как Рукмини, обходятся так небрежно?

— Может быть, они связали Ратараха, — предположил Арилье. — А Рукмини...

— Нет, — перебил Конан. — Ратарах бежал за лошадью. Вот его следы, смотри.

Один отпечаток был достаточно четким, чтобы оба следопыта увидели оттиск маленькой подковки, которую Ратарах носил на своих сапогах на счастье.

— Это ведь его след, не так ли? — настаивал Конан.

— Давай перестанем гадать и просто поедем по следу, — взмолился Арилье. — Пока я не узнаю о том, что случилось с Рукмини, мне не будет покоя.

Конан уселся в седло, и оба тронулись в путь. Они не спешили, хотя сердце Арилье готово было вылететь из груди и мчаться по следу вперед, не разбирая дороги.

Орел у них над головой испустил жалобный, протяжный крик и исчез в ярком солнечном мареве. Арилье даже не поднял головы, чтобы проводить его взглядом. В те часы молодой человек даже не подозревал о том, что учитель покинул его — и всех остальных, включая Траванкора, — навсегда.

— Здесь, в джунглях, есть одно затерянное святилище богини Кали, — вспомнил Арилье. — Как-то раз, очень давно, мы с отцом побывали там.

Конан с интересом смотрел на своего молодого спутника.

— Ты хорошо помнишь своего отца, Арилье?

— Да. Он был очень добрым и любил мою мать, — вздохнул юноша. — И хоть они оба были презираемыми и отверженными, я думаю, они были счастливы друг с другом. Их связывала настоящая любовь. И меня они любили. Особенно — отец. Он любил рассказывать мне разные интересные вещи. «Отверженные» знают немало такого, о чем члены высших каст даже не догадываются. Мы ведь убираем нечистоты...

— Не говори об «отверженных» как о своей касте, — предупредил Конан. — Мне-то это безразлично, потому что я — свободный человек и могу составить собственное мнение о ком угодно. Но в Вендии люди связаны множеством предрассудков.

— Я говорю о своем детстве, — ответил Арилье. — А в детстве я принадлежал к «отверженным». Словом, я хочу сказать, что в нечистотах можно отыскать множество любопытнейших вещей. И вот как-то раз мой отец был направлен в один храм... Он потом показывал мне это место. Это заброшенный в джунглях храм богини Кали. Не благодетельной Дурги, которая создала дождь для урожая, жирную плодородную почву для растений, которая набивает животы домашнего скота, чтобы люди могли насыщаться

мясом и молоком... Нет, это было святилище смертоносной Кали, матери всех болезней, лика смерти, другого имени для погибели... Там грудой лежали поросшие мхом, наполовину сгнившие черепа и кости людей, по большей части младенцев. Имелись и тухлые туши жертвенных животных, которых не сожгли на алтаре, а просто бросили гнить. Повсюду была грязь, какая-то слизь... Мой отец должен был отчистить храм, потому что там предстояло начать служение новому жрецу. Требовалось привести помещение в надлежащий вид. Мой отец даже мыл саму статую богини — с высунутым языком, с вытаращенными глазами, с украшениями в виде черепов... Она была очень страшная! Но самым ужасным показался моему отцу даже не самый внешний вид богини, а то, какой была статуя на ощупь. Она была совершенно как живая... Несколько раз ему даже почудилось, будто она вздохнула. И он видел, — тут Арилье понизил голос, как будто боялся, что некто сумеет их подслушать, — что ее груди колеблются под собственной тяжестью! Он уверял меня, что так оно и было.

— А тот жрец, который потребовал, чтобы для него отмыли храм, — какой он? — спросил Конан. — Твой отец видел его?

— Да, — кивнул Арилье. — В те годы то был совсем молодой человек, с виду очень простой.

Но в его глазах горел дьявольский огонь, так что мой отец испугался этого жреца едва ли не больше, чем самой богини.

— Твой отец был весьма здравомыслящим человеком, — заметил Конан. — Всегда следует бояться существа из плоти и крови больше, нежели существа из камня и дерева. Это правило не раз помогало мне оставаться в числе живущих.

— Об этом храме и потом ходили ужасные слухи, — добавил Арилье. — Будто статуя и впрямь оживает. Будто жрец умеет разговаривать с богиней через эту статую, и будто бы богиня всегда выполняет все его просьбы.

— А к чему он стремится, этот жрец? — осведомился Конан.

— Откуда простой воин может знать о тайных мыслях такого могущественного человека, как жрец Кали? — пожал плечами Арилье.

— Откуда? Да оттуда, что все эти честолюбивые жрецы никогда не делают тайны из своих намерений, — сообщил Конан. — Впрочем, если тебе ничего не известно... значит, жрец пока что не решился действовать. Возможно, он захватил Рукмини и Ратараха для того, чтобы посвятить их своей богине. А если так, то... То им грозит очень большая опасность!

— Что может быть ужасней рабства? — спросил Арилье.

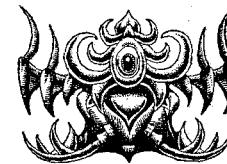

— Рабство у людей — ерунда, — отрезал Конан. — Из плена всегда можно бежать. Поверь человеку, который пару раз бывал прикован к галерному веслу. Занятие неприятное, но не исключает побега.

Арилье глянул на Конана как бы новыми глазами. Киммериец широко, дружелюбно ухмыльнулся.

— Да, да, можешь не изображать удивления. Говорят тебе, нет таких цепей, какие не могут быть порваны. Но если человека зарезали на жертвенном камне у ног какого-нибудь мерзкого истукана — никто и ничто не вернет его из Серых Миров. Так что самое умное, что мы можем сделать сейчас, — это прийти вовремя и вырвать наших друзей из лап этого жреца.

Не сговариваясь, они быстрее погнали коней.

Глава тринадцатая **Святилище Кали**

анкара не спешил. Времени у него было достаточно, а допустить ошибку в ритуале он не хотел, поскольку любая неточность могла быть чревата непредсказуемыми последствиями. Хорошо жрецам, которые имеют дело с богами менее могущественными — и куда более снисходительными к людям, нежели Кали! Например, бог огня Агни, покровитель домашнего очага. Агни способен оценить просто доброе отношение людей, их желание угодить ему. И даже если жрецы Агни бывали небрежны в исполнении ритуалов, божество все равно оказывало им благодеяния, ибо видело: эти люди почитают его от всего сердца.

Другое дело — Кали, способная разорвать на клочки человека, просто-напросто не угадавшего желание своей повелительницы. Каждый шаг в присутствии Черной Матери должен быть тщательно выверен и сделан с наивозможнейшей осторожностью.

И все же Санкара никогда не завидовал тем, кто служит низшим божествам. Он, Санкара, приближен к величайшим силам, управляющим Вселенной, — к силам Разрушения. Обычный человек даже представить себе не может всей мощи, всего размаха этих таинственных и неподолимых сил.

Санкара, в отличие от многих себе подобных, никогда не был особенно честолюбив. Честолюбив — в том смысле, который вкладывал в это понятие Конан, когда рассуждал о жрецах. Санкара не рвался к верховной власти, не стремился управлять судьбами людей, действуя от имени своей богини. Для Санкары главным было приобщение к силе богини, к ее способности разрушать целые миры — не говоря уж о человеческих жизнях. Если можно так выразиться, Санкара «дышал» волей Кали, находил в ней неисчерпаемый живительный источник для себя самого.

Он остановился возле храма. Ратарах, всю дорогу бежавший за лошадью жреца, тяжело переводил дыхание. Лицо у мальчика горело, капли пота, покрывшие тело, жгли кожу и казались раскаленными.

Серые каменные колонны храма были увиты растениями. Ярко-красные и ярко-желтые цветы с мясистыми лепестками выглядели так, словно были ядовитыми; более того — они каза-

лись хищниками, что высматривают добычу. При виде их не хотелось подойти ближе и вдохнуть исходящие от них ароматы. Напротив, чувствительной душе они внушали страх.

И когда Ратарах подошел поближе, он ощутил запах гнили. Эти растения пахли разложением. Мальчик слышал о таких. Они привлекают своим запахом мух, что любят садиться на падаль, и когда одураченное насекомое оказывается возле цветка, лепестки смыкаются над жертвой.

Юноша содрогнулся и поскорее отошел подальше — как будто сам был мухой, боявшейся плотоядного растения. Тем временем Санкара наклонился над зачарованной Рукмини. Девушка по-прежнему оставалась в обличии статуи, однако — и Санкара знал об этом — испытывала в полной мере и страх, и боль. Это и требовалось жрецу для совершения ритуала.

Но сперва следовало решить, как поступить с ее братом.

Санкара не долго колебался. У него было припасено одно заклятье, посвящающее человека силам Кали, и он решил испробовать свое знание на пленнике.

— Идем, — кивнул жрец мальчику, и Ратарах, замирая от ужаса, вошел под своды храма.

Здесь было тихо и прохладно. Скоро, несмотря на то, что в джунглях царила удущливая жа-

ра, Ратарах начала бить холодная дрожь, по коже побежали мурашки.

В полумраке виднелась гигантская статуя уродливой свирепой богини. Груды белых черепов — настоящих человеческих черепов, а также костей животных — белела у ее ног. Ступни и ладони богини, вывернутые в танце, были выкрашены красной краской. Глаза статуи как будто пристально следили за каждым движением людей.

Ратарах остановился посреди храма, под отверстием в высоком коническом куполе. Из этого отверстия лился яркий солнечный свет. Однако даже сиянию вендинского дня не под силу было рассеять тьму, что царила в святилище Черной Матери.

Санкара приблизился к статуе и, встав перед ней на колени, воздел руки.

— О Черная Мать, о великая Кали, я готов выполнить твое желание! — воззвал жрец. — Будь благосклонна ко мне — так, как была добра ко мне раньше! Знай, что у тебя нет и не было более верного раба, чем Санкара!

Еле заметная волна красного жара пробежала по черному телу богини. Заметив это, Ратарах закостенел от ужаса.

— Помоги же мне, о Черная Мать, посвятить служению этого юношу! — продолжал Санкара, не обращая внимания на пленника.

Ратарах смятенно подумал о том, что еще не поздно убежать... Теперь, пока жрец поглощен своими молитвами, он вряд ли обращает внимание на то, что происходит вокруг. Остается лишь сделать несколько шагов к выходу...

На миг Ратарах подумал о сестре, беспомощно лежавшей в траве у порога храма. Что ж, юноша ничем не в силах ей помочь. Ему не поднять статую, не утащить ее в джунгли. И даже если ему удастся это сделать — кто снимет с Рукмини заклятье? Лучше уж спастись самому и потом привести помошь.

Ратарах принял решение и хотел уже исполнить задуманное, но понял, что ноги его приросли к полу. Он не мог по собственной воле двинуться с места.

Санкара молился богине томительно долго. Наконец жрец завершил свои хвалебные гимны в честь Черной Матери и повернулся к пленнику.

— Подойди ко мне, — приказал он негромко.

И Ратарах послушно шагнул к служителю Кали.

У губ пленника оказалась плоская чашка с каким-то питьем. Ратарах вдруг понял, что давно страдает от жажды. Он посмотрел на жидкость, плескавшую в чашке, но прикоснуться к ней не посмел. Ему стало очевидно, что отныне он не сможет сделать ни шагу без позволения

Санкары. Жизнь Ратараха целиком и полностью находилась в руках жреца.

Мальчик перевел взгляд на своего господина. Санкара позволил: «Пей!» — и Ратарах жадно выпил.

Усталость, страх — все сразу отступило, и Ратарах даже засмеялся от облегчения. Как же он был глуп, если испытывал ужас в этом чудесном убежище! Разве богиня не укроет его от всех житейских невзгод? Разве Кали не даст ему силу? Не пошлет ему питье? Ратараху не хотелось покидать жилище богини. Здесь он мечтал отныне жить и умереть.

И тут Санкара взял его лицо в ладони и обратил к себе. Ратарах уставился в бездонные глаза жреца и, казалось, утонул в них. Его воля полностью подчинилась воле Санкары.

— Ты будешь делать все, что я прикажу, — сказал Санкара.

— Да, мой господин, — прошептал Ратарах.

— И тогда ты получишь награду.

— Да, мой господин.

— А что с тобой будет, если ты пойдешь против моей воли?

— Я буду наказан, мой господин.

— Ты пойдешь против моей воли?

— Никогда, мой господин! Выполнять волю моего господина и волю Черной Матери — это мое самое сокровенное желание.

— А если ты не будешь знать, в чем сейчас состоит моя воля? Как ты поступишь?

— Черная Мать не позволит мне не угадать волю моего господина.

— Хорошо, — обронил Санкара и отпустил Ратараха. Мальчик уселся на полу храма и стеклянными глазами принял следить за происходящим.

Санкара поднялся и вышел. Он отсутствовал совсем недолго и скоро вернулся с неподвижной Рукмини. За все это время Ратарах не шевельнулся, как будто он тоже обратился в статую.

— Помоги мне уложить ее на алтарь, — приказал Санкара.

Ратарах тотчас встал и начал прислуживать своему новому господину. Вместе они устроили Рукмини на широком алтарном камне, потемневшем от крови множества жертв. На углах алтаря имелись кольца, к которым привязывали руки и ноги жертв, но сейчас в них не было надобности, коль скоро жертва не в состоянии была пошевелиться.

Вдоль всего камня были проложены желобки для стока крови, внизу имелись крохотные чашечки, в которые собиралась кровь. Ею потом красили ступни ног танцующей богини.

Рукмини неподвижно смотрела на статую. Как ни желала она не видеть страшный образ богини, она не в состоянии была ни отвести

взгляда, ни закрыть глаза. Злые чары удерживали ее в одном и том же положении.

Сердце Рукмини сжималось от невыразимого ужаса.

Она видела, что богиня глядит на нее с жадностью. Длинный язык, высунутый из распахнутого зубастого рта, подергивался от нетерпения. В вытаращенных глазах мелькало сладострастие. Кали ожидала свою трапезу.

Громко распевая гимн во славу Кали, Санкара начал выводить кончиком острого ножа узоры на теле Рукмини. Сейчас, пока девушка еще оставалась заколдованной, и ее тело оцепенело, наподобие статуи, эти узоры никак не проявляются. Но стоит жрецу снять чары, и вся кожа жертвы будет разрисована кровавыми линиями. Кали понравится жертва, украшенная таким образом!

Внезапно ритуал был прерван.

На пороге храма послышались громкие голоса. Какой-то мужчина яростно воскликнул:

— Кром! Логово колдуна!

Второй отозвался:

— Они там, внутри, все трое...

В полутемное помещение ворвались Конан и Арилье. Засверкали мечи.

— Конан, будь осторожен! — закричал Арилье, когда Санкара гневно повернулся в сторону непрошенных гостей. — Это очень сильный маг.

— Нет такого мага, который устоял бы под ударом доброй киммерийской стали, — отозвался северянин, вращая мечом в руке. — Пусть попробует!

Санкара открыл рот, желая произнести заклинание — или, быть может, обратить к Кали молитву, — но ничего сказать не успел. Арилье бросился к нему с занесенным мечом. Оборвав речь на полуслове, Санкара ловко отпрыгнул в сторону. У жреца не было никакого оружия, которым он мог бы защититься, и только это удержало Арилье от смертельного удара. Благородное сердце юноши противилось убийству безоружного человека.

Конан, однако, не был таким идеалистом. За долгие годы странствий по всем миру он имел возможность убедиться в том, что ни один жрец, ни один колдун никогда не бывает по-настоящему безоружен.

И точно! Санкара снова схватился за ритуальный нож и направил острие в сторону своих врагов. Это был каменный нож со сложными узорами на медной рукояти. Санкара даже не приблизился к Арилье. Жрец только взмахнул мечом, и по руке Арилье пробежала длинная болезненная царапина, с которой быстро закапала кровь.

Санкара засмеялся. Арилье вскрикнул, однако меча не выронил. Санкара сделал второе

движение, крест-накрест, и через грудь Арилье пролегла новая рана, глубже прежней. Юноша тяжело задышал.

Медлить больше было нельзя, и Конан, подскочив к жрецу сзади, одним могучим ударом снес голову ему с плеч. Киммерийцу показалось, что его клинок входит не в человеческую плоть, а в деревянный чурбан. Но спустя миг голова жреца покатилась по полу и остановилась под ногой у богини Кали.

И тут Кали широко усмехнулась, высунула свой язык еще дальше и, шевельнув ногой, опустила ступню на голову убитого жреца. Раздался громкий хруст: Кали раздавила голову. Брызнул мозг, осколки костей рассыпались по храму. Затем Кали вновь подняла ногу и застыла в прежней позе страшного танца.

Безголовое тело, извергая фонтаны темной крови, повалилось у стены храма.

Арилье с ужасом глядел на происходящее. Он вдруг зашатался и осел на пол. Конан наклонился, чтобы обтереть меч об одежду убитого жреца. Затем выпрямился и обнаружил своего спутника обессиленным от боли и переживаний.

— Приди в себя! — громко сказал ему варвар.

— Это магия, — пробормотал Арилье. — Отец говорил мне, но я прежде не вполне верил...

— Ну так поверь! — оборвал Конан. — Потому что где-то здесь находится твоя возлюбленная...

— Она не моя возлюбленная, — вздохнул Арилье.

Конан не обратил внимание на эту тонкость.

— В общем, здесь Рукмини и ее брат, и мы с тобой должны освободить их.

Киммериец огляделся по сторонам. Пленники были так неподвижны, что, увлеченные схваткой, оба воина не сразу обнаружили их. Первой очнулась Рукмини.

Девушка пошевелилась на алтарном камне и с громким стоном села. Она была совершенно обнажена и залита кровью. Кровь сочилась из множества крохотных ранок, оставленных ножом Санкарьи. После смерти жреца заклятье, делавшее девушку подобной статуе из камня, исчезло, зато раны, нанесенные Рукмини, никуда не пропали. Теперь каждая из них обагрилась кровью, и Рукмини казалась одетой в красные одежды.

Арилье бросился к ней и подхватил ее в объятия.

— Рукмини! Ты жива!

Она всхлипнула, прижавшись лицом к его груди.

— Я знала, что ты придешь за мной, Арилье.

— Откуда ты могла это знать?

— Я знала, — таинственно повторила она.
— Где твой брат? — спросил Арилье, чуть отстранив ее от себя и оглядываясь по сторонам.

— Он был со мной, — растерянно ответила Рукмини.

— Я здесь. — Ратарах вышел из-за статуи божества, где прятался во время короткой расправы со жрецом. — Я здесь.

Он выглядел немного странно. Глаза его блуждали, губы посерели, лицо казалось очень бледным. И, что уж совсем не вязалось с веселым и открытым нравом Ратараха, — мальчик совершенно не рад был видеть своих избавителей.

Но ни Конану, ни Арилье, ни даже Рукмини поведение мальчика не показалось странным. Еще бы! Ведь он, почти совсем ребенок, пережил такой ужас! Он был в плену, ему грозила смерть, а потом он стал свидетелем жуткой сцены в храме, где оживает статуя Черной Матери...

— Нам нужно торопиться, — предупредил Конан. — Не знаю, что там задумывают наши враги, но одно мне известно точно: все эти жрецы очень хорошо чувствуют, когда с кем-то из их проклятого племени происходит беда. — Киммериец оглянулся на безголовое тело Санкарьи и ухмыльнулся. — И, сдается мне, с одним из этой шайки ДЕЙСТВИТЕЛЬНО случилась беда...

— Думаешь, скоро сюда нагрянут другие жрецы? — спросил Арилье.

— Или воины Аурангзеба, — кивнул Конан.

Арилье ласково провел рукой по волосам Рукмини.

— Я отдам тебе мой плащ. Закутаешься и пойдешь со мной на одном коне, хорошо?

— Хорошо...

Она вздохнула. Арилье понял, какой вопрос рвется у нее с языка — и о чем она не решается спросить. И юноша ответил, не дождаясь вопроса:

— Войска Аурангзеба отошли от стен Патампура. Произошло настоящее чудо! Враги согласились на поединок чести. Со стороны Калимегдана выступал Шраддха, с нашей стороны — Траванкор. И... Шраддха убит!

Рукмини ахнула.

— Повтори! Повтори, что ты сказал!

— Траванкор убил Шраддху в поединке чести, и враги вынуждены были отойти от стен Патампура. Вот что я сказал, Рукмини!

Ее глаза засияли.

— Ты знаешь, что это означает? Траванкор спас не только родной город, он спас и меня — ведь я считалась пленницей Шраддхи, пока этот проклятый жрец не увел меня с собой...

— Все позади, — сказал Арилье. — Все позади, милая. Мы возвращаемся домой.

* * *

Беглецы торопились поскорее покинуть страшное место.

Конан предлагал поджечь храм, но Арилье воспротивился этому.

— Мы не знаем, как поведет себя богиня, если люди поднимут руку на ее истукан.

— Да что она может, ваша богиня! — презрительно хмыкнул киммериец. — Если мы уничтожим статую, то ничего она больше сделать с нами не сможет.

Однако Арилье продолжал качать головой.

— Оставим лучше все как есть. Сказать по правде, я боюсь вмешиваться в дела жрецов.

— Мы уже в них вмешались, не забыл? — Конан кивнул на девушку, освобожденную из рук Санкары.

— Это другое, — нахмурился Арилье. — Одно дело — убить человека, другое дело — разрушить храм. Прошу тебя, Конан, оставь все как есть.

И Конан не стал настаивать. По большей части — потому, что спешил обратно в Патампур, а вовсе не потому, что был согласен с суеверным Арилье.

Первый час они пробирались сквозь джунгли без особых происшествий, но затем стало очевидно, что Ратарах сильно устал и ослаб от

всего пережитого, поэтому он не может двигаться дальше.

— Мне нужно как можно скорее вернуться в город, — озабоченно произнес Конан. — Я против того, чтобы делать остановки. Поедем дальше.

— Нет, — воспротивилась Рукмини. Девушка прямо на глазах оживала и превращалась в прежнюю Рукмини, своевольную и дерзкую. — Это же мой брат! Он еще почти совсем мальчик, и к тому же перенес слишком много...

— Кажется, мы все перенесли достаточно испытаний, но почему-то один только Ратарах позволил себе раскиснуть, — возмутился Конан. — Какой же воин вырастет из мальчишки, если он ведет себя подобно избалованной девчонке? Подумала бы лучше об этом, прежде чем кудахтать над ним.

Рукмини густо покраснела, а Арилье вступил за подругу:

— Нет, Конан, ты неправ. Ты судишь всех по себе. И забываешь о том, что ты — могучий воин, мужчина в расцвете лет. Не всем под силу подобные приключения.

— Что ты предлагаешь? Остановиться здесь? Может быть, построим хижину в джунглях и будем жить здесь, наподобие обезьянок, счастливой семьей? — осклабился варвар. — Наше место — в Патампуре. Траванкор нуждается в нас.

Он пристально посмотрел на Рукмини. Но преданность девушки младшему брату была такова, что даже упоминание имени ее любимого не заставило ее дрогнуть.

— Траванкор подождет меня еще несколько дней, — твердо произнесла Рукмини. — Я останусь с братом и буду выхаживать его, пока ему не станет легче. А ты, Конан, возвращайся в Патампур. В конце концов, у тебя там действительно остались дела. Траванкор более нуждается в хорошем военном советнике и полководце, нежели в женщине...

Арилье грустно вздохнул. Конан встретился с юношой глазами. Северянин без слов понял молодого воина. Для Арилье эта остановка в джунглях — последняя возможность побыть наедине с Рукмини, до того, как она вернется в город, к Траванкору, и станет женой владыки Патампуря.

— Что ж, будьте осторожны, — сказал молодым людям на прощание варвар. — Полагаю, ты, Арилье, сумеешь защитить их.

Арилье улыбнулся и приложил ладонь к сердцу.

* * *

— Спит?

— Кажется, спит...

Заботливый шепот сестры. Сколько раз Ратарах засыпал, слыша, как Рукмини где-то побли-

зости хлопочет по хозяйству! У девушки почти такой же голос, как и у их матери: грудной, ласковый.

Но сейчас Ратарах не спал, только притворялся. Разумеется, как и все младшие братья, он был осведомлен о том, кто влюблен в его сестер, гораздо лучше самих девушек. И сейчас собирался воспользоваться этим.

На миг давнее воспоминание захватило его. Он подумал о своем детстве, которое провел в отцовском доме, рядом с Рукмини, о том, как старшая сестра возилась с ним, мастерила ему игрушки, показывала, как стрелять из лука... Но доброе чувство появилось в искалеченной колдовством душе Ратараха лишь на миг. Как будто издалека окликнули его, и расстояние до неизнаваемости изменило и приглушило голос...

Нет, ничего не связывает Ратараха с этими людьми! Они для него чужие. Только одно желание живет в сердце юноши: выполнить волю своего господина. Он не чувствовал, что жрец Санкара умер. Даже оттуда, из Серых Миров, не отрываясь, смотрел он на своего раба и приказывал ему...

Ратарах напрягся, пытаясь понять, в чем именно сейчас состоит воля Санкары. А выполнить приказание — необходимо, потому что в противном случае страшной будет кара богини Кали!

Ратарах не сразу понял, что улыбается в темноте. Он догадался об этом лишь по тому, что у него вдруг заболели скулы: оказывается, он изо всех сил растягивал губы в усмешке. Конан был прав, этот неотесанный чурбан-киммериец: врагам Санкарь следовало уничтожить не только смертное тело жреца, но и идола богини. Пока статуя стоит в храме, Кали может влиять на посвященных ей людей.

И коль скоро идол цел и невредим, Ратарах полностью принадлежит свирепой богине. Он знает, что ему делать.

Под покровом ночи, дождавшись, чтобы Рукмини и Арилье, убежденные в том, что раненый спит, погрузились в тихую, дружескую беседу, Ратарах выбрался из-под плаща, в который его закутали. Прокользнул к лошади Арилье, забрался в седло. И очень осторожно, заклиная коня двигаться бесшумно, отправился прочь.

Его путь лежал к Калимегдану.

* * *

Утро не предвещало беды. Рукмини открыла глаза, и первое, что она увидела, был Арилье. Молодой воин так и не ложился спать: он дожил каждым мгновением, проведенным рядом с Рукмини. Встретившись с ней взглядом, он улыбнулся так нежно и весело, что у нее вдруг защемило сердце от печальных предчувствий.

— Что с тобой? — спросил он. — Разве ты не счастлива?

— Да... — Она глубоко вздохнула. — Я счастлива, и мне хочется, чтобы счастливы были все вокруг.

— Так и есть, — заверил ее Арилье.

Она качнула головой.

— Почему-то мне кажется, что у тебя на сердце глубокая грусть, Арилье.

Радость озарила его лицо. Рукмини, сама того не зная, преподнесла ему огромный подарок!

— Ты так глубоко можешь проникать в мое сердце, Рукмини! Это значит...

— Это значит, что мы с тобой — очень близкие друзья, Арилье. Порой ты мне ближе, чем брат.

— Какой мужчина может быть ближе для девушки, чем родной брат?

— Сестра! — сказала Рукмини, и оба они засмеялись.

Как ни печалила Арилье скорая разлука с той, которая предназначена в жены другу, добрый нрав не позволял парню подолгу расстраиваться. Казалось, он просто не мог упустить ни малейшей возможности улыбнуться, засмеяться.

И вдруг Рукмини насторожилась.

— Мне кажется, Ратарах не дышит.

— Боги! Ты всю ночь слушала, как он дышит?

— Я к этому приучена, — серьезно отозвалась девушка. — Не забывай, у меня младшая сестра и младший брат. Когда матушке нездоровилось, я нянчилась с ними. И уж конечно, прислушивалась сквозь сон к тому, как они дышат. Не простудились ли, не плачут ли... А иногда ребенок просто перестает дышать, и это случается с ним во сне. К нему приходят злые духи и зажимают ему носик, и тогда ребенок умирает... Для того с детьми и сидят няньки, чтобы отгонять таких духов.

Она встала и приблизилась к скомканному на земле плащу.

— Его нет!

Арилье подошел поближе и тоже с удивлением уставился на брошенный плащ.

— Как же такое могло случиться? — Арилье перевел взор на девушку. — Он ведь был еле живой! Мы и задержались ради него... Что же произошло, Рукмини?

— Наверное, его похитили, — не слишком уверенно ответила Рукмини. — Впрочем, я тоже ничего не понимаю...

— Мой конь исчез! — воскликнул Арилье. — Твой брат сбежал, Рукмини.

— Невозможно. Просто невозможно! — Рукмини выглядела не просто огорченной — она была ошеломлена, сбита с толку. Произошло то, чего она вообще никак не ожидала. Землетрясе-

ние — и то не произвело бы на нее большее впечатление.

— Мы ведь не можем не верить собственным глазам, — указал Арилье рассудительно. — Нет твоего брата и моего коня. А вот и следы... Он уехал ночью, не сказав нам ни слова.

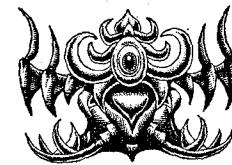
— Наверное, у него была причина поступить так, — вздохнула девушка.

— Мне это очень не нравится, Рукмини, — вздохнул Арилье. И с трудом решился высказать самое мрачное из своих подозрений: — А если твой брат перешел на сторону врага?

Хлесткая пощечина обожгла его лицо.

— Никогда не произноси подобных слов! — со слезами закричала Рукмини и бросилась бежать в джунгли. Куда угодно, лишь бы подальше от человека, который посмел оскорбить ее подобным предположением.

Арилье потер щеку, сокрушенно вздохнул. Он и сам понимал, что такого не может быть. Какой злой дух дернул его за язык? Теперь они с Рукмини в ссоре. Арилье с нескрываемой досадой думал о Ратарахе. Что там удунал непоседливый юнец? Для чего он сбежал? Решил стать героем? Странный способ... Если уж Ратараху так не терпится взять в руки оружие и встретиться с врагом лицом к лицу, Арилье может ему помочь. Сражения с Калимегданом еще не закончены, впереди — новые битвы. Раджа Ауран-

гзеб — не из тех, кто отступается от намеченной цели, и одно-единственное поражение не заставит его переменить решение.

Что же случилось, в конце концов? Предательство — наиболее возможный ответ на этот жгучий вопрос...

— Рукмини! Вернись! — закричал Арилье. — Вернись, будем искать своего брата!

Но Рукмини не отвечала.

И вдруг джунгли ожили. Между деревьями выступили лучники. Их было не менее пятнадцати человек. Каждая стрела была нацелена в сердце Арилье.

Молодой человек схватился за меч, решив дорого продать свою жизнь. У него не было времени задуматься над тем, откуда здесь взялись лучники Аурангзеба, кто привел их сюда. Он знал одно: сейчас он умрет. Они навсегда расстанутся с Рукмини — и при том расстанутся в ссоре.

Первая стрела ударила его в кисть правой руки, и Арилье выронил меч. Вторая стрела пронзила его плечо. Юноша упал на колени. В глазах у него потемнело. Последнее, что он видел, было растерянное бледное лицо Ратараха, сидевшего на коне рядом с воинами Аурангзеба.

Глава четырнадцатая Умная женщина — богатство мужчины

олько перед Конаном Траванкор не боялся предстать растерянным. Перед всеми остальными, включая собственного отца, он держался как настоящий военачальник, как будущий раджа. Но киммериец знал сердце Траванкора, и юноша, не скрываясь, говорил ему:

— Я не нахожу себе места с тех самых пор, как ты вернулся один. Как ты решился оставить их!

— Я доверяю Арилье, — отвечал Конан. — В определенном смысле он — более зрелый человек, нежели ты.

Траванкор нахмурился. Конан покачал головой:

— Ты не должен ревновать к его достоинствам, Траванкор. Если есть у тебя преданный

друг, то это — Арилье. Другого подобного ему ты не найдешь. Он готов отдать тебе все — воинскую славу, власть, даже возлюбленную. Он будет служить тебе даже в том случае, если ты окажешься несправедлив к нему. Ни один человек не достоин твой дружбы в такой степени, как Арилье.

— Но даже Арилье не в силах совладать с множеством врагов!

— С чего ты взял, будто на них напало множество врагов? — удивился Конан. — Откуда бы недругам знать, где находятся Арилье и Рукмини? Жреца мы убили, а кто-то другой просто не мог им сообщить...

— Там был еще Ратарах, насколько я помню. — Траванкор омрачался все больше и больше.

— Ты намекаешь на то, что брат Рукмини мог оказаться предателем? — удивился Конан.

— Ты недооцениваешь силу здешней магии, киммериец, — вздохнул Траванкор. — По-твоему, достаточно было убить жреца, чтобы уничтожить все наложенные им заклинания?

— По-моему, нет, — огрызнулся Конан. — Я предлагал спалить и святилище, и проклятого идола, но Арилье отказался. Заявил, что это, мол, слишком опасно.

— Ты был прав, — сказал Траванкор. — А Арилье ошибался. Но я не могу винить его в

этом... Конан, я более чем уверен в том, что с Рукмини и Арилье случилась очень большая беда. Они в плену, и повинен в этом Санкара. Он даже после смерти продолжает причинять нам вред!

Конан встал.

— Я попробую отыскать их, Траванкор. Если они живы, я верну их тебе, а потом отправлюсь в джунгли и сожгу этот дьявольский храм!

Траванкор кивнул. За варваром давно уже закрылась дверь, а юноша все смотрел туда, где несколько минут назад стоял его собеседник, и отчаянно старался не заплакать. Все покинули его! У него остался только отец — раджа Авенир. Любящий, мудрый отец. Слабый, как дитя, неуверенный в себе отец, нуждающийся в опоре. Как хотелось бы Траванкору, бросив все дела, бежать из города на поиски друзей! А он заперт во дворце, и его ждут неотложные дела.

Скоро опять предстоят переговоры с соседями-князьями. Скоро съедутся высокие гости, и вновь начнется игра словами, демонстрация силы, насмешки, скрытые угрозы... Как будто они до сих пор не поняли, какая опасность ожидает всех, если силы не будут объединены и общий враг не будет остановлен!

Совсем недавно Траванкор с Арилье участвовали в подобных переговорах на правах рядовых воинов. Пока государственные мужи утом-

ляли языки, молодые люди упражнялись на поле, состязались в верховой езде, стрельбе из лука, фехтовании, а вечером гуляли с девушками, слушали песни, мечтали о любви.

И вот теперь Траванкору предстоит сидеть рядом с отцом и выслушивать долгие, скучные речи, полные намеков и угроз...

* * *

Конан медленно ехал по плоскогорью. Он внимательно осматривался по сторонам, высматривая следы пропавших молодых людей, но пока что ничего не мог обнаружить.

Он побывал на той стоянке, где расстался с ними. Нашел пятна крови, несколько сломанных стрел, отпечатки лошадиных копыт. А потом — ничего. Куда поехали всадники? Должно быть, молодых людей захватили в плен. Стало быть, они сейчас в Калимегдане.

Осталось только понять, как проникнуть туда и как освободить пленников. Конан ухмыльнулся. Самый лучший способ — выиграть войну и войти в Калимегдан вместе с армией победителей. Надо будет подарить эту замечательную идею Траванкору, авось война закончится быстрее, чем все думают.

Высоко, высоко в небе парил орел, равнодушным желтым оком взирая на все происходя-

щее внизу, и фигурка загорелого рослого варвара верхом на коне казалась орлу совсем крошечной...

* * *

И снова собираются местные князья на совет в Патампуре. Просто не верится, что переговоры и на сей раз закончатся впустую. Не может такого быть, чтобы столько мудрых людей израсходовало столько мудрых слов — и все понапрасну! Рано или поздно удастся прийти к согласию. Рано или поздно найдется способ дать достойный отпор обнаглевшим захватчикам.

В гостеприимно распахнувши ворота Патампур съезжаются раджи и князья. Каждого владыку сопровождает небольшой отряд воинов. Сверкают в лучах утреннего солнца железные латы и шлемы, слышны негромкие голоса, и то и дело — взрывы смеха, веселые выкрики. Узнавая старых знакомцев, воины обмениваются шутками, одна другой «краше», так что иной раз и владыкам приходится делать над собой усилие, чтобы не рассмеяться.

Говорят, когда боги пролетают над Вендией, спеша по каким-то своим таинственным делам, они всегда останавливаются над Патампуром, чтобы воскликнуть: «Как обворожительна земля людей!» Невысокие холмы напоминают волны

застывшего моря. Река, сверкающая под щедрым солнцем, петляет от горизонта до горизонта; то тут, то там вдали вспыхивает ослепительное водное зеркало.

Вся равнина усыпана палатками — вдалеке они кажутся цветами, покрывающими зеленый ковер травы. Даже небо здесь обитаемо: возле камышовых зарослей стаями носятся утки, слышны недовольные выкрики диких гусей. Коршуны и быстрокрылые соколы парят над ними, а еще выше вершат свои исполинские круги орлы.

Насколько видит глаз, на равнине выставлены стражи. Застывшие в неподвижности конные воины с пиками стоят через равные промежутки — так, чтобы один хорошо мог видеть другого. И вся лесная дорога к Патампуре также занята стражниками.

В последнее время враги ведут себя все более дерзко, так что можно ожидать нападения в любой момент. Разумеется, вряд ли следует бояться того, что вдруг появится большое войско. Но вот малый летучий отряд запросто куснет за бок и отскочит, лишь бы опозорить и насмеяться. Такого сейчас случиться не должно. Некоторые из князей считут подобное за проявление слабости со стороны Патампуре и вообще откажутся иметь дело с раджой Авениром. Призадумываются: а не пойти ли добровольно под власть

Калимегдана — упаси благодетельная Дурга от подобных мыслей!

Вся площадь перед дворцом раджи покрыта коврами. Красивые девушки предлагают всем подряд свежие цветы, угощение — фрукты, лепешки, хмельной мед. Везде курятся благовония перед крошечными статуями бога Агни и богини Дурги. Кое-где уже начинаются танцы, но это не те танцы, когда молодые воины стараются в яростной пляске продемонстрировать все свои достоинства, а влюбленные парочки ищут способа прикоснуться друг к другу на глазах у публики. Нет, это ритуальные танцы девушек, посвященные богине. Одновременно и целомудренные и сладострастные. Дурга воплощает детородные силы природы, и оттого служение ей так радостно, так исполнено жизни.

Это называется — «изобилие». Яснее, чем когда-либо должны понимать видящие все это владыки: необходимо забыть прежние распри перед лицом беспощадного врага. Иначе зеленая равнина покроется пеплом пожарищ, погибнут прекрасные девушки, падут во прах роскошные храмы и дворцы... Иначе и здесь ничего не останется, кроме обглоданных зверьем трупов и кровавых пятен на траве...

И снова в пиршественном зале дворца раджи Патампуре восседают его почетные гости, владыки соседних городов. Приглашены и некото-

рые воины — кого раджи решили взять с собой, и, разумеется, советники князей. Рядом с Авениром громоздится гигант-варвар, северянин с черными волосами и ярко-синими глазами. Говорят, Шлока покинул раджу Патампурा, и теперь этот чужак занимает его место.

Странный выбор сделал Авенир! Кто такой этот Конан? Бродяга... Слыхали и о том, что много лет назад он ограбил раджу Аурангзеба, и потому так сильно ненавидит его Аурангзеб.

«Вор? Не может быть!»

«Не вор, а грабитель!»

«Помилуйте, он ведь причинил вред нашему врагу — так разве можем мы осуждать его за это? Чем сильнее ненавидит его Аурангзеб, тем более преданным должен быть северянин нашему делу!»

«Все равно, он — чужак, а от чужаков можно ожидать чего угодно...»

Разумеется, до ушей Конана доходил этот шепоток, но варвар лишь презрительно усмехался. Меньше всего его беспокоили пересуды местных князей. Лишь бы Авенир сумел хорошо провести переговоры и не допустил никаких ошибок.

Впрочем, раджа-книгочей — человек мудрый. Он ошибок не допускает. А после недавно одержанной победы его речи прозвучат куда убедительнее.

Жаль, конечно, что нет Шлоки. Конан — немая угроза несогласным — все же вряд ли способен заменить мудреца.

Недавно Авенир возвысил до положения любимой наложницы одну юную красавицу по имени Катъяни. Шепнул своему владыке ее отец словцо утешения, ибо видел, как опечален Авенир после измены и смерти Вальмики. И словцо это было коротеньким и простым, да только от него лицо Авенира просветлело.

Именно она сейчас прислуживала за столом. Как и в прошлый раз, Авенир решил, что не служанки будут подавать гостям напитки и угощение, а любимая наложница раджи. Этим самым Авенир намеревался выказать своим будущим союзникам полное доверие и уважение.

Конан считал замысел Авенира не слишком разумным. По мнению варвара, любимую женщину не нужно заставлять прислуживать чужим мужчинам. Одно дело — трактирная служанка. Среди таковых у киммерийца имелось немало добрых подруг. Ее участь такова, что должна она обслуживать посетителей. Но если бы Конан когда-нибудь взял подобную девушку себе в жены, он не стал бы требовать от нее выполнения подобных обязанностей.

Однако у раджи Авенира имелись и дополнительные соображения — помимо древнего вендийского обычая... Он очень рассчитывал на

рассудительность Катьяни. Недаром говорят, что от мудрого отца рождается мудрая дочь...

Дождавшись, чтобы гости его насытились и были готовы к серьезному разговору, Авенир поднялся. Несспешно обвел взглядом по очереди все собрание, и роскошно украшенные стены своего пиршественного зала. Задержал взор на мече своего сына и на посохе Шлоки — уходя, мудрец оставил палку, что заменяла ему оружие, как бы в знак того, что когда-нибудь он вернется.

— Хорошо ли угостили вас я, о почтенные гости? Нет ли у вас в чем-либо недостатка? — начал он. — Потому что если я оказался недостаточно рачительным хозяином, я прошу вас, мои друзья, указать мне на мои ошибки!

— Ошибок ты не сделал, — прозвучал голос одного из мелких князей, скуластого мужчины лет пятидесяти, с узкими глазами, напоминающими Конану глаза кхитайца. — То, как ты принимаешь нас у себя в городе, — выше всяких похвал. Мы вдоволь насладились твоим гостеприимством, и теперь хотим услышать то, что ты подготовил для нас.

— Друзья мои! — обратился к властителям, воинам, мудрецам раджа Авенир, и увидел, как радостно блеснули в ответ на это обращение их глаза. — Вглядывались ли вы в небо, что простило над нами? Сколько птиц здесь летает!

Орлы и коршуны, быстrokрылые соколы, тучные утки и сварливые гуси... Что привело их в эти благодатные края? Обилие воды, обилие пищи... Щедрость нашей земли! Здесь их родина, здесь у них гнезда! Но пройдет лето, наступит зима, птицы улетят в теплые края... Они продолжают долгий, трудный путь и доберутся до цели — если будут держаться вместе!

Он сделал паузу и внимательно оглядел всех присутствующих.

— Они долетят, — повторил он, — если останутся в стае!

Несколько человек невольно кивнули, мысленно отвечая на эти слова. Простая образная речь мудреца легко находила путь к сердцам. По крайней мере, пока он говорил. Возражения начнутся потом.

Авенир продолжал:

— Без стаи нет птицы. Она погибнет в пути, станет добычей любого зверя...

А вот и первое возражение: буйный, неугомонный Мохандас, оскорбивший Авенира в прошлый раз, демонстративно подавил зевок. С усмешкой смотрит он на говорящего. Как будто смешны ему эти детские поучения. Он, Мохандас, могучий воин — что ему какие-то птицы!

И раджа Авенир быстро меняет сравнение:

— Не только птица, даже и волк сильнее в своей стае. Волк-одиночка обречен на гибель.

Ручеек бессилен и слаб, он быстро пересыхает, но из ручьев сливаются реки и мощный Поток разрушает скалы.

Вот и глаза Мохандаса вспыхнули. Представлять себя волком, мощным потоком ему, конечно, милей и приятнее. Пусть воображает о себе что хочет. Сейчас прежде всего Патампуре нужно единство с соседними князьями. Необходимо бороться за любого союзника, даже за Мохандаса.

— Друзья мои, дорогие мои соседи, — заключил Авенир, вдруг ощущив усталость, столько внутренних сил вложил он в свою короткую речь, — вы пришли сюда, дабы обрести единство. Не забывайте об этом. Недавно Патампур одержал победу над войсками Шраддхи. Мой долгожданный сын вернулся ко мне, чтобы убить в честном поединке полководца из Калимегдана. — Авенир указал на Траванкора.

Юноша густо покраснел. Как раз в эту минуту он что-то жевал. Челюсть у него застыла, комок пищи некрасиво оттопырил щеку. Гости отца с доброй насмешкой уставились на юного воина. Конан захочотал и подтолкнул Траванкора под локть.

— Проглоти кусок и скажи что-нибудь, Траванкор.

Юноша послушался, поднялся и проговорил:

— Для меня честь сидеть рядом с вами, господа... Я хочу сказать, что огромное счастье

иметь такого отца, как раджа Авенир. — Он поклонился радже и снова обернулся к гостям. — Богиня Дурга направляла мою руку в том поединке. Я уверен, что добрые боги на нашей стороне! Не потому, что я одолел Шраддху, хотя это казалось невероятным...

— Да брось ты, — развязно проговорил Конан, глядя почему-то не на юношу, а на Мохандаса, — это ты его разделал, как барана для обеда. Ты и никто другой. Богиня, быть может, тебе и помогала, но ты и сам по себе великий воин. Стала бы богиня помогать первому попавшемуся!

И киммериец невозмутимо осушил свой кубок.

Траванкор, багровый, как заря перед бурей, усился на свое место.

— Я прошу всех вас заключить со мной мирный союз, — сказал Авенир, сердито сверля Конана взглядом. — Я прошу вас объединиться и разгромить надменный Калимегдан, иначе мы закончим свои дни рабами Аурангзеба.

Дождавшись, чтобы раджа умолк, Мохандас заговорил, и в его приглушенном тоне звучала обреченнность. Как странно контрастировало угрюмое настроение с победоносным видом этого рослого воина!

— Уже много лет слышим мы одни и те же слова, — молвил Мохандас. Низко, мощно гудел

голос, странно противореча бессильным словам, для которых служил он одеждой. — Давно убеждаем друг друга в том, что должны объединиться. Мол, Аурангзеб разобьет нас всех по одиночке... Все мы уже давно поняли, что не в наших силах одолеть Аурангзеба. Даже если мы изредка и выигрываем отдельные битвы, воины Калимегдана приходят снова и снова и в конце концов одерживают верх...

Не выдержав, Авенир перебил мрачного оратора:

— Что же ты предлагаешь, почтенный Мохандас?

Мохандас метнул на него взгляд, полный такой живой ненависти, что Авенир закаменел лицом, боясь выдать собственные чувства.

— Предлагаю не перебивать, — холодно произнес Мохандас и отвернулся.

Несколько князей заговорили разом:

— Я согласен с уважаемым Мохандасом...

— Это правда. Мы много раз собирались — и разъезжались, так и не договорившись ни о чем.

— Победить Ауранзеба невозможно. Даже сын раджи Авенира признает это.

Конан возмущенно рявкнул:

— Ничего подобного он не признавал! Мальчик всего-навсего хорошо воспитан и держится скромно. А вы, кажется, готовы перепутать труслисть с хорошими манерами!

Снова встал раджа Авенир.

— Наши лазутчики утверждают, что скоро Аурангзеб двинет на Патампур все свои силы. Одновременно с тем он намерен разослать отряды по всем соседним княжествам, чтобы отрезать Патампур от всех возможных союзников. Следует решить: давать ли бой на подступах к Патампуре?

У Мохандаса ответ был уже готов:

— Мы потеряем лучших воинов и ничего не добьемся.

Еще несколько князей молча, энергично кивнули.

Чувствуя, что остается в одиночестве, Авенир быстро произнес:

— И все же если мы объединим силы и победим в этом сражении, наши подданные поверят наконец в себя и перестанут бежать перед воинами Калимегдана так, словно это не смертные люди, а какие-то демоны.

Мохандас презрительно поднял бровь:

— Уж не ты ли, книгочей, собираешься повести нас в бой?

Но вместо Авенира ответил дерзецу Конан:

— Думаю, вам хорошо известно имя воина, который поведет нас в бой.

— Уж не себя ли ты предлагаешь нам в качестве верховного полководца, чужак? — насмешливо осведомился Мохандас.

Конан громко расхохотался.

— Я? Ваш полководец? Еще предложи мне командовать войском овец...

Мохандас потемнел лицом.

— Повтори свои слова, варвар!

— Да пожалуйста! Я назвал тебя овцой, Мохандас! Тебя и тебе подобных! — Голос северянина звучал оглушительно, в нем слышались громовые раскаты, как будто киммерийский бог Кром отзывался на зов и готовился принять павших в бою воинов в своих пиршественных чертогах. — Я видел, как сражаются настоящие воины. И что-то сомневаюсь в том, что ты в состоянии подражать им.

— Как ты смеешь! — рявкнул Мохандас.

Конан радостно осклабился:

— Хочешь помериться силой?

— Не здесь, — остановил их Авенир быстрым движением руки.

Конан пожал плечами. Мохандас кивнул, не сводя с киммерийца горящих глаз.

— Лучше бы ты расходовал свою злобу на наших общих врагов, а не на союзников, — не-громко упрекнул его Авенир.

Мохандас избегал встречаться с ним глазами. Оба они слишком хорошо помнили о том, чем закончилась их предыдущая встреча. Мохандас оценил выдержку Авенира, который нашел в себе силы не мстить обидчику и лишь покарать

неверную наложницу. Союзник дороже возлюбленной. Мудрое решение — для книгоочея! Воин поступил бы иначе...

— Я говорю не о себе, — сказал Конан спокойно. — Я не гожусь в военачальники. Во всяком случае, не в этом случае. У вас есть победитель. — Он указал на Траванкора.

Казалось, нельзя было покраснеть сильнее, но тут Траванкор сделался темно-красным и поперхнулся. А Конан продолжал как ни в чем не бывало:

— Появление этого воина было предсказано. Его рождение сопровождалось роковыми обстоятельствами. Жаль, здесь нет Шлоки, чтобы поведать вам всю правду...

— А может быть, вы и не стоите всей правды, — прошептал Траванкор еле слышно, так, что его слова разобрали только Конан и Мохандас. — Не стоите того, чтобы знать все о моей матери, о мудреце Шлоке... о тех людях, что пытались защитить меня...

Неожиданно Конана поддержал тот раджа, чей цвет кожи заставлял вспомнить об эбеновом дереве:

— Чужак прав. Мы все слышали пророчество о воине, который придет, чтобы уничтожить Аурангзеба. И если предсказанный воин воплотился в этом юноше, в сыне раджи Авенира, — мы с радостью пойдем за ним.

Мохандас уже раскрыл рот, чтобы возразить, но тут к гостям снова вышла Катьяни, наложница Авенира. Низко поклонилась юная красавица, звонко, словно колоколец, прозвучал ее голос.

— В дворцовом саду вас ждут танцовщицы, высокие гости! Отдохните после обеда, наберитесь сил для последующих мудрых решений!

Чуть дольше, чем требовалось бы, ее глаза задержались на рослом Мохандасе, и, когда он усмехнулся, молодая женщина открыто улыбнулась ему в ответ.

Авенир тотчас прервал речь и заметил примириительным тоном:

— Быть может, после приятного отдыха мы сумеем договориться...

Насмешливо, едва ли не с жалостью покосился Мохандас на Авенира. Кто-то, а сам Мохандас превосходно умеет договариваться, причем без единого слова. Женщины понимают его с первого взгляда. Пора бы и Авениру научиться такому полезному искусству. Особенно если учесть, что эти женщины — собственные его наложницы...

* * *

Танцовщицы из дворца раджи старались, как умели. Авенир нечасто требовал, чтобы его

зрение услаждалось танцем, а слух — музыкой; однако он хорошо понимал: такие вещи необходимы при дворе любого владыки. Поэтому на женской половине его дворца обитали красивые молодые девушки. Их баловали, за ними ухаживали слуги, им дарили драгоценности. Они пользовались большой свободой и даже получали от своего господина разрешение выйти замуж, если какой-нибудь из них случалось влюбиться.

Впрочем, никогда не бывало такого, чтобы танцовщица раджи находила себе первого попавшегося мужчину, лишь бы избавиться от рабства. Всем им так хорошо жилось во дворце, что лишь настоящая любовь могла заставить такую девушку покинуть двор Авенира. И раджа, видя истинное чувство, никогда не ломал жизнь своим прислужницам.

«Это служительницы Лакшми, любви и красоты, — говорил обычно раджа. — Их душа должна быть свободна».

Потягивая вино, гости Авенира любовались танцем прекрасных девушек. Несспешно тянулся день, но ведь когда-нибудь и он закончится, а столько всего предстояло решить и сделать! Даже за отдыхом продолжались негромкие разговоры. Каждый высказывал свой довод, а если гости вдруг начинали горячиться, танцовщицы бросали в них цветы, требуя внимания к себе.

Мохандас слушал весьма рассеянно: все доводы, которые приводил Авенир, давно были ему известны, да и занимало мысли Мохандаса нечто совершенно иное. Он предвкушал вечер нынешнего дня. На сей раз все произойдет не так, как с Вальмики. Он не позволит Авениру выследить их.

— ...Еще предки наши говорили: если пятеро едины, то завладеют тем, что недоступно десятерым живущим врозв. Если нет единства среди шестерых, то и одиночка, если достаточно силен, отнимет у них и скот, и землю, и дом, и женщин, и сердца воинов...

Все это давным-давно пережеванная пища. Стоит ли прислушиваться? Все ясно и без слов.

Но некоторые все же прислушивались. Хотели, чтобы книгочей Авенир сумел их уговорить. Вот для них-то он и старается. Разумно... но недостаточно.

Потому что остаются еще на свете упрямцы, чей разум останется закрытым для подобных увещеваний. Упрямцы, которые знают цену словам, жестам, взглядам. Которым слишком хорошо известно, как непригляден бываетлик правды.

Траванкор смотрел на девушек с равнодушiem почти оскорбительным для них. Все мысли молодого воина были заняты Рукмини. Где она? Что с ней происходит? О чём она думает — пря-

мо сейчас, в эти самые минуты? Сыта ли она, тепло ли ей? И кто рядом с ней — друг или враг? А может быть, она совсем одинока... Глядит сейчас на звездное небо и думает о своем возлюбленном. Горюет — отчего Траванкор не придет спасать ее.

Наконец пляски закончились, и гости один за другим вышли из сада на площадь перед дворцом, где кипел праздник.

Народ уже заметил правителей и военачальников, окруженных роскошной свитой, и начал сбегаться, чтобы поглядеть на них поближе. Дети скакали вокруг, мужчины рассматривали гостей, пытаясь по лицам угадать: удалось ли достичь понимания или опять владыки разъедутся без толку, и все останется по-прежнему? Слухи о готовящемся вторжении уже достигли жителей Патампуря. Нужно было что-то решать, и решать как можно скорее: это понимал любой простолюдин.

— Всадник!

Со стен города донесся громкий крик, и, казалось, его подхватили все разом. Весь город залновался:

— Всадник!

Всадник вылетел из джунглей, как по волшебству, и помчался по тренировочному полю прямо к стенам Патампуря, нахлестывая коня плеткой. Наперерез ему выскочили воины, схва-

тили лошадь под уздцы. Он не сопротивлялся, ни словом, кажется, не возразил. Просто поехал рядом с ними.

Если это вестник, то какую же новость привез он? Если беглец, примчавшийся сообщить о надвигающейся беде, что наступает ему на пятки... Это предположение лучше пока отринуть. Кто же он, для чего прибыл?

Но вот он уже близко. Стражники подвели чужака к Траванкору, стоявшему возле раджи Авенира, и оказался чужак — своим, знакомым.

— Арилье! — вскрикнул Траванкор, бросаясь к другу.

Арилье был бледен и едва держался на ногах. Только теперь все заметили, что он ранен: его правая рука была в двух местах обмотана тряпками.

— Где Рукмини? — требовательно спросил Траванкор.

Арилье медленно покачал головой, показывая, что не в силах пока говорить.

— Мир тебе, Арилье, — приветствовал неожиданного гостя раджа Авенир.

Он помнил этого парня. Лучший друг его сына, его любимый соперник. Они часто сражались друг с другом во время тренировочных поединков. А на празднике Арилье всю ночь смешил девушек на качелях. При воспоминании об этом у раджи Авенира потеплело на сердце. Как

будто он вспомнил собственную молодость... Ему никогда не удавалось стать таким открытым и веселым, таким жизнерадостным. Парень, который умеет так смеяться, — он и друг верный, и воин хороший...

— Что с Рукмини? — снова спросил Траванкор и встряхнул Арилье, так, что у того закатились глаза.

— Она в плену... Ратарах предал нас. Он теперь служит нашим врагам.

— Ты лжешь! Этого не может быть! — вскрикнул Траванкор.

Арилье тяжело вздохнул.

— Нет, я не лгу, Траванкор. Я говорю о том, что видел собственными глазами.

К сыну раджи протолкался Конан.

— Оставь его, Траванкор. Я позабочусь о нем, — сказал киммериец. — Завтра можешь его пытать, допрашивая касательно подробностей дела. А сегодня пусть он отдыхает. Видишь — он ранен. Как бы не умер от этих ран.

— Я ранен... в сердце, — прошептал Арилье. Он позволил Конану увести себя в покой, отведенные варвару во дворце.

Праздник прервался лишь ненадолго и скоро возобновился с новой силой.

Играли музыканты, танцевали люди, даже некоторые владыки приняли участие во всеобщем веселье.

Конан негромко беседовал с Арилье, скрывшись от любопытных глаз.

— Что там произошло?

— То, что я сказал. Ратарах оказался предателем. Я думаю... может быть, он до сих пор находится под властью чар? — неуверенно добавил Арилье. — Я ничего в этом не понимаю.

— Я тоже, — успокоил молодого воина киммериец. — Когда я вижу колдуна или дьявольского жреца, вроде этого Санкарьи, у меня появляется только одно желание: снести ему башку с плеч. Это — как у зверей, понимаешь? Лев не может не наброситься на косулю, а я — на колдуна...

Арилье чуть улыбнулся.

— Ты пытаешься меня развеселить, да?

— Да, — признался киммериец. — А что, не получается?

— Не слишком... Дигам захватил Рукмини, и я ничего не смог сделать. Они выстрелили в меня, а потом я... заснул.

— Ты не заснул, а потерял сознание, — возразил киммериец. — Вообще чудо, что ты добрался до Патампуря. У тебя могут воспалиться раны.

— Завтра я уеду, — угрюмо сказал Арилье.

— Куда это ты поедешь?

— Прости меня, Конан, но я спешу.

— Куда?

— В Калимегдан.

— Ты сошел с ума! Тебя узнают и убьют.

— А может быть, и не узнают. Я должен отыскать Рукмини. Если я задержусь — пойми, Конан, — Траванкор непременно будет меня спрашивать. И узнает много из того, что ему знать не следует.

— Например?

— Например, он точно будет знать, где и в чьих руках находится сейчас Рукмини. Он не станет ждать. Бросится на Калимегдан. Он теперь — военачальник, сын раджи. Он может поддаться чувствам. Что будет, если Траванкор двинется на Калимегдан, не заключив военного союза с соседями? Ему никогда не разгромить Аурангзеба собственными силами...

— Ты мыслишь не как обычный воин, но как настоящий государственный деятель, Арилье, — сказал Конан. — Я одобряю ход твоих мыслей. И разделяю твои чувства. Попробую достать для тебя какую-нибудь целебную мазь, соберу припасы и отправлю в дорогу. Ты совершенно прав: Траванкор нужен в Патампуре. Он должен управлять своим народом, потому что его отец скоро выпустит бразды из рук: мы на пороге решающей битвы.

Арилье сжал руку киммерийца и закрыл глаза.

Он ненадолго погрузился в крепкий сон.

...За праздничной суетой никто на площади не заметил, что один из раджей отсутствует. Куда же подевался Мохандас?

А Мохандас вернулся в большой пиршественный зал дворца, туда, где слуги разбирали блюда с костями и остатками трапезы, выносили кувшины с недопитым вином. Работой распоряжалась та самая юная наложница Авенира, что приглашала гостей к угощению. Катьяни. Мохандас был уверен в этом. Как уверен был он и в том, что женщина уже обнаружила плетку на том самом месте, где сидел великолепный гость ее мужа — Мохандас.

Мохандас оказался прав.

Юная красавица держала плетку в руке. Одним быстрым прыжком Катьяни подскочила к Мохандасу.

Улыбнулась широко, радостно и как-то зло: похоже скалится воин перед тем, как нанести удар. Быстрый, повелительный взмах рукой, и слуги заняли все входы и выходы, преграждая возможный путь к бегству.

Мохандас не успел еще ничего понять, как резкая боль обожгла его лицо. Он отшатнулся, но боль вновь настигла его. Взмахнув плетью, женщина резко ударила его в третий раз. Он поднял руку, защищая глаза, плетка ожгла и кисть руки, и снова прошлась по скуле, по щеке, по лбу.

Катьяни хлестала ослепленного болью и неожиданностью мужчину без остановки, без всякой пощады — откуда только сила взялась! Молодая женщина кружила вокруг ошеломленного воина.

Она молчала и теперь больше не улыбалась. Она жестоко мстила за то, что Мохандас воспользовался глупостью и слабостью ее предшественницы.

Катьяни во всем случившемся винила только Мохандаса. Вальмики была глуповата, но добра и иногда скучала — вот и бросилась на шею могучему воину. Авенир вынужден был расправиться с изменившей наложницей — иначе в городе заговорили бы о слабости раджи.

Нет, вся ответственность за эту смерть лежит на плечах Мохандаса.

А тот растерялся...

Не драться же с юной красавицей сейчас, прямо во дворце ее мужа, на глазах у слуг! Разумеется, могучий Мохандас легко одолеет ее, если они схватятся...

Но что скажет он прочим собравшимся? Какими глазами будут смотреть на него слуги? Как он объяснит остальным свое поведение? За что он избил наложницу гостеприимного хозяина?

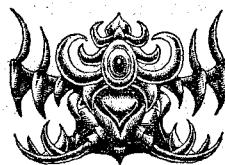
За то, что она на него напала? Ну не смешно ли — юная Катьяни ни с того ни с сего наброси-

лась на крепкого воина и исхлестала его плетью!.. Позор!

Как старый пес, искусанный злющим щенком, Мохандас наконец выскочил из пиршественного зала. Вслед ему вылетела плетка, а за плеткой — и тихий, сквозь зубы, смех женщины.

Мохандас подобрал плетку, сунул за пояс. Будь оно все проклято!

Глава пятнадцатая

Коварная ловушка

коро знакомые края закончились; Арилье очутился в долине, где прежде не бывал. Невысокий кустарник наполовину утонул в белесом мареве. Болотце, поблескивающее в камышах, испускало искры света.

Далеко впереди виднелись стены роскошного города. Издалека он казался гораздо богаче и гораздо могущественнее Патампура. Кажется, не найдется силы, способной одолеть эти бастионы. Вот и конец пути; что-то ждет здесь Арилье? Лучше не думать. Решение принято, он сделает то, что должен: правота придаст ему сил.

Арилье придержал коня, поехал шагом. На подступах к городу тянулось предместье, где селился бедный люд, не имевший денег для того, чтобы купить дом внутри кольца надежных стен.

Возле самой бедной из этих глинянитных хижин и спешился Арилье. Заглянул внутрь. В последний раз он бывал в человеческом жилье когда прощался с Конаном во дворце раджи Авенира. Как радовала глаз роскошь! Как хорошо там было...

А здесь — тесно, темно, и только один человек сидит в полумраке: бедная старуха, помешивающая в закопченном котле. Арилье и сам не знал, отчего дурным предчувствием сжалось его сердце. Должно быть, как всякий бедняк, вырвавшийся из железных тисков нужды, он страшно не любил никаких проявлений бедности, а они — не только в отсутствии дорогих вещей, но и в том, как ощущает себя человек. Эта старуха перед его глазами — она была нищей и по образу жизни, и по чувствам своим.

И тотчас устыдился Арилье того, что подумал о ней недостойное. Вежливо поздоровался:

— Мир твоему дому.

Старуха подняла на незнакомца пустые глаза.

— Мир и тебе странник. Откуда ты?

— Издалека, мать, — ласково отозвался Арилье. И улыбнулся своей неотразимой улыбкой — как будто преподнес драгоценный подарок. — Не дашь ли воды моему коню?

Старуха поднялась.

— Пойдем, сынок.

Заковыляла к выходу. Арилье легкой крадущейся походкой двинулся следом. Колодец находился поблизости, и молодой человек легко вытащил полное ведро. Пока конь пил, любовался на верного друга. А старуха разглядывала своего неожиданного гостя, разве что руками его не ощупывала.

Наконец спросила:

— Откуда ты едешь? Не из Патампурা ли?

— Да, — сразу ответил Арилье. И окинул старую женщину взглядом. Она топтаясь возле него, задрав лицо, морщины двигались вокруг ее глаз, разбегались по щекам; не было на этом лице ни одного клочочка кожи, не исполосованного старостью и печалью. Только взгляд поблескивал любопытством, но даже и это любопытство было старческим. Старость ведь не о том допытывается, о чем юность. Был бы Арилье менее встревожен судьбой Рукмини, которая где-то поблизости томится в пленау, — заметил бы, как пристально глядит на него старуха. Как будто прицеливается к товару.

— Почему ты одна живешь, мать? — спросил Арилье. — Где твои дети?

Она охотно ответила плаксивым тоном:

— Старшего убили, средний воюет где-то, к матери давно уж не возвращается... А младшенькую дочь забрали в гарем Шраддхи. Слышал о таком войне?

— Слышал, — кратко отозвался Арилье. — Я поеду. Спасибо, мать.

Старуха захлопотала, забежала вперед перед ним, стала в глаза ему засматривать — едва по земле стелиться не начала.

— Куда же ты поедешь, вот так сразу? Отдохни с дороги, а после уж и ступай... о мой повелитель!

Арилье расхохотался:

— Что за обращение! Почему это я — «твой повелитель»? С чего ты взяла?

Она прищурилась с какой-то неприятной, воровской хитрецой во взгляде:

— Ты такой величавый, такой сильный! Одежда у тебя справная, да и конь твой хороши...

Довольная своей проницательностью, широко улыбнулась. И насторожиться бы Арилье при виде этой улыбки, а он только хмыкнул:

— Никакой я не повелитель, не был и никогда не буду... Скажи, не привозили ли в Калимегдан пленницу?

— Откуда мне знать, чем заняты повелители...

— Не морочь мне голову, добрая женщина. Я тебя не выдам и не стану рассказывать, от кого узнал весть, — улыбнулся Арилье. — Будто я не знаю, что простому люду все известно... Мимо тебя должны были проехать воины Аурангзеба с добычей. Разве ты не видела их?

— Видела, — прошептала старуха. — Еще как видела! Везли они с собой голову Шраддхи, будь он проклят, а за конем Дигама шли двое пленников, парнишка да девушка.

Арилье вздрогнул всем телом. Впологолоса произнес:

— Благодарю тебя за все, добрая женщина. Отдохнул бы у тебя, да спешу.

И опять старуха заступила ему дорогу:

— Будь осторожен... Дигам хоть и молод, но очень хитер.

— Я всегда осторожен, — бросил Арилье.

Беспечный юнец! Тревога тенью промелькнула над лицом старухи. Аж присела. Как бы задержать его?

— Хоть винца выпей... У меня хорошая наливичка. Я на продажу готовлю, а тебя за просто так угошу.

И глянула снизу вверх, так, словно взором хотела приковать к месту.

«Всегда осторожный» Арилье не выдержал — согласился. Сдался на уговоры. То и дело начинало шевелиться в нем нехорошее предчувствие, но стыд оказывался сильнее. Кого он опасается? Старую женщину? От кого подвоха ждет? От бедной старухи, у которой даже детей не осталось, за которой и внуки не ходят? Сострадание и стыд жгучей волной поднимались в нем и смывали все недостойные предположения.

С какой сердечностью предлагает она угощение! Нельзя отказываться.

Арилье пошел за ней обратно к хижине...

Жадно выпил он вина, но еще с большей жадностью наблюдала за ним старуха.

— Правду ты сказал, мать, — хорошие наливки готовишь. Спасибо, — сердечно поблагодарил Арилье.

Старуха покивала, прижала руки к обвисшей груди. Что-то еще говорила старуха, о чем-то еще толковала и спрашивала... Арилье уже не слышал. Перед мутнеющим взором плысала какая-то уродливая тень, имеющая лишь отдаленное сходство со старой женщиной. «Должно быть, вот так выглядит предательство, когда оно обворачивается человеком», — подумал Арилье, слабо морщась. Все плыло у него перед глазами. Чаша выпала из его рук, покатилась по циновке. Он уже не увидел этого. Заснул мертвым сном там, где настигло его предательство, и ничего больше не видел и не чувствовал.

* * *

Аурангзеб знал, что делал, объявляя о награде за воина, который спросит о девушке, так и не ставшей наложницей ни великого Шраддхи, ни пылкого Дигама. Напрасно мать Шраддхи и Дигама, которую побаивались даже воины, гото-

вила юную пленицу к первым брачным объятиям. Напрасно купали ее, причесывали, одевали в красивые одежды...

Новая жизнь для Рукмини началась с того мгновения, как чьи-то чужие руки сдернули мешок с ее головы. Девушка удивленно огляделась по сторонам и вдруг застыла от ужаса: прямо на нее, ухмыляясь, глядел... Шраддха. Нет, тотчас поняла она, это не Шраддха, это его младший брат — Дигам. Они очень похожи, эти братья. И сомнений нет: сходна не только их внешность, намерения у них тоже одинаковы. Дигам возьмет Рукмини в наложницы, дабы она родила ему воина.

Дигам, конечно, слишком молод для того, чтобы иметь много наложниц и уж тем более хлипковат для того, чтобы наводить на них страх. И все же от этого парня можно ожидать любой подлости.

Как и Шраддха, Дигам вызывал у Рукмини дрожь отвращения. Девушка мысленно поклялась, что скорее умрет, чем ляжет в его постель. Она не станет ласкать Дигама, не позволит ему овладеть собой. Она найдет способ оборвать свою постылую жизнь, если не будет иной возможности сберечь свою чистоту до первой брачной ночи с Траванкором.

Но ее ждало еще одно потрясение. Она уви-
дели своего брата. На Ратарахе была какая-то

незнакомая одежда, и мальчик время от времени поглаживал себя по рукавам, по бокам: ему явно нравилось прикосновение мягкой атласной ткани. Еще бы! У него никогда не было такой роскошной одежды. Ратарах жмурился от удовольствия и улыбался собственным мыслям.

Рукмини едва узнавала его. Неужели это — тот самый младший братишко, с его веселой улыбкой, задорными искорками в глазах? Какое отвратительное, подобострастное выражение приняло лицо мальчика, едва он заметил Дигама! Боги, он целует этому мерзавцу руки! Да что же с ним такое произошло?

— Ты получишь свою награду, Ратарах, — важно произнес Дигам. — За то, что передал в наши руки этих врагов, ты будешь вознагражден по заслугам. Отныне тебе дозволяется подавать мне воду для умывания и снимать с меня сапоги.

— Мой господин, я счастлив! — воскликнул Ратарах.

— Хорошо. — Дигам покровительственно потрепал его по волосам. Ратарах замер от восторга, как собачонка.

Дигам перевел взгляд на ошеломленную Рукмини и засмеялся.

— Ты видела, женщина? Видела, как любят меня мои рабы? И ты должна будешь полюбить меня. Бери пример со своего брата!

— Никогда! — воскликнула Рукмини. — Я знаю, что произошло: ты заколдовал его.

— Я? — Дигам демонстративно рассмеялся, блестя зубами. — Я? Разве я похож на мага или жреца?

— Жрец... — прошептала Рукмини. Словно молния сверкнула перед ней, освещая все случившееся беспощадно-ясным светом. — Жрец! Ну конечно! Это сделал Санкара... И его чары не исчезли вместе с его жизнью, потому что он посвятил моего брата богине Кали. Кали управляет каждым его шагом, каждым словом... Это — не Ратарах! Осталась лишь телесная оболочка, но душа, заключенная в ней, совершенно иная... Боги, боги! Благодетельная Дурга! Верни мне брата!

Она заломила руки. Дигам с насмешкой смотрел на нее, словно любуясь ее отчаянием.

— Теперь ты поняла, что сопротивляться мне бесполезно?

— Я сумею убить себя, если ты ко мне приснешься, — пригрозила девушка.

— Что ж, попробуй, — нарочито равнодушным тоном молвил Дигам. — Потому что я намерен сделать это нынче же ночью. Служанки моей матери приготовят тебя для наслаждений. И, возможно, ты не будешь разочарована!

Рукмини увела и заперла в специальных похожих на женской половине. Это была очень ма-

ленькая комната, в которой почти нечем было дышать от густого аромата благовоний. Несколько служанок и сама мать Дигама вскоре явились туда вслед за пленницей.

Мать Дигама, Чачака, властная старуха, до сих пор сохраняла следы былой красоты. В юности она скакала на коне и сражалась мечом, как воин, и ее воинственная красота привлекала многих мужчин. Она принадлежала к касте воинов и пользовалась гораздо большей свободой, нежели женщины из других каст. И потому у нее было несколько мужчин. Ни один из сыновей Чачаки не мог бы в точности сказать, кто из мужей Чачаки был их отцом. Сама Чачака никогда об этом не говорила. Смеялась: «Не посягайте на мою воинскую свободу! Я могу рожать воинов от тех, кто этого достоин!»

И правда, выбор Чачаки всегда был хорош. Все рожденные ею сыновья выросли в хороших воинов.

И все погибли в бою. Все, кроме последнего — Дигама. Шраддха, заменивший ему отца, избаловал парня, сделал его женственным, приучил к тому, что любой его каприз тотчас выполняется. Что ж, если жизнь мужчин так коротка — пусть хотя бы Дигам вкусят всех ее благ.

Девушка, которая стала последней избранницей Шраддхи, вызывала у Чачаки странные чув-

ства. Для начала Чачака осмотрела Рукмини и осталась довольна выбором сына. Погибший под стенами Патампурा великий воин, услада ее материнского сердца, Шраддха... Почему он должен был пасть? Это несправедливо.

Чачака знала о том, что женщина может играть в жизни мужчины очень большую роль. Знала это по собственному опыту. И в глубине души считала, что это Рукмини принесла несчастье Шраддхе.

Что ж, решение принято. Для Рукмини не будет пощады. Она станет согревать постель для Дигама, а когда надоест ему — умрет. Так решила Чачака.

Служанки умыли Рукмини, удивляясь многочисленным кровавым царапинам на ее коже.

— Может быть, стоило бы господину Дигаму подождать с любовными утехами? — предложила одна из служанок и показала на изуродованную кожу Рукмини. — Взгляни на эти царапины, госпожа! Каждая из них кровоточит. Она испачкает шелковые покрывала. Не говоря уж о том, что... — Служанка прикусила губу, и слова сострадания не сорвались с ее языка.

Но Чачака прекрасно поняла, что хочет сказать служанка.

— Ты имеешь в виду — мой сын причинит этой наложнице боль своими ласками? — прे-зрительно усмехнулась старуха. — Вот и хоро-

шо! Если Дигам хочет, чтобы женщина кричала, женщина будет кричать. Если Дигаму не терпится овладеть ею, пусть он сделает это. Когда мне принесли весть о гибели моего лучшего сына, самого любимого, самого славного... — Старуха вздохнула, но плакать по Шраддхе в присутствии служанок не стала. — Я лишний раз убедилась в том, что жизнь мужчин хрупка. Она подвешена на волоске, а меч, который готов перерубить этот волосок, всегда в руке гневной Кали! Пусть Дигам насладится своей избранницей. Переоденьте ее в прозрачные одежды и отведите на ложе. Да не забудьте благовония.

Рукмини двигалась как во сне. Она позволяла чужим женщинам прикасаться к себе. Они делали с ней все, что хотели: раздевали, обтирали губками со жгучим благовонным веществом, причесывали, украшали цветами и драгоценностями.

Наконец глаза Рукмини вспыхнули: она заметила в руке одной из служанок острый нож. Ничего не зная об угрозе пленницы покончить с собой, Чачака распорядилась выстричь девушке челку — в знак ее рабского положения.

По такой прическе в Калимегдане всегда можно было отличить наложницу или прислужницу от достойной супруги или свободной вдовы, потому что мужчины Калимегдана — хвала

богине! — всегда были щедры к своим женщинам и одевали их с одинаковой роскошью. Простая рабыня могла носить шелка и тонкий атлас, и это не считалось в Калимегдане чем-то особенным.

А вот выстриженная челка говорила о ее положении лучше всяких других отметин.

«Браслет или ошейник можно снять, даже клеймо можно спрятать, — говорили мудрецы Калимегдана. — Только одно не дано человеку изменить быстро: длину волос.»

Рукмини даже не задумалась о том, для чего у служанки нож. Девушка видела лишь одно: способ осуществить свое намерение. Быстрее молнии метнулась она к прислужнице и выхватила нож у нее из пальцев.

Робкие женщины, выросшие в затхлом воздухе гарема, отпрянули к стене, когда Рукмини, со сверкающими глазами и яростно оскаленными зубами, повернулась к ним, грозя ножом.

Одна только старая Чачака не испугалась.

— Что ты делаешь? — крикнула она строптивой пленнице. — Хочешь убить нас всех? Эй, послушай, глупая женщина: я на своем веку убила троих, и мне это далось нелегко, потому что женщина создана для того, чтобы давать жизнь, а не отнимать ее. А ты? Скольких убила ты? Я родила шестерых сыновей. А ты? Сколь-

ких сыновей родила ты? Скольких хочешь родить? Думай об этом!

— Я не хочу рожать сыновей от твоего сына, — сказала Рукмини. — Ты испугалась меня потому, что я схватила кинжал? Не бойся! Я не собираюсь отнимать жизни этих жалких рабынь.

— Отдай мне нож, — приказала Чачака. — И радуйся тому, что на тебя обратил внимание настоящий воин. Сейчас ты отправишься к нему в спальню и будешь ублажать его.

— Никогда! — крикнула Рукмини. Она закрыла глаза и, взмолившись к Дурге, изо всех сил полоснула себя по горлу.

* * *

Раджа Авенир не знал, плакать ему или смеяться, когда Катьяни приблизилась и доложила:

— Мой господин, господин Мохандас просит передать свои глубочайшие извинения. Он не сможет сегодня участвовать в переговорах, поскольку внезапно его охватила болезнь.

— Болезнь? — удивился раджа Авенир.

Молодая женщина выглядела ужасно озабоченной, и только в глубине ее глаз плясали смешливые огоньки. Неожиданно Авенир ощутил, как ему передается эта веселость. «Правы были мои советники, — подумал раджа, — с

юной возлюбленной я и сам становлюсь моло-дым... Но почему она так радуется?»

— Да, мой господин, у господина Мохандаса внезапный приступ... э-э... — Неожиданно Катьяни прыснула. — В общем, эта болезнь не опасна.

— Я навещу Мохандаса и справлюсь о его здоровье, — решил Авенир.

— О, мой господин, это весьма милосердное намерение, — поклонилась Катьяни. Когда она выпрямилась, Авенир уже ушел.

Мохандас действительно отправился в покой, отведенные ему во дворце, и закрылся там. Однако не открыть радже он не мог. Входя, Авенир проговорил:

— Моя наложница доложила мне о твоей болезни. Я огорчен и обеспокоен, ибо продолжаю надеяться на то, что между нами наконец установится дружба.

Мохандас угрюмо смотрел на раджу. Он понимал, что скрыть происшествие ему не удастся. Проклятая девка разбила ему лицо! У него до сих пор шла из носа кровь, как у мальчишки, который неудачно выбрал себе соперника для глупой драки. И под глазом зрел огромный синяк. И скула рассечена. Боги! Не столько больно, сколько обидно.

Как ни опускал Мохандас голову, как ни отворачивался в тень, Авенир сразу все разглядел.

— Милостивая богиня! Кто же так поступил с моим гостем?

Мохандас почувствовал, что не может больше вести игру. И сказал прямо:

— Твоя наложница, госпожа Катьяни, избила меня плетью. Смейся, Авенир! Почему ты не смеешься?

— Я прикажу высечь дерзкую женщину, — медленно произнес Авенир.

— Высечь? — Мохандас покачал головой. — Авенир, ты решил довести меня до самоубийства своей чудовищной мудростью! Довольно и того, что я опозорен... Из-за меня ты убил одну женщину, теперь хочешь наказать другую?

— Та женщина, которую я убил, была виновна, — помолчав, отозвался Авенир. — Она изменила бы мне, не с тобой, так с другим мужчиной. Ты только помог мне понять это, поэтому я не сержусь на тебя.

— Что касается госпожи Катьяни, то она верна тебе... Даже слишком, — Мохандас потрогал разбитую губу. — Хитрая, ловкая — и преданная тебе бестия!

И, хотя ему было больно, он вдруг рассмеялся.

— Ей удалось то, что не удавалось никому: она заманила меня в ловушку! Береги эту женщину, Авенир, береги как драгоценный алмаз... И, прошу тебя, никому не рассказывай о том, что случилось...

Авенир крепко сжал руку Мохандаса выше локтя и быстро вышел из комнаты. Мохандас задумчиво посмотрел ему вслед.

* * *

Аурангзеб не позволил избавиться от Рукмини. Она была нужна ему для того, чтобы схватить Траванкора. Рано или поздно сын Авенира явится за ней. Слухи о любви наследника Патампуря уже дошли до Калимегдана: такие истории всегда расходятся быстро. Люди прислушиваются ко всему, что говорится; а ветер разносит то, о чем умолчали люди...

Когда девушка упала, обливаясь кровью, первая к ней подбежала Чачака. Как ни сильна была ненависть старой женщины, она понимала: жизнь этой пленицы необходимо сохранить.

— Скорей! — крикнула мать Шрадхи, обращаясь к рабыням. — Зовите знахарку!

Одна из прислужниц вскочила на коня и помчалась за город, в предместье, где обитала самая известная из здешних целительниц. Конечно, в самых важных случаях к больным приглашали лекаря раджи. Лекарь, облаченный в белоснежные одежды, устрашающе учёный, с такой холеной бородой, что один только ее вид вызывал благоговение, осматривал

хворых, изрекал разные непонятные слова, предлагал пустить кровь или сделать припарки. В иных случаях больным делалось хуже, и они умирали, и тогда лекарь сообщал, что боги ему открыли тайну: сей умерший разгневал богов и за то был ими наказан. Если же больные выздоравливали, лекарь принимал подарки и надлежащие почести, скромно выслушивая хвалу своему искусству.

Разумеется, Чачака даже в мыслях не держала, что следует обратиться именно к этому лекарю. Если ей по-настоящему нужна жизнь пленницы, незачем звать ученого мудреца. Здесь потребен совет настоящей знахарки, которая разбирается в простых и тяжких болезнях, вроде такой вот раны.

Лишь бы девка не истекла кровью... Чачака умела останавливать кровь. Она зажала рану пальцами и ждала прибытия знахарки. Та явилась — жуткая с виду, нищая старуха. Поговаривали, будто где-то она хранит сокровища, ибо выздоровевшие больные одаряли ее, кто чем мог. Но по внешнему виду, определить, богата она или действительно бедна, было невозможно.

— Эта женщина нужна мне живой, — коротко объявила Чачака.

Старуха повалилась перед важной дамой на колени, долго ползала, касаясь лбом пола, и наконец выпросила себе щедрую мзду. После это-

го она подбежала к пленнице и принялась рассматривать ее. Губы у девушки посинели, глаза закатились. Все было в крови.

Бормоча странные заклинания, старуха принялась плевать на рану, вздымать к небу жилистые руки и трясти головой. К удивлению Чачаки, кровь действительно скоро остановилась. Тогда старуха перевела дух и попросила питья и еды.

Ей принесли лепешку. Чачака, превозмогая отвращение, смотрела, как старуха мусолит голыми деснами угощение. Затем целительница прошамкала:

— У нее останется на шее шрам. Пусть пользуется притираниями. Но она будет жить.

— Хорошо, — величественно произнесла Чачака. И повернулась к рабыням: — Приберите здесь все. Скажите Дигаму, что женщина изуродовала себя и не подходит для его брачного ложа. Вознаградите целительницу и проводите ее до дома.

Так Рукмини, против своей воли, осталась жить.

Ее определили в прислужницы и поручили ей ухаживать за лошадьми. Девушка была рада этому. Ей совсем не хотелось иметь дело с людьми. Кони — другое дело. Эти животные благодарно встречали ее, пытались с ней играть, иные шалили, другие принимали ее заботы с

удивительной вежливостью, которая иногда бывает присуща бессловесным тварям.

Была еще одна причина, по которой Рукмини всем сердцем стремилась в конюшню — и даже пыталась переселиться туда. Среди лошадей, принадлежавших дворцу Аурангзеба, находился и любимый конь самой Рукмини — Светамбар. Он тоже был захвачен в плен, как и его хозяйка. «Мы с тобой теперь никогда не расстанемся», — обещала ему Рукмини, и конь, как будто понимал, о чем она говорит, весело кивал ей головой.

Рукмини потеряла счет дням. Она не только не пользовалась притираниями, которые прислали для нее целительница, но и старалась всячески демонстрировать шрам у себя на шее — чтобы не вызывать интереса у мужчин. Лучше она останется служанкой с грубыми руками, чем ляжет на ложе к чужаку и будет ублажать его постылыми ласками!

Часто задумывалась она о своих друзьях. Где они сейчас? Придут ли к ней на помощь? Почему медлят? И что случилось с Ратарахом? Мысли о младшем брате причиняли Рукмини настоящую боль. Она никогда не предполагала, что Ратарах способен на предательство. Он всегда был веселым, озорным, немного завистливым к ловкости старшей сестры, но в общем и целом очень хорошим мальчиком.

Наверное, это чары, решила Рукмини. Никакое другое объяснение не приходило ей в голову. Мальчишку заколдовали. Даже если бы Ратарах по собственной воле переметнулся к врагу, он никогда не стал бы таять от счастья при виде Дигама и целовать ему руки. Колдовство Санкарьи заложило в неокрепшую душу мальчика что-то невыразимо подлое. И Рукмини не представляла себе, как избавить Ратараха от злого наваждения.

* * *

...Нищая старуха прибежала ко дворцу Аурангзеба, запыхавшись, вся потная и в пыли. Еле переводя дух, бросилась к великому владыке.

— Весть, весть!

Ее пропускали, не спрашивая. Целительница! Многие склонялись перед ней, безмолвно воздавая ей почести. Кое-кому из стражников доводилось пользоваться ее снадобьями: подчас она лечила воинам плохо заживающие раны, иногда — способствовала мужской силе, а случалось — и подмешивала какие-то травки в пищу женщины, чтобы та крепче любила.

Представ пред лицом повелителя Калимегдана, старуха склонилась в низком поклоне.

— Говори, — мрачно бросил Аурангзеб.

— О повелитель, — забормотала старуха спешно, — сейчас у меня в доме спит молодой

воин. Одет богато, конь у него хороший, но главное — спрашивал про ту девушку, которую привезли для Дигама... Говорят, ты назначил за него награду, за этого воина...

Едва заслышав эти слова, Дигам пружинисто вскочил на ноги. Прижал руки к груди, пылко обратился к Аурангзебу:

— Позволь послать туда воинов, повелитель!

Аурангзеб чуть-чуть двинул головой в его сторону. Ничего говорить не стал. И без того ясно. Сорвавшись с места, как сокол, выпущенный на добычу, Дигам бросился бежать из дворца. Со двора донесся его крик:

— Седлайте коней! Живо!

А затем, с горящими глазами и закусенными губами, Дигам вернулся назад и устроился на прежнем месте. Сейчас стражники привезут ему убийцу Шраддхи, и он, Дигам, младший брат, преподнесет голову негодяя своей матери...

Аурангзеб приготовился ждать. Скоро самый главный его недруг, воин из предсказания, предстанет перед ним. И тогда — не выйти ему живым из рук Аурангзеба! Владыка Калимегдана, сохраняя неподвижное выражение лица, в мыслях наслаждался, перебирая одну казнь за другой, и все они были жестокими и страшными.

Ожидание длилось. Путь к лачуге старухи, вроде бы, короткий: если дать себе труд и при-

глядеться, предместье видно с крыши дворца. Кони понеслись по дороге стрелой. И все равно Аурангзебу показалось, что воины Дигама отсутствовали слишком долго. Сколько нужно времени, чтобы схватить спящего воина? Мало. Но не о том надлежит спрашивать, когда речь идет о воине из предсказания. Сколько нужно времени, чтобы насытить сердце, изголодавшееся по мести? Неисчислимо такое время.

Но вот наконец топот копыт: всадники возвращаются. Аурангзеб никак не показал своего нетерпения.

Вот стражники заволокли связанного молодого воина. Тот еще спал на ходу, мотал головой, как оглушенный конь, ноги его заплетались.

Дигам весь напрягся, подался вперед. Он, в отличие от Аурангзеба, не в силах был ожидать, сохраняя внешнее спокойствие.

При виде пленника вскочил, подлетел к нему, схватил за плечи, разворачивая к себе лицом... и выпустил разочарованно.

— Это не он, повелитель, — убито молвил Дигам, обращаясь к Аурангзебу.

По-прежнему неподвижный, бесстрастный, Аурангзеб проговорил:

— Плохо. Мне нужен только он.

И чуть шевельнул рукой: увести.

Так для Арилье началось темное время плены.

Глава шестнадцатая

Одиночество Траванкора

Чень многому научил Шло́ка своих питомцев, и только одна наука давалась им плохо: никто из них так и не научился распознавать предателей среди окружающих людей. Не ложилась на сердце такая мысль. Да и как можно жить с постоянной оглядкой? Как можно есть и пить рядом с человеком, а про себя, мысленно, с недоверием следить за каждым его движением?

Невозможно.

Траванкор собирал новое войско. Победа под стенами Патампурा, когда пал самонадеянный Шраддха, чудесное появление наследника раджи Авенира — все это произвело огромное впечатление. Люди потянулись к новому военачальнику. Их привлекала его молодость, его сила, его мудрость не по годам.

И еще — то, что он не следил за каждым с подозрительностью, как это делали владыки,

сызмальства росшие среди знати. Траванкор ничего не боялся. Даже предательства.

Хотя предательства бояться следовало бы.

Более того! Перед расставанием Шло́ка предупредил его о том, что некто во дворце следит за каждым шагом — самого раджи и его сына, передает вести врагам. Иначе никак не объяснить того, насколько осведомлены враги о каждом действии, даже о каждом намерении своих соперников.

Предупредил — да. Как разхватило Траванкору для того, чтобы не слишком удивиться, когда предательство свершилось...

Он остался сейчас один. Где искать Рукмини? Никто не рассказывал ему о судьбе возлюбленной. Никто не знал... а кто знал, помалкивал.

Почему оставил его Арилье? Куда он направлялся? И отчего не подает вестей о себе? Несколько месяцев минуло со дня того горького расставания на рассвете, а от Арилье — ни одного известия. Неужели он погиб? Траванкор не хотел в это верить.

И не к кому было обратиться за советом. Шло́ка скрылся без следа. Как не было учителя. Всю жизнь он находился рядом и вдруг растворился в бескрайних просторах. И снова — ни единой вести.

Три человека были особенно дороги сердцу Траванкора, и все трое пропали. Наверное, это и

называется одиночеством. А будь поблизости Шлока, он бы еще и растолковал: тот, кто выше всех людей, — тот всегда одинок. Вечно окруженный преданными соратниками, помощниками, приближенными, он не имеет ни друга, ни возлюбленной.

Как правило.

Траванкор желал бы стать исключением!

Снова и снова обводил он глазами своих приближенных. Не предателя пытался угадать, хоть и знал, что тот где-то поблизости. Нет, сын раджи высматривал человека, который знал бы что-то о Рукмини или Арилье, знал да помалкивал.

Но никто не отводил глаз, никто не признавался. А Конан на все наводящие вопросы лишь ругался и требовал, чтобы военачальник больше внимания уделял обороне города: враг должен был вот-вот напасть...

— Откуда ты знаешь, Конан? Разве у нас есть свои лазутчики в Калимегдане? Или ты отправил их, не сказав об этом мне?

— Лазутчики? — Конан смеялся, блестя синими глазами. — Нет, никаких лазутчиков я не засыпал, хотя неплохо бы... Беда в том, что любого шпиона в Калимегдане сразу распознают. Там не брезгуют магией... Я не стал бы рисковать своими людьми. И ты не стал.

— Верно, — тяжело уронил Траванкор. — Так откуда тебе известны их намерения?

— Я сам бы так поступил, — ответил Конан. — А главное правило для полководца и правителя: постоянно представляй себя на месте своих противников. Меньше риска ошибиться.

— Мы слишком разные, — задумчиво отозвался Траванкор. — Аурангзеб и я...

— Эта разница касается свойств вашей души, — возразил Конан. — Что касается вашего полководческого таланта, то здесь различие гораздо меньше, чем ты можешь себе вообразить... Потому что все хорошие полководцы, особенно действующие в одной и той же местности, чем-то похожи друг на друга.

* * *

Огромная скала стояла, точно вырвалась на волю из самой преисподней, черная, обугленная. Вырвалась и застыла на поверхности, и только тот, кто умеет смотреть сквозь камни, разглядел бы под толщей плененный, гневно клоочущий — и останавливающий с течением веков пламень.

Вот в таком месте была назначена встреча. У подножия этой скалы.

Всадник уже ожидал того, кто приезжал сюда с известиями из Патампуря. Удобрый человек этот осведомитель. Всегда на виду, при особе раджи, всегда осведомлен о малейших его де-

лах и даже о мыслях, — ибо о мыслях-то раджа Авенир и советуется с ним чаще всего, — и в то же время незаметен. Ибо Траванкор, сын раджи, — воин, а не мудрец. Воин редко смотрит в сторону звездочета и еще реже боится высказывать при таком человеке свои мысли. Будь при Траванкоре его прежний учитель, Шлока, — тот сумел бы объяснить молодому радже, какие опасности ожидают легкомысленного. Открыл бы ему глаза: не только воины представляют опасность; даже при слугах следует соизмерять, откровенность речи, не говоря уж о такой персоне, как звездочет.

Но Шлоки больше нет. А тот, кто худо-бедно выполняет обязанности наставника при юном полководце, — этот северянин Конан, — относится к звездочету с еще большим пренебрежением, чем сам Траванкор.

До чего же глупы эти воины!

Долго, очень долго людям Аурангзеба не подобраться было к Траванкору. Молодой полководец всегда находился среди преданных ему людей, всегда он во дворце, рядом с отцом, занят делами. Но сегодня — другое дело... Сегодня его можно будет взять голыми руками.

А вот и звездочет. Примчался, весь потный, аж дрожит от возбуждения. Всадник, человек Аурангзеба, при виде его лениво усмехнулся.

— Нынче вечером он будет один! — выпалил звездочет. — Он рассказал, что, лишенный душевной поддержки прежнего учителя, надеется получить ответы у богов, возле священного дерева! Он поедет туда один. Так он сказал. Велел воинам не сопровождать его. Даже не следить.

Воин громко рассмеялся, хлопнул осведомителя по плечу и погнал коня прочь. Звездочет мрачно смотрел ему вслед.

С самого первого часа возненавидел звездочет этого Траванкора. С того мгновения, когда Шлока явился к радже Авениру впервые, и звездочета, точно негодного пса, выгнали из комнат. Даже и не выгнали, просто подождали, пока он догадается о том, что лишний здесь, и уйдет.

Заподозрили его в том, что он услышит нечто слишком грандиозное для его слуха. Как будто звезды не раскрывали перед ним людские тайны — с той же охотой, с какой выбалтывают свои секреты молодые девушки!

Оскорбленный, звездочет подслушал разговор Шлоки с раджой Авениром. И понял, обожженный ревностью: настанет день — и мудрец займет при радже место, какого ему, звездочету, не занять никогда. Не в почестях дело. Почести останутся при звездочете. Но Шлока для Авенира будет — отыне и навеки — спасителем его сына, в то время как звездочет останется чело-

веком, который даже предсказать это вовремя не сумел.

* * *

Старое священное дерево как будто ожидало Траванкора. Наверное, все святыни таковы: терпеливо ждут, когда человек вернется к ним опять. Не сходят с места, не изменяются. Они как ось мира: как бы ни вертелись события, как бы ни менялись люди, они остаются все теми же.

Время здесь останавливается, коловоротение людского мира кажется несущественным.

Все так же протянуты во все стороны выбеленные солнцем и ветрами высохшие ветки, все так же трепещут на них лоскутки, привязанные в разные годы разными просителями. А вот и те, что оставили здесь когда-то ученики Шлоки. Сохранились, хоть и выцвели добела, обтрепались почти до ниток. Вон там — тот, что привязал Траванкор, который мечтал стать великим воином, гордостью своего отца; а чуть выше — лоскуток Арилье, который наверняка хотел стать еще более великим воином, нежели Траванкор.

Арилье... Он рвался быть первым и не скрывал этого. Делал это полуслутя, призывая друзей и самого учителя признать: он — самый быстрый, самый могучий, самый красивый. Но

Траванкор знал, что в глубине души друг мечтает быть первым — всерьез.

Не потому ли ушел от него Арилье, что невозможно стать первым при особе сына раджи? В одиночку большого можно добиться. Никто не сравнится с отличным воином, особенно если его никто не затмевает...

Недостойные мысли. Траванкор взглянул на священное дерево и устыдился. Лоскуток, привязанный мальчиком Арилье, весело шевелился, как будто подпрыгивал на легком ветерке. Как будто посмеивался над Траванкором. И словно бы слышал Траванкор голос друга: «Да брось ты, Траванкор, все равно я — лучший. Погляди, какой я молодец! Разве ты хоть раз одолел меня? Никому это не под силу!»

«Я скучаю по тебе, Арилье», — подумал Траванкор.

Он опустил голову и горячо, из самой сердцевины души, возвзвал к священному дереву.

— Ты помнишь меня, священное дерево? Мой учитель Шлока приводил нас к тебе. Помоги мне, богиня, склони свой слух к своему священному древу! Ответь мне! Почему все покинули меня? Открой мне! Где сейчас мой друг Арилье? Где моя любимая Рукмини? Почему оставил меня мой учитель?

Молчало все вокруг, даже ветер. Стих. И вдруг Траванкор ощутил, как к нему приходит

ответ. Это не был голос или озарение; просто вдруг молодой воин понял, что знает происходящее. Это знание появилось сразу в его уме, и Траванкору стало холодно.

«...Скоро все откроется, и когда это случится, ты будешь несчастен...»

Вот что хотело сообщить ему священное дерево...

Долго стоял юноша, осваиваясь с этим чувством. Запоминал каждое свое душевное движение.

А после вскинул голову и еще раз посмотрел на священное дерево, на лоскутки — выгоревшие клочки надежды, — на сухие, причудливо изогнутые ветви.

Тишина вокруг него сделалась нехорошой.

* * *

Из-за холма, покрытого кустарником, за Траванкором пристально наблюдали всадники. Их было немногого, человек десять. Много и не понадобится для того, чтобы захватить воина под лым обманом. Морды их лошадей были завязаны тряпками, чтобы кони не выдали засаду ржанием, копыта обмотаны войлочной тканью.

Дигам жадно покусывал губы, наблюдая за Траванкором. Скоро убийца Шраддхи окажется в его руках!

Звездочет не согдал: сын раджи Авенира действительно явился к священному дереву один. О чем он так долго разговаривает с высохшим деревом? Почему то поднимает голову к небу, то роняет ее на грудь, словно в бессилии? Не жрец же он! Да нет, если бы Траванкор умел по-настоящему разговаривать с богами, звездочет предупредил бы...

Но о чём же он беседует и с кем? Как долго ждать!

Наконец Траванкор повернулся коня и двинулся обратно. Пора!

Едва лишь Траванкор въехал в кустарник, навстречу ему вылетело невесомое облачко — сеть, вытканная из конского волоса. Она опутала его плечи и голову, сдернула с седла. Мгновенно выскочили из засады чужие воины, набросились на запутавшегося в сети пленника.

Быстро, ловко скрутили ему за спиной руки, набросили на плечи аркан, связали ноги. Задыхающегося от гнева, перебросили через спину лошади. Наградили вдобавок десятком тумаков.

Траванкор молчал. «Когда все откроется, ты будешь очень несчастен».

Но это было лишь началом испытания. Траванкор перебирал в памяти лица тех, кто слышал о его намерении отправиться к священному дереву в одиночку, без сопровождения. Слишком много набралось этих лиц. Честных,

открытых. Эти люди были с ним с самого начала. Невыносимо само предположение о том, что один из них мог оказаться предателем.

И вдруг в памяти Траванкора мелькнуло еще одно лицо. Человек, на которого он редко обращал внимание. С которым почти никогда не разговаривал. Он всегда поблизости и как правило незаметен.

Звездочет.

Быстрая усмешка пробежала по лицу Траванкора. Сделанного не воротишь: что толку теперь знать имя предателя, коль скоро удар, нанесенный исподтишка, достиг цели!

Траванкор замкнулся в себе. Что бы теперь ни сделали с ним его недруги, он постарается сохранить достоинство. Готовность умереть нередко спасает человеку жизнь.

До ставки Аурангзеба скакали быстро. Дигам все время погонял коня, торопил своих людей. Ему не терпелось бросить убийцу Шраддхи к ногам повелителя, потребовать пролить кровь в отмщение за кровь брата. Для Дигама Шраддха был не просто старшим братом — он был образцом воина. Все на свете Шраддха делал лучше, чем другие: и сражался, и играл в шахматы. И вот пал от руки безвестного найденыша, который оказался сыном раджи Авенира...

И мнилось Дигаму, что Чачака так и не простила ему этого. Младший остался жив, а стар-

ший, совершенный воин, — погиб. И младший так и не сумел отомстить...

Свою мать, повелевавшую целой армией женщин, наложниц Шраддхи, рабынь, прислужниц, Дигам чтил и страшился. Ее даже сам Шраддха, как иной раз Дигаму казалось, боялся прогневать. Что ж, это справедливо. Та, что дала им жизнь, породила истинных воинов, — стало быть, часть воинского духа хранила она в своей женской душе, сумела выпестовать его и передать отпрыскам. Такая мать заслуживает глубокого почтения.

Дигам ликовал. Он въезжал в становище со своим плененным врагом. И не думалось ему сейчас о том, что взял он Траванкора в плен обманом, воспользовавшись услугами предателя, что не в честном бою одолел его, а поймал, как дикого зверя, к которому опасно подходить вплотную, даже и с оружием.

— Мы поймали его! — кричали воины Дигама. — Мы схватили Траванкора!

Со всех концов становища навстречу воинам брызнули мальчишки — полюбоваться на страшного Траванкора, воина из пророчества, о котором уже ходили разные легенды. Люди выходили из домов, побросав все дела. Каков он, сын раджи Авенира? Каков он, убийца Шраддхи? Правда ли, что в полтора человеческих роста, с широченными плечами, с руками как у иных

воинов ноги, с ногами — как у иных туловище?
Правда ли, что клыки у него?

Глупые байки, которыми застращали глупых детей! Самый обычный парень. Хорош собой и сложен хорошо, да ведь попался же в плен — и теперь сидит смирно. Обыкновенный...

Руки-ноги связаны, усажен спиной к голове коня. Глядит устало. И с виду как будто спокоен. Хорошо держится.

Кто-то выкрикивает ему угрозы, большинство просто глазеет, мальчишки кривляются, а одна или две девушки коварно пустили ему вслед улыбки — точно смертоносные стрелы, да только ни одна, кажется, не поразила цели.

Старая Чачака затянулась трубкой, посипела, выпустила кольцо табачного дыма. Ей нет надобности вставать и идти смотреть на происходящее.

Ей все расскажут.

Она закрыла глаза, подставила солнцу сморщеные веки. Как давно это было! Как далеко ушли те годы, когда и она бегала по городу, спрашивала о новостях, смеялась и сплетничала! А потом потянулись годы, и сыновья рождались один за другим, и росли у нее на глазах, мужали... И вот дожила она до тех лет, когда начали они погибать, один за другим. И вот уже старший, которым гордилась больше всего, ушел от нее.

Боль за Шраддху жгла ее сердце, жгла постоянно. Никому не могла Чачака открыть своих чувств, потому что никто бы не понял. Женщины рождают много воинов, и многие воины погибают... Но только раз в столетие появляется такой, как Шраддха. И что должна чувствовать мать, пережив сына?

Боль. Ничего, кроме боли.

Она подождет.

Траванкора повезли ко дворцу, перед которым вился разрисованный драконами черно-голубой флаг. Логовище дракона — так воспринял Траванкор это место. И внутри его ожидало чудовище, и теперь для воина главное — не испугаться.

Драконы любят говорить загадками. Драконы любят испытывать людей. И тех, кто не пройдет испытание, драконы убивают. Коварны, красивы, богаты, не имеют чувств.

Таким и предстал Аурангзеб пленнику. Смуглое, покрытое красивым загаром лицо в рассеянном свете, проникавшем в шатер, казалось золотым. И блики от богато расшитого одеяния бегали в глазах Аурангзеба, когда он поглядел на вошедших.

А рядом с золотым идолом — дочь дракона, юная гибкая красавица. Сходство с чудовищем так и бросается в глаза; но те черты, что у Аурангзеба застыли, у девушки выглядят живыми,

подвижными. Большой рот улыбается, большие глаза следят за пленником с любопытством, и веселый смех готов вспыхнуть в них.

Хороша, взгляда не отвести! Да только для пленника она — такое же опасное чудище, как и ее отец.

Аурангзеб медленно повернул голову. Установился на крепкого, хорошо сложенного юношу. Долго рассматривал его, словно прищенивался. И странное подобие одобрения мелькнуло вдруг на неподвижном лице. Владыка Калимегдана смотрел на свою судьбу, представшую перед ним въяве. Двадцать лет ожидал он этого мгновения и теперь желал насладиться им в полной мере.

Можно было бы ударить его ножом и покончить с делом... Но Аурангзеб не так был глуп, чтобы не понять: судьбу одним ударом не одолеешь. Убьешь этого воина — народится другой. Судьба не отступит. Ее следует победить, заставить признать свое поражение... Вот тогда она отступится от Аурангзеба и позволит ему навеки оставаться безраздельным властителем северной Вендии.

Негромко заговорил Аурангзеб:

— Исстари так повелось, что гости, стар ли, млад ли, — кланяются, здороваясь с хозяином. Не так ли, любезный гость?

Ну-ка, что он ответит, сын Авенира?

Первое испытание — самое простое. Эту загадку дракона Траванкор разгадал быстро.

— Да, почтенный, переступая чужой порог, вежливые люди прикладывают руки к груди... Да только руки у меня связаны, как же мне приложить их к сердцу?

Аурангзеб подал знак стражникам, и те сняли путы. Траванкор усмехнулся: сейчас последует вторая загадка! Хорошо же, скоро и это испытание останется позади.

Пленивший Траванкора находился в зале. Стоял, прижавшись лопатками к мраморной стене, за спиной пленника, ревниво сверлил взглядом его затылок. Ожидал приказания — наброситься и растерзать.

Чувствуя на себе его взор, Траванкор проговорил:

— В Калимегдане почитают старинные обычаи, как я погляжу... Но где такое видано, чтобы воина брали в плен предательством и обманом, а не на поле битвы?

И не выдержал Дигам, вскочил на ноги, метнулся к Траванкору. Страшной ненавистью пылают его глаза.

— В плен тебя взял я! И голову тебе отрежу тоже я — за то, что ты убил моего брата!

Он уже потянулся за мечом, чтобы исполнить свою угрозу. Траванкор не шевельнулся, даже не моргнул. Знал: не допустит дракон та-

кого перед своим лицом. Не хуже Аурангзеба разбирался Траванкор в тайне, перед которой встает человек, пытаясь обмануть судьбу. Уж этому-то Шлока успел научить своего питомца!

Повернувшись к яростному Дигаму, Траванкор спокойно произнес:

— Твоего брата я победил в честном бою. Я убил его, потому что он был врагом моего народа. И не мы напали на вас, это вы хотели взять наш город.

Аурангзеб признал правоту этих слов. В игре загадок юный воин выигрывал. Хорошо. Если бы удалось одолеть Траванкора слишком легко, это не принесло бы настоящей победы. Остались бы сомнения, а вместе с сомнениями остались бы и страхи.

И повелитель Калимегдана сделал знак Дигаму опустить меч. Тот повиновался с видимой неохотой, опустил голову, заворчал, как хищник, у которого отобрали добычу.

Торжественно зазвучал голос Аурангзеба:

— Я уважаю законы и обычай. Я знаю, что в мирное время мы не можем казнить пленника без суда, коль скоро он не захвачен в сражении, на поле боя. Я даю тебе выбор: ты можешь умереть в тюрьме, а можешь пройти испытания и получить свободу.

— Я готов к испытаниям, — сказал Траванкор.

Он не разочаровал Аурангзеба. Глаза дракона блеснули радостью. Если пленник погибнет во время испытаний, это будет знаком того, что судьба отступила. Его смерть станет освобождением для Аурангзеба от тяготеющего над ним предсказания.

Стражники увели Траванкора. Аурангзеб долго смотрел в одну точку, словно пытался разглядеть там будущее. И произнес, обращаясь к самому себе:

— Пятнадцать лет я охотился за ним. И вот наконец он у меня в руках. Подвергнем же его испытанию, которое окажется ему не по силам!

Краем глаза он уловил движение. Красавица-дочь, повернув голову, пристально смотрела на отца.

Он поднял бровь, как бы вопрошая: каково ее мнение?

Девушка улыбнулась. Она хотела, чтобы этот юноша принадлежал ей. Если он пройдет испытание, дочь дракона найдет способ приручить хищника и привести его к ногам своего отца.

И отец без слов понял ее намерение и благословил ее.

* * *

Ошибки быть не могло: Траванкор узнал Светамбара с первого взгляда. Конь Рукмини! Свидетель их разговоров, свидетель тех клятв,

что они давали друг другу помимо слов, взглядами, легкими прикосновениями рук... Конь, которого Рукмини сама вырастила, воспитала. Который был с ней в тот день, когда она пропала...

Но теперь у Светамбара, кажется, появился новый хозяин. Мальчик лет шести, забавный, с круглым лицом и быстрыми смышлеными глазами. По тому, как он держал за узду Светамбара, Траванкор сразу понял: между мальчишкой и конем установилось взаимопонимание. Странно...

Мальчика звали Ширван. Он родился всего восемь лет назад — от наложницы, которую Аурангзеб осчастливили лишь два раза. Эта девушка так и осталась служанкой, а ее сын бегал по всему городу, пользуясь полной свободой, и имел право входить во дворец беспрепятственно. Стражники знали его и баловали. Воины учили его своему искусству, больше забавляясь, нежели стараясь воспитать солдата.

Ширван обладал веселым, общительным нравом. Он умел жалеть людей — а это дар от добродушной богини Дурги, поклоняться которой научила мальчика мать.

Впрочем, с матерью, печальной, всегда погруженной в какие-то хлопоты, Ширван виделся редко. Он предпочитал знакомиться с людьми и болтать с ними обо всем на свете. Обаяние

Ширвана было таково, что даже пленница со шрамом на шее, которая избегала людей, иногда останавливалась, чтобы поговорить с этим ребенком.

Кроме того, Ширвану теперь — волей Аурангзеба — принадлежал Светамбар, поэтому Рукмини сама стремилась завязать с ним дружбу.

Ребенок подбежал к пленнику, радуясь тому, что подвернулась возможность поглязеть на интересного человека поближе.

Он слышал шум и даже видел, как Траванкора везут по городу, лицом к хвосту лошади, но это зрелище немногое сказали мальчугану. Ему хотелось увидеть лицо нового пленника, заглянуть ему в глаза. Понять: страшный ли он, грустный ли...

В Калимегдане, на окраине города, ближе к городской свалке, уже несколько месяцев жил один пленник. Он был страшный. Его взгляд был пустым, как будто все ему было безразлично. Этот, первый, пленник ни с кем не разговаривал. Только ругался, когда его били. Он был такой страшный, что мальчик даже не мог понять, молодой он или старый.

Наверное, старый. Владыка Аурангзеб говорит: человека старят не годы, а те смерти, что прошли перед его глазами. Перед глазами того пленника прошло много смертей, и большинство убитых пали от его руки.

А этот новый пленник — совсем другой. Он молодой, он полон надежды. Он гордый. Даже Аурангзеб не сможет его сломить.

Ширван даже улыбнулся незнакомцу. Но тот смотрел не на мальчика — его глаза были прикованы к лошади.

— Светамбар! — окликнул пленник коня.

Конь насторожил уши, приветственно задржал, словно узнал чужака и обрадовался ему. И на лице пленного появилось выражение ответной радости.

— Эй, паренек, откуда у тебя эта лошадь? — окликнул пленник Ширвана.

Медленно, с большим достоинством, как и подобает воину, Ширван ответил:

— Мой отец дал мне этого коня. Мой отец — владыка Аурангзеб, между прочим, а о моей матери не спрашивай, но она — достойная женщина.

Всей душой потянулся Траванкор к Светамбару — первому живому существу, встреченному в Калимегдане, которое было ему родным. И невольно сорвалось у Траванкора:

— Заботься о нем хорошенъко. Это очень хороший конь.

Можно подумать, Ширван и без того о своем коне не заботится! Мальчик вздернул брови, высокомерно повел плечами. Будут еще давать ему подобные советы!

И вдруг поймал взгляд пленника. И осекся... Потому что впервые в жизни мальчик понял: иногда человек разговаривает не словами, а помимо слов. Вовсе не о том, что мальчик может оказаться недостаточно заботливым хозяином для своего коня, говорил пленник. Нет, иное распознал Ширван чутким детским сердцем. «Я знал этого коня. Мне дорог он. Полюби его так, как любил его я! Будем друзьями, коль скоро у нас нашелся общий друг!»

Вот что хотел он сказать. И Ширван весело кивнул Траванкору.

Тот уже не видел — стражники потащили его дальше, по направлению к подземной тюрьме: глубокой яме, накрытой решеткой. Здесь Траванкор будет ожидать решения своей участи.

До слуха Ширвана донеслась последняя фраза, которую пленник выкрикнул уже уходя вслед за стражами:

— Давай ему красную траву — он ее любит!

Решетка опустилась над головой Траванкора. Настали сумерки.

* * *

Он не знал, как долго просидел в яме. Наверное, не слишком долго. Он думал о Светамбаре, о девушке, которой некогда принадлежал конь... Рукмини! Что с ней случилось? Кем она

теперь стала, какую жизнь ведет? А вдруг тот мальчик что-нибудь знает о ней? Но расспрашивать его опасно. Может разболтать, и тогда Рукмини не поздоровится. Если она здесь, в Калимегдане, то участь ее, скорее всего, печальна. Даже если она не рабыня, даже если сделалась, хотя бы и помимо своей воли, женой кого-то из здешних воинов, ей все равно следует осторегаться — и своего мужа, и других женщин...

Поэтому Траванкор решил ничего не спрашивать о Рукмини у нового хозяина Светамбара.

А мальчишка, как будто его призвали мысли Траванкора, — тут как тут. Любопытство оказалось сильнее осторожности. Ширван избавился от материнских забот — мать непременно ждала накормить его, умыть и уложить спать, — сбежал из дворца и тут же пробрался к подземной тюрьме. Просунул веточку между прутьями, пощекотал пленнику висок.

Траванкор открыл глаза. Несколько мгновений пристально смотрел в смеющееся лицо паренька, а затем, быстро подобрав какую-то палочку, валявшуюся на земляном полу, отразил «удар».

Ширван весело напал на него. Сделал выпад, другой. Сражался неумело, но довольно бойко. Если будет тренироваться и дальше — хороший воин вырастет.

Траванкор замечтался и пропустил очередную атаку. Прутик Ширвана коснулся его груди, и пленник, издав жуткий булькающий звук, словно ему перерезали горло, навзничь повалился на землю.

Ширван расхохотался.

* * *

Дети и слуги часто заключают тайные, невидимые взгляду взрослых союзы. И те и другие на подневольном положении, и те и другие имеют множество крохотных секретов. Не будь таких союзов, не смогли бы они и десятой части сделать того, что вытворяют втайне. И детство было бы менее веселым, и участь слуг была бы куда более безотрадной.

Светамбар действительно стал общим другом у Ширвана и Рукмини. Мальчик и девушка частенько встречались и болтали: и о лошадях, и обо всем на свете.

Наутро после того дня, как пленник появился в Калимегдане, Ширван отыскал Рукмини у реки. Девушка несла ведро с водой, но остановилась, заметив Светамбара и его нового хозяина. Мальчик деловито скормливал коню пучок красной травы. Завидев Рукмини, махнул ей рукой, и конь потянулся за детской ручкой, в которой осталось еще угощение.

— Послушай, Рукмини, что странное случилось! Откуда тот человек узнал, что мой конь любит красную траву? — крикнул Ширван. — Как ты думаешь, есть люди, которые читают чужие мысли? Или мысли лошадей?

Рукмини остановилась.

— Какой человек? О ком ты говоришь, Ширван?

Странно ударило сердце у нее в груди. Столько времени прошло с тех пор, как она видела знакомое лицо, и вдруг — известие о ком-то, кому известны пристрастия Светамбара.

— Что за человек? О ком ты говоришь, Ширван? — повторила девушка, замирая. — Объясни толком, и я расскажу тебе сказку об одном старике, который знал все мысли животных...

— Ну, это пленник, — с важным видом объяснил Ширван. — Я говорил с ним, между прочим. И стражники меня не отгоняли, потому что уважают моего отца и даже мою мать. Ну и меня, конечно, ведь они знают, что из меня вырастет воин... Тебе это известно, Рукмини?

Он подбоченился. Рукмини смотрела на него со странной смесью нетерпения, недоверия и любви. Мальчишка, несмотря на то, что был сыном Аурангзеба, нравился ей. Он всегда был добрым и только время от времени принимался строить из себя великого воина. Получалось забавно.

— Пленник узнал моего Светамбара, — добавил Ширван, быстро забывая о необходимости принимать величественную позу.

— Этого не может быть, — медленно выговарила Рукмини, обращаясь больше к самой себе.

Чего не может быть? Что Траванкор здесь и попал в плен?

Но если это случилось... Рукмини любой ценой должна спасти его!

— Ему назначено испытание, — продолжал мальчик. — Хочешь — посмотрим? Никто еще не выдерживал. Но у него есть возможность погибнуть со славой, а это — возвышающее душу зрелище, как говорит мой отец.

Рукмини на миг закрыла глаза, и тотчас перед ее взором встал Траванкор. «Ты пахнешь луной»...

Она качнула головой, отгоняя видение.

И, сделав над собой усилие, улыбнулась Ширвану:

— А хочешь сделаем так, что все узнают: твой конь — самый лучший в мире?

Глаза Ширвана загорелись:

— Как?

— Я знаю, как, — заверила его Рукмини. — Слушай...

И, наклонившись к самому уху мальчика, быстро зашептала. Радостная улыбка появилась на лице Ширвана, как будто Рукмини научила его — как прославиться вместе со своим конем...

* * *

Посмотреть на испытание собралось множество народу. Воины теснились за двумя рядами лучников, выстроившихся в два ряда — как раз с таким расчетом, чтобы между этими рядами по открытому проходу мог проехать всадник.

Простой люд толпился за спинами. Всем охота было поглядеть, какая по счету стрела убьет пленника: первая, вторая... может быть, доживет до пятой?

Чачака с силой кусала свою трубку, так что десны болели. Настал день, когда ее любимый сын будет отомщен! Ждать уже оставалось недолго. Скоро, пронзенный стрелами, убийца Шраддхи падет на землю, и слуги отволокут его тело подальше. Тогда старая женщина наконец сможет спокойно закрыть глаза. Она увидит достаточно.

На высоком троне, установленном на краю дворцовой площади, восседал Аурангзеб. Бесподобно взирал на картину, что разворачивалась перед его взором.

Еще один лик судьбы. Аурангзеб не из тех, кто отводит глаза: не дрогнув он будет смотреть до конца.

Наконец началось! Двое стражников вывели Светамбара, на котором сидел Траванкор.

Чачака не поверила сперва собственным глазам. Повернулась к дерзкому сыну служанки, прошипела:

— Это же твоя лошадь!

Мальчишка одарил ее радостной улыбкой. Сегодня и для него самого — великий день, ибо сегодня все в степи узнают, что он, Ширван, владеет лучшим конем на свете! Молодец эта Рукмини. Хороший совет дала. Светамбар, как птица, пронесет седока через испытание. Разве не счастье — владеть таким конем?

— Да, — гордо подтвердил мальчик. — Это мой.

Он не видел, как побледнела Рукмини, — девушка затерялась в толпе. Увидел бы — удивился: Ширван не сомневался в победе. Не всадника — Светамбара, разумеется. До самого пленника Ширвану было очень немного дела: юноша, с которым Ширван фехтовал прутиками, представлялся мальчику персонажем какой-то волшебной сказки. А сказочные герои, как известно, не умирают. А если и умирают — всегда есть возможность вернуться в начало истории, когда они еще живы. Так что переживать незачем.

По знаку Аурангзеба стражники отпустили поводья. Прикрываясь щитом, Траванкор помчался по проходу между лучниками. Вот и все... Сейчас он умрет.

Первый лучник выпустил стрелу. Траванкор прижался к гриве коня и отбил стрелу щитом. Воины неодобрительно загудели: им не понравилась чужая удасть. Да и смотреть, как промахнулся товарищ, — тоже радости мало.

Не останавливаясь ни на миг, Траванкор резко откинулся в седле назад. В пустоту улетела вторая стрела, только зря была выпущена. Крики стали громче.

Траванкор не слышал чужих голосов, не замечал чужих глаз. Как и учил его когда-то Шлока, он слушал лишь себя да окружающий мир. Время странно замедлилось в том клочке пространства, где сейчас находился молодой воин. И медленно летели сквозь тугой воздух стрелы, одна за другой.

Это со стороны, возможно, казалось, что пленник двигается быстрее нападающей змеи. Для Траванкора все обстояло иначе. Напряжением всей воли он ощущал замысел следующего из лучников еще прежде, чем стрела срывалась с тетивы.

Вот всадник соскользнул с седла, прижался к боку лошади, и четвертая стрела просвистела мимо.

Последний лучник из первого ряда оказался чуть удачливее, но Траванкор даже не стал уклоняться от этого выстрела и просто принял стрелу в щит.

Толпа вокруг неистово ревела. Нет, никто здесь не желал пленнику победы, но... больно уж лихо он уворачивался! Тут у кого угодно кровь вскипит. Крик сам рвется на волю из глотки.

Второй ряд лучников вышел вперед. Испытание продолжалось. Может быть, теперь, когда Траванкор устал, он допустит промах. Достаточно одной-единственной оплошки, и пленник мертв. Многие испытывали своего рода благодарность к этому юноше за то великолепное зрелище, которое он представил. Когда он погибнет, его похоронят с честью.

Новая стрела воткнулась в щит, и теперь уже две стрелы торчали в нем. Покачивались, мешая быстроте движений всадника.

Лучники стреляли гораздо быстрее, чем прежде. Они почти не делали перерывов между выстрелами. Коль скоро проходящий испытание оказался так ловок, следует усилить нажим — может, он все же не устоит! Им казалось, что он издевается над ними, с такой легкостью он уходил от смертельных выстрелов. Как будто он заранее видел линии, по которым полетят стрелы! Как будто демоны чертили перед ним в воздухе тот путь, которым пройдет смерть, чтобы он успел увернуться!

Сразу три стрелы, почти одновременно, впились в его щит. И тотчас же Траванкор резко

повернулся в седле, ныряя почти под самые ноги лошади. Еще одна тщетная попытка убить дерзкого пленника.

А пленник снова выпрямился и сидит в седле как ни в чем не бывало. И даже глаза у него не блестят. Смотрит спокойно и сосредоточенно, как будто читает книгу или слушает поучение.

Вне себя смотрит на происходящее Дигам. Ему кажется, будто его прилюдно опозорили. Столько времени он выслеживал убийцу брата! Столько сил потратил! Прибег к помощи предателя, поймал Траванкора сетью, притащил к ногам своего повелителя... и для чего? Для того, чтобы этот Траванкор ушел невредимым? Чтобы кровь Шраддхи осталась неотомщенной?

Но Аурангзеб не может отпустить пленника! Он ведь говорил, сам говорил: «Наш долг — отомстить за Шраддху!»

...Последняя стрела вонзилась в землю, не достигнув цели. Подъехав к трону Аурангзеба, Траванкор спрыгнул с коня.

Чачака величественно встала, вынула трубку изо рта, поджала губы. Что решит сейчас правитель Калимегдана? Неужто отпустит своего врага на все четыре стороны?

Аурангзеб смотрел на Траванкора и молчал. Долго молчал. Так долго, что безмолвие сгустилось в воздухе, повисло почти зримо, точно зна-

мя в безветренный день. Протяни руку — и коснись.

Наконец губы золотого дракона шевельнулись. Сейчас он изречет свой приговор. Он, так величаво ратовавший за соблюдение всех законов и обычаев! Он, загадавший пленному воину три загадки.

Траванкор знал, что дракон постарается обмануть его. Ждал — каким будет этот обман. И готов был отразить новый удар.

— Ты ловкий и сильный воин, — медленно произнес Аурангзеб. — Никто не выходил победителем из этого испытания. Ты первый. По нашим законам, я должен освободить тебя.

— Нет! — тишину прорезал пронзительный крик. — Нет! Я требую, чтобы его казнили!

Мать Шраддхи вскочила со своего места, метнулась вперед. Ярость пеной срываилась с ее темных сухих губ, глаза метали молнии.

— Кровь Шраддхи ляжет на тебя! — вне себя кричала она в лицо повелителю Калимегдана.

Еле сдерживая гнев, Аурангзеб чуть повернулся голову и посмотрел на Чачаку.

— Я уважаю твою старость, — промолвил он. — Но жажда мести ослепила тебя! Если мы нарушим закон, наши предки отвернутся от нас, и прервется вечная нить живых и мертвых.

Дарая жизнь пленнику, Аурангзеб жертвовал чем-то большим, нежели желание мести. Он

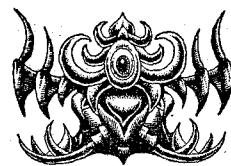

жертвовал собой — и знал, почему это делает. Ради того, чтобы цепь, связующая поколения потомков и предков, осталась в целости. Если Аурангзебу судьба погибнуть от волчонка, ставшего волком, — он отдаст свою жизнь. Так суждено, и предреченнное сбудется. Пленник доказал это.

Если только...

Глаза дракона блеснули, и Траванкор, внимательно наблюдавший за ним, сразу насторожился. Так и есть! Аурангзеб нашел новую уловку.

— Испытай судьбу в поединке. У нас есть воин, которого никто еще не смог победить. Если ты окажешься лучше, чем он, — я склонюсь перед тобой и отпущу тебя на волю. Я признаю силу судьбы, о воин из пророчества! Я признаю твою победу.

Глава семнадцатая

Последний поединок

то было странное место, похожее на логово какого-то дикого зверя, пойманного и посаженного на цепь для людского развлечения. Так оно, собственно, и было: тот, кто обитал здесь, мало отличался от животного, по крайней мере, на первый взгляд.

Под покосившимся разлохмаченным камышовым навесом спал мужчина. Железная цепь охватывала его лодыжку; другой ее конец крепился к толстому гладкому столбу, вбитому в землю. Ни вырваться отсюда, ни отойти на расстояние большее, чем позволяла цепь, он не мог.

Ирезанный лезвием столб, да гремящая цепь, да выпотаптанная белая площадка вокруг столба, да еще этот камышовый навес — вот и вся его жизнь.

Одежда его превратилась в лохмотья, лицо огрубело, взгляд стал неподвижным. Долго, слишком долго молчала его душа.

Лучше, наверное, было в самом начале, когда он пытался вырваться, плакал тайно ночами, когда его никто не видел, мысленно вопрошал Шлоку: для чего судьба послала такое страшное испытание? Почему он сидит на цепи, на потеху своим врагам? Почему его благое намерение освободить Рукмини и вернуть ее жениху не достигло цели, а самопожертвование оказалось бессмысленным? В чем смысл его теперешней жизни?

Молчал учитель. Молчали звезды, равнодушно мигавшие над Арилье. И постепенно замолчал и он сам.

Недруги хотели превратить его в игрушку, в свою забаву. Хорошо, он станет забавой для своих врагов. Опасной забавой, смертоносной. Им охота полюбоваться, как он дерется, — что ж, он будет драться. Разве Арилье не был лучшим? Он и останется лучшим...

Он ел и спал. Когда его будили, он дрался. И неизменно побеждал. Больше ничего. Пустота и молчание, и так — день за днем.

— Эй!

Опять чей-то голос. Хриплый, со сдавленным смешком.

Арилье, ничком лежавший под навесом, даже не пошевелился.

Он слышал гомон: возле вытоптанной площадки, где проходили поединки, уже собирались зрители. Многие трясут деньгами — делают ставки. Если кому-нибудь удастся наконец одолеть Арилье, выигрыш будет огромен: против пленника почти не ставят. Зарубок на столбу — больше, чем месяцев, проведенных Арилье в плену. Гораздо больше.

Убитыми он отмечает свои дни. Не прожитыми часами, не съеденными кусками, не выпитыми бурдюками, как это делают другие. И не поцелуями красавицы...

Пыль и кровь, вот и весь его мир.

— Эй, ты! Давай, вставай!

Рослый стражник с копьем в одной руке и мечом в другой грубо окликнул его. Арилье даже не пошевелился. Пусть потрудятся, покричат, позлятся. Ничто не изменит участи пленника, так что стараться угодить?

Стражник ударили его копьем. Довольно сильный удар. Если живого не убьет, так мертвого пробудит.

В нетерпении топтался на краю площадки будущий соперник Арилье — крепкий воин с оголенным мечом. Может быть, ему повезет сегодня и он убьет дерзкого пленника. Больно уж тот удачлив да искусен. Даже то, что цепь мешает ему двигаться, его не останавливает.

— Давай, вставай! Вставай, люди ждут!

Еще один удар копьем. Не открывая глаз, пленник прорычал:

— Отстань ты!

— Поднимайся, ждут тебя! — рявкнул стражник с копьем и больно уколол пленника. Этот стражник давно знал Арилье и умел его разбудить.

В бешенстве пленник распахнул глаза. Теперь под руку ему не попадайся. Стражник отскочил, бросил меч ему под ноги.

— Дерись!

Полный ярости, Арилье заскрипел зубами. Схватил меч, выпрямился, оглядел толпу сумасшедшим взором, и стоявшие вокруг люди отозвались воплями. Они трясли жилистыми кулаками, размахивали руками, звенели деньгами, топали, вздымая пыль.

Рослый воин шагнул навстречу Арилье и поднял меч. В два прыжка Арилье пересек площадку и очутился перед противником. Обрушил на него град бешеных ударов, противник едва успел отбиваться. Не помогли ему ни большой клинок, ни длинные руки, ни уверенность в себе. Несколько быстрых движений, заученных еще давно, во время учебных поединков с Траванкором, — и поверженный недруг откалился к краю площадки.

Скаля зубы, Арилье пытался дотянуться до него и добить, но проклятая цепь на ноге креп-

ко держала пленника, не позволяла двинуться дальше. Отдернутый назад, как пес, которому не позволили перегрызть глотку вору, Арилье глухо заворчал и затих. Только глаз зло поблескивали.

Медленно пошел он обратно к своему шесту. Замер, повернулся лицом к поверженному противнику. Бой еще не закончен. Пусть его враг поднимется на ноги и снова нападет. Пусть надеется на свою глупую удачу: авось ему наконец повезет — и он убьет пленника.

Долго лежать на земле — позорно, и сраженный Арилье воин встал. Он так и кипел гневом. Несколько мгновений собирался и вдруг бросился на Арилье. Тот ждал у своего столба. Внимательно смотрел на приближающегося врага. Заранее видел уже то место, куда поразит его мечом. А тот еще ни о чем не догадывался. Соперник был уже мертвецом, но все еще рвался в бой, все еще бежал, поднимая меч...

Короткое, незаметное глазу движение — и в груди противника вырос клинок. Споткнувшись на бегу, воин упал, беззвучно раскрыл рот и раскинул руки. Пыль взлетела в воздух, когда он рухнул на землю. Человек уже застыл, а пыль все кружилась над ним, не спеша оседать.

Арилье обтер губы ладонью, смахнул пот со лба. Приблизился к своему столбу, черкнул мечом — еще одна зарубка, еще один день мино-

вал. Бой окончен. Пленник забрался под навес, выбросил оттуда меч и затих.

Толпа молчала. Приглушенно звякали монеты, переходя из рук в руки. Разговоров не было. Число убитых пленным перешло за второй десяток. Как тут разговаривать?

Тот стражник, что разбудил Арилье и заставил его драться, подошел к убитому, осторожно закрыл его глаза. Затем обошел толпу зрителей, собрал деньги. Они увидели что хотели, пусть теперь платят.

И тут послышались выкрики, конский топот — к арене подъехал Дигам, окруженный своими людьми.

Из своего загона Арилье видел конские копыта, переступающие нетерпеливо на месте, ноги воинов. Скучно глядеть — он опустил веки. Ничто не появлялось теперь перед его закрытыми глазами. Ни Рукмини, ни Траванкора он не видел. Даже учитель оставил его.

— Эй, ты, мы за тобой! — это кричали возле самого загона.

Он не открывал глаз. Опять. Неужели им не надоело смотреть, как он убивает? Зачем все беспокоят его, зачем хотят от него все новых смертей?

— Повелитель послал за тобой! — надрывались совсем близко.

Не открывая глаз, Арилье буркнул:

— Никуда я не поеду. Устал!

Они замолчали. Гомонили между собой в отдалении, но к пленнику больше не обращались. Арилье слышал, как кто-то топчется вокруг столба. Должно быть, отметки считает. Считай, считай. Скоро и твоя жизнь выльется в пыль, превратится в кривую белую полоску на толстом шесте.

Неожиданно под навесом показалось лицо Дигама. Пристально взглянул он на пленника, а тот даже не шевельнулся. И ресницы, опущенные на щеку, не дрогнули.

— Эй, ты, это будет твой последний бой. Если ты победишь, Аурангзеб тебя отпустит.

И вот тогда Арилье пошевелился и открыл глаза. В полумраке его взгляд показался Дигаму светлым, точно вспышка молнии.

* * *

Ночь перед поединком — особенная. И поединок этот особенный, один из череды загадок и задач, которые должен разрешить воин прежде, чем судьба ему покорится.

Сквозь решетку подземной тюрьмы Траванкор смотрел на небо: тонкий серп луны сверкал среди россыпи звезд, ночь казалась светлой, волшебной. Без конца можно было любоваться этими звездами, забыв о смерти...

В эти минуты Траванкор ни о чем не думал. Кто он такой? Малая часть вселенной, тонкий лоскуток на ветке священного дерева. Он смотрел на звезды, и звезды смотрели на него. Протяни руку — пройдет сквозь решетку, пройдет сквозь воздух, коснется прохладного бока пылающей звезды, наполнит тело силой...

И вдруг темная тень заслонила звезды. Траванкор поморщился в первый миг — ничто не могло быть лучше ночного неба. Ничто, даже лицо красивой женщины.

А женщина, наклонившаяся над решеткой, действительно была очень красива. Красива и молода.

Траванкор узнал ее — дочь дракона. Он видел ее возле трона Аурангзеба, когда разгадал первые, самые легкие загадки. Должно быть, пришла устроить ему ловушку... Сказка продолжалась, и Траванкор, как всякий сказочный герой, знал свою роль: не поддаваться, не соблазняться, никогда не говорить дракону «да» — потому что дракон все равно обманет.

Правила в этой игре диктует не дракон, каким бы могущественным он ни был.

— Я уже видел тебя раньше, — прошептал Траванкор.

Все-таки она очень хороша... Так и веет от нее свежестью. А какая юная, смуглая, гладкая кожа! Какие ласковые глаза! Утонуть в них...

— Я дочь Аурангзеба, — отвечала красавица. — Ты был великолепен сегодня...

— Услышать похвалу из уст такой красавицы — большая честь для меня, — вежливо отозвался Траванкор.

— Ты обречен, — сказала дочь дракона так, словно обещала ему ночь любви. Сладко сошли с ее пышных губ слова о смерти! — Ты погибнешь завтра. Даже если ты победишь, тебя не отпустят живым...

Траванкор нахмурился. Ему показалось, что девушка говорит искренне. А почему бы и нет? Разве у дракона не может быть доброй дочери? Есть, наверное, и такие сказки...

— Берегись, — предупредил он ее. — Ты можешь лишиться головы за то, что рассказала мне это.

Она тряхнула косами, густо звякнула в темноте украшениями.

— Я уже потеряла мою голову, — прошептала она. — Всю жизнь я мечтала о таком воине, как ты. Сильном, смелом. Ты так хороши! Потому я и пришла. Я знаю, как спасти тебя.

Она замолчала. Неужто он не спросит — как? Неужто не потянется к ней душой? Нет, не может такого быть! Легко купить человека золотом — но не всякий продает себя за золото. Можно купить человека любовью — но и здесь не всегда ждет удача. Но нельзя не купить че-

ловека обещанием жизни! Красавица не сомневалась в этом. Отчего же он молчит, этот молодой пленник? Чего ждет? Что еще она должна пообещать ему?

И она не выдержала — заговорила сама:

— Если ты женишься на мне, я спасу твою жизнь.

Траванкор еле слышно охнулся:

— Жениться на тебе? И жить здесь, в плену?

Она широко улыбнулась. Снова зазвенели ее украшения.

— Ты не будешь пленником! Ты станешь родственником Аурангзеба! Его правой рукой!

Всей душой она потянулась к нему... и наткнулась на пустоту. На молчание. Она не поверила. Снова прильнула щекой к решетке. Неужто даже руку не поднимет, не обласкает легким движением воздух там, где он касается ее щеки? Ни один мужчина не устоял бы перед нею. А этот безмолвствует.

И наконец Траванкор проговорил — точно на смерть решился:

— Нет. Я не могу принять твое предложение. Она закрыла лицо ладонями.

— Твоего соперника уже привезли. Он не знает поражений. Завтра ты умрешь.

Она заплакала и ушла, и ночь скрыла ее. И Траванкор забыл о ней тотчас же, как только стихли ее рыдания.

— Учитель, — прошептал он, — ты пророчил мне великое будущее! Как же получилось, что я оказался в этом позорном плену?

Никого и ничего. Только падающая звезда — наискось прочертила небо.

* * *

Площадка для поединка перед лицом великого Аурангзеба мало чем отличалась от той, к которой привык Арилье. Разве что цепь не сковывала движения пленника.

Впервые за долгое время Арилье испытывал подобие интереса к своему будущему противнику. Сегодня — последний бой. Либо Арилье будет убит, либо убьет соперника, и тогда его отпустят. Так или иначе, но бессмысленное прозябанье в долгом плену закончится.

Он наклонился, растер лодыжку. Как легко ходить без цепи на ноге!

Собравшиеся зрители жадно рассматривали непобедимого бойца. Так вот он каков! Это правда, что он убил больше двадцати противников? Это правда, что он не знает поражений? Судя по тому, как он двигается, рассуждали опытные воины, — легко в это поверить.

Далеко не все видели Арилье в бою. Далеко не все побывали возле того загончика с шестом и навесом, где устраивались выступления плен-

ного бойца. И теперь многие просто кипели от любопытства.

На голову бойца натянули особую ритуальную маску с рогами и узкими прорезями для глаз. Жуткая образина, просто страх берет, как увидишь. Арилье беспокойно заворочал головой. Приноравливался к новым условиям. Сквозь прорези видно плохо. Намного хуже, чем без маски. Нарочно такие сделали, чтобы затруднить бойцам задачу.

Одна осталась надежда — что и сопернику Арилье напялят такую же личину. Иначе их шансы будут слишком неравными.

Впрочем... это как поглядеть. Арилье выпрямился, размял спину, попробовал на вес меч и кинжал. Неплохо.

Интересно, чьей победы желает Аурангзеб? Вон он, сидит на своем троне, с бесстрастным, словно изваянным из камня лицом. И рядом с ним — жуткая старуха с трубкой в зубах. Осанка властная и взгляд злой. Чем-то похожа на ту, что выдала Арилье врагам. А может быть, ему чудится.

Он до сих пор не мог избыть досады на случившееся. Нет, он до сих пор считал, что поступил правильно: напоил коня, по-доброму поговорил со старой женщиной, поинтересовался ее детьми... и отказываться от угощения означало бы обидеть ее попусту. Вот и попался.

А обида все не проходила. И на себя — зачем оказался таким доверчивым; и на старуху — для чего она выдала его, ведь он ничего дурного ей не сделал! Сразу надо было распрощаться с нею, едва лишь она назвала его «мой господин». Когда человек начинает льстить без явной корысти — ожидай беды.

Ладно, что толку теперь жевать пережеванное! Главное — сегодня последний бой, а завтра — свобода!

Вот и противник. Кругом зашумели громче, заволновались. Начинается!

Стражники вывели второго бойца, и Арилье увидел, что рассмотреть толком лицо врага не удастся: тот был в такой же маске. Ладно, не так уж это и важно. Судя по движениям — молодой. У молодости есть преимущество — она выносливей, но есть и недостаток — молодой боец менее опытен. А Арилье за минувшее время опыта набрался!

Стражи бросили кинжал и саблю под ноги второму пленнику. Тот наклонился и поднял их. Выпрямился и сразу пошел на противника.

Первый удар, который Арилье с легкостью отбил. Второй... И вдруг — по особенной манере держать саблю, по характерному способу бить — Арилье узнал своего соперника. Дьявольский план родился в голове золотого дракона! Обеп

щал свободу, да? Последний бой — а завтра свобода...

Горько улыбнулся Арилье под своей маской. Траванкор не узнал его. Не мог узнатъ, потому что даже не предполагал о том, кто может оказаться здесь, в Калимегдане, в качестве лучшего бойца его врагов. А может быть, потому... потому что Траванкор вовсе не думал о Арилье. О другом его мысли. О свободе, о войне с Аурангзебом, о своем отце-радже... Что ж. У каждого своя дорога. Вот, значит, для чего судьба привела Арилье сюда, напялила на него страшную маску... Не так, как когда-то в детстве, шутейно, а всерьез. Все всерьез.

Но бой должен быть без подделки, иначе враги заподозрят неладное и не отпустят Траванкора. Если уж Арилье решился жертвовать собой, ему следует идти до конца — и сделать все правильно, иначе пропадет его жертва понапрасну. Уроки Шлоки накрепко затвердил Арилье. И такова была особенность этой науки, что наставления учителя вставали в памяти как раз в тот миг, когда были нужнее всего.

Мечи со свистом рассекали воздух, ударялись друг о друга, высекали искры. Удары все учащались. Зрители ревели, один только Аурангзеб не размыкал губ, да старуха с трубкой в зубах следила за поединком горящими глазами. Маленький Ширван подпрыгивал на месте от

возбуждения и кричал не переставая. Он и сам не мог бы сказать, кто из сражающихся вызывал у него больше восторга. Оба хороши!

Кусая край покрывала, следила за схваткой Рукмини, слезы катились по ее щекам. Во время первого испытания она вручила жизнь любимого верному коню — и помог ему верный конь. Кому теперь вручит она жизнь Траванкора? Тому страшному бойцу, чье лицо закрыто маской, а сердце обросло шерстью и не знает пощады?

Воздух полон был стального грома. Траванкор рубил и справа, и слева, делал резкие выпады и отскакивал, а его соперник уверенно отражал каждую атаку.

Словно выжидал чего-то.

Закусив под маской губу, Траванкор снова и снова атаковал его, и опять враг оказывался невредимым. Сам он, впрочем, атаковал мало.

Точно — чего-то ждет.

Чего?

Траванкор вдруг ощутил странное беспокойство. Нет ли какого-нибудь особо хитроумного хода в запасе у этого чужого воина?

Прислушался бы сейчас к своему сердцу — понял бы: ждет Арилье мгновения, когда поймет, что готов к смерти.

Долго длился бой. И в конце концов всем сбравшимся стало ясно: силы соперников равны. Ни один не сможет одолеть другого, разве что

поможет какая-нибудь случайность или один из двоих допустит оплошность. Кто же первым сломается?

И вдруг противник Траванкора сделал неосторожное движение. Раскрылся и замер — на мгновение дольше, чем требовалось бы. Траванкор не колебался — тотчас воспользовался преимуществом и с силой вонзил кинжал в грудь противника. Удар был так силен, что кинжал вошел в плоть по самую рукоять, и Траванкор, как его учили, резко повернул клинок в ране. Все!

Бражеский боец, хрипло застонав, упал на землю. Траванкор сорвал с лица маску, ветерок остыл потную кожу, приятно освежил ее. Сразу стало легче дышать, и мир вокруг расширился, сделался светлым и просторным.

Повернувшись спиной к поверженному бойцу — Траванкор даже не потрудился проверить, мертв ли тот, — победитель шагнул к трону Аурангзеба: он желал потребовать своего, и немедленно, пока дракон не смеет ему отказать!

Сзади раздался тяжелый вздох, и знакомый, немного искаженный маской голос проговорил:

— Вот и случилось то, чему суждено...

Траванкор застыл, не веря собственным ушам. Медленно повернулся. Сраженный им боец тихо корчился на земле. Жизнь уходила из него и вместе с жизнью заканчивались его страдания.

Дрожь охватила Траванкора, руки его онемели от ужаса. На подгибающихся ногах бросился он к тому, кому нанес смертельную рану, упал рядом с ним в пыль, сорвал с него маску...

Под личиной открылось лицо Арилье. Бледное, покрытое крупными каплями пота. Губы Арилье дернулись — он силялся улыбнуться. Хорошо уходить, в последний миг увидев рядом с собой друга!

— Арилье! — прошептал Траванкор. — Это был ты!

В глазах Арилье застыла печаль. Охваченный своим горем, Траванкор не знал, что эта печаль была первым чувством, которое Арилье испытывал за долгое, слишком долгое время, и что Арилье радовался этой печали...

— Я узнал тебя с первого удара... — прошептал Арилье.

Траванкор схватился за щеки, процарапал ногтями кожу:

— Что я наделал!

Он коснулся рукой груди друга, рядом со смертельной раной, избегая притрагиваться к кинжалу.

— Что же я наделал, Арилье! Как же я не узнал тебя?

Арилье смотрел на него, словно издалека, и во взгляде умирающего появилась отрешенная забота — забота об остающемся:

— Не обвиняй себя, брат... Мы оба сделали то, что нам было предназначено судьбой.

Траванкор наклонился к нему совсем близко. Прошептал еле слышно:

— Ты — лучший, Арилье! Ты доказал это... Ты сильнее меня...

Но не о старом, шутливом соперничестве думал в последние свои мгновения Арилье. О том деле, ради которого отправился в Калимегдан и которое так и не смог выполнить.

— Рукмини... — с трудом выговорил он. — Рукмини — здесь... Я пытался спасти ее... Спаси...

Он чуть сжал челюсти и замер.

Страшный крик Траванкора сотряс воздух. Грызя себе губы, он схватил убитого им противника в объятия, прижал к своей груди, пачкаясь его кровью, уткнулся лбом в его лоб, начал укачивать, как мать качает дитя... И все это время волчий вой вырывался из его горла, как будто он действительно был диким зверем, потерявшим самое дорогое, что только было у него в жизни...

В ярости смотрела на это Чачака. Всей душой она желала победы тому, второму. Всей душой ненавидела того, второго — за то, что позволил себя убить. Мать воинов, она хорошо понимала, что произошло. Должно быть, эти двое — друзья, и тот, второй, пожертвовал собой.

Судьба.

— Проклятье! — крикнула старуха, швыряя на землю свою трубку.

В одежде, покрытой кровью Арилье, с помертвевшим лицом, Траванкор приблизился к трону Аурангзеба. Бесстрашно глянул в его глаза.

— Прикажи, чтобы его похоронили с надлежащими почестями, — произнес Траванкор ровным голосом, странно противоречащим и его виду, и недавнему крику, полному отчаяния.

Аурангзеб чуть опустил веки.

— Да будет так.

И никто не видел, что левой рукой владыка Калимегдана сжимает лезвие кинжала. Сжимает так сильно, что сквозь его стиснутые пальцы проступила кровь...

Тем же спокойным голосом Аурангзеб добавил:

— Я обещал тебе свободу, и ты получишь ее — завтра. — Он чуть повысил голос, так, чтобы его слышали остальные. — А сегодня мы будем праздновать твою победу...

Яркими черными звездами пылали глаза старой Чачаки. Аурангзеб даже не посмотрел в ее сторону.

* * *

Не напрасно старая женщина ненавидела Рукмини! Шраддха желал насладиться этой де-

вушкой после своей победы под Патампуром. И погиб в этой битве. А девчонка даже не стоила внимания — тощая, с узкой костью. Одни несчастья от нее!

Но если бы знала старуха заранее, что Рукмини, эта ничтожная тихоня, отнимет у осиротевшей матери последнюю надежду отомстить, — своими руками бы ее придушила...

После того, как Траванкор одержал победу над воином, не знающим поражений, Аурангзеб не мог, в нарушение законов и собственных обещаний, осудить пленника на смерть. Не мог — потому что это оскорбило бы богиню.

Но она, Чачака, — старуха, женщина, — она может это сделать. Она не властитель, из-за ее поступков богиня не отвернется от города. И пусть на голову Чачаки падет гнев правителя и самих предков. Она не сомневалась в своей правоте. Если мужчины не в силах отомстить за ее сына, это немощными руками сделает старая мать.

Мужчина действует силой, женщина — коварством. По велению старухи, служанки принесли ей корзину, где та держала своих змей. Выбрав одну, старуха приложила ядовитые клыки к краю кувшинчика и выдавила туда каплю яда.

Одной капли будет довольно, чтобы человек умер. Мучительно умер, захлебываясь собствен-

ной желчью. Не в силах двинуться с места, с онемевшими руками и ногами.

Старуха представляла себе убийцу своего сына, простертого на земле, с черными губами и ужасом в глазах. Она улыбалась. Приятная картина до того завладела ее воображением, что она даже не заметила, как из-за занавески подглядывает за нею Рукмини.

А девушка мгновенно догадалась о замысле старой госпожи. Еще бы! У Рукмини было время узнать ее нрав.

Из всех испытаний вышел Траванкор живым и невредимым. Из всех, кроме одного, последнего... Кроме испытания коварством старой женщины.

Смерть отступила от Траванкора, когда он стоял перед ней лицом к лицу, и теперь подкралась к нему исподтишка, под видом лживой дружбы.

Рукмини осторожно выскользнула из юрты и побежала, таясь в темных тенях, туда, где стоял Светамбар...

Траванкор сидел в пиршественном зале — один. Перед ним были расставлены угощения, но он не прикасался к еде. Ожидал — что еще произойдет.

Разве так принимают гостя? Разве так празднуют победу? Странное представление в Калимегдане о праздниках, если победителя бросили

в одиночестве и только еду для него приготовили, точно миску для пса выставили...

Траванкор поднялся на ноги, осторожно выгляну... и увидел двух стражников, охраняющих вход в зал.

Никакой он не гость — он по-прежнему пленник. И вся окружающая его роскошь ничего не значит, коль скоро гостеприимство не от чистого сердца.

Впрочем, на гостеприимство Аурангзеба Траванкор и не рассчитывал. Только одного от дракона и желал — свободы.

Что такое яства, что такое шелковые шатры по сравнению со свободой! Так, пустой звук, погремушка на ветру.

Мимо стражников прошла служанка. Хорошенькая. С поклоном подала «гостю» бокал вина. Невежливо отказываться, да и пить хотелось; Траванкор принял бокал и собрался уже выпить, как вдруг услышал женский голос, выкрикающий его имя:

— Траванкор!

Он замер. Поднял глаза.

Словно вылетев из самого заветного сна, выскочила из тьмы Рукмини. Верхом на Светамбаре, с раскрасневшимся лицом.

— Траванкор!

Не ошибся Арилье: Рукмини действительно все это время находилась здесь, в Калимегдане.

И Светамбар, спасший жизнь Траванкора, снова с ней.

Раскинув ноги, крепко сидит Рукмини в седле. Одно движение колена — и чаша с отравленным вином, выбитая из рук Траванкора, падает на землю, яд разливается. Служанка, которую конь едва не сбил с ног, с трудом удержалась, чтобы не упасть, а вот кувшин и поднос выронила. Все упало! Все разлилось!

Служанка завизжала, стражники набросились на Траванкора, повисли на его плечах. Быстрыми, почти неуловимыми для глаза движениями Траванкор освободился от них и вскочил в седло позади Рукмини.

Пора. Вот он, долгожданный миг свободы! Все средства исчерпал дракон, чтобы задержать у себя воина, чтобы извести врага. Даже коварство ему не помогло.

И как только Рукмини ухитрилась ворваться во дворец верхом на коне? Помогла ей спесивость тех, кто возводил это великолепное здание: потолки здесь высокие, дверные проемы тавровы, что можно въехать на лошади. Когда-то, очень давно, здешних властителей выносили из дворца верхом на троне: не кланяться же владыке, выходя из собственного дворца.

Стражники шарахались в стороны. Рукмини умела управлять конем так, что даже конь превращался в оружие.

Не разбирая дороги, полетел Светамбар по улицам, а вслед ему летели стрелы и проклятия. Люди разбегались, стражники пытались пускать стрелы вслед беглецам — да какое там!.. Ничто не могло удержать чудесного коня — он как будто не принадлежал земному миру, несся над землей, подхваченный неведомой силой.

Сделав гигантский прыжок, Светамбар легко преодолел последнюю преграду, ров перед стеной, и вырвался на волю. Словно не чувствовал он двойной тяжести, так радостно было бежать ему. С каждым мгновением беглецы все больше удалялись от Калимегдана: городская стена и башни, ворота, лачуги предместья — все делалось крохотным и скоро совсем исчезло из виду.

В лицо Траванкору летели волосы Рукмини, он прижимался к ним щекой, вдыхая знакомый запах.

За их спиной нарастал конский топот, но в сердцах у обоих влюбленных вдруг воцарился мир. Спокойно им стало. Светамбар бежал без устали, и уверенность животного в своих силах передалась и людям: этот конь не споткнется, не повалится набок от усталости, не поддастся тем, кто пытается настичь его.

Он так и будет лететь над землей, почти не касаясь ее копытами, точно сама великая сила любви окрыляет его.

Преследователи не отставали. В ярости они нещадно нахлестывали своих скакунов, разбивая шкуры коней до крови, но все было тщетно. Расстояние между преследователями и беглецами медленно, но неуклонно увеличивалось.

Один за другим всадники Аурангзеба сдавались и поворачивали назад. Светамбар, повинуясь всаднице, свернул в джунгли и исчез среди деревьев.

И тогда вокруг молодых людей сгустилась тишина. Светамбар как будто тоже понял, что погоня отстала. Побежал медленнее, наслаждаясь спокойным бегом.

Рукмини повернула голову, глянула в лицо Траванкора. Все осталось позади: и плен, и горечь, и тоска. Минуты, которые она переживала сейчас, искупали все испытания. И Траванкор чувствовал то же самое.

Они молчали. Свобода была их достоянием: зеленые заросли вокруг, добрый конь под седлом, гибкое тело возлюбленной под рукой, ее дыхание возле самого его уха... И небо выгнулось над ними, чуть расцвеченное приближающимся закатом. Прохладный ветер прилетал, целовал их лица, шевелил гриву Светамбара и улетал дальше, торопясь разнести добрую весть.

— Наконец-то я нашел тебя, Рукмини...
Он вздохнул.

— Арилье нашел тебя первым. Боги, во что превратилась его жизнь! — У него зашипало глаза, Траванкор едва не плакал. — Я убил его собственной рукой, Рукмини.

— Я видела, Траванкор. Не ты убил его. В его смерти повинны наши враги, и никто больше; что до жизни Арилье, то он подарил ее тебе добровольно. Он знал, что твоя свобода дороже его жизни. Так решила судьба...

— Судьба... Мы выросли вместе, как братья. Неужели судьбе необходимо было забрать у меня брата?

— Я не знаю, Траванкор, — Рукмини улыбнулась. — Каждый из вас сделал свой выбор. Каждый пошел своим путем. Конан рассказывал, что у его народа есть такой обычай: если воины слишком дорожат своим вождем, чтобы рисковать его жизнью в сражении, находится смельчак, который надевает доспех и одежду вождя и принимает на себя все предназначенные ему удары, в то время как сам вождь сражается в одежде обычного воина... Арилье поступил так же.

— Неужели моя жизнь так ценна для Патампур? — Траванкор не хотел верить услышанному.

— Арилье счел, что — да. Не обмани его ожиданий. Будь достоин оказанной тебе чести.

Рукмини встретилась с ним глазами, и вдруг поняла, что они оба плачут.

— Я теперь изуродована, — прошептала она, показывая на свой шрам.

У него сжалось сердце, когда он увидел широкую белую полоску.

— Я даже не заметил этого...

— Я сделала это сама — чтобы вызывать у мужчин отвращение и чтобы им даже в голову не приходило коснуться меня...

Горечь в глазах Траванкора наполнила душу Рукмини состраданием, и она остановила коня.

— Передохнем...

Светамбар с благодарностью принял остановку. Наклонил голову, принял щипать траву. Ветер касался его гривы, ноздрей, конь фыркал и взмахивал хвостом, отгоняя невидимых насекомых.

Траванкор и Рукмини устроились на вершине высокого холма. Отсюда далеко видно на все стороны. Внизу, отражая разноцветные переливы заката, сверкала лента реки. Покой сходил в усталые души беглецов.

Рукмини поймала на себе взгляд Траванкора и тихо спросила:

— Почему ты так смотришь на меня?

Он улыбнулся:

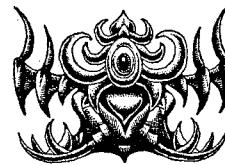
— Это ты на меня смотришь.

— Я не смотрю.

И она нарочно отвернулась, только глаза скосила.

Он не пошевелился.
— Помнишь, я сказал, что ты пахнешь луной?
Не поворачиваясь, она кивнула.
Он продолжал вполголоса, спокойно, как человек, принявший решение:
— Нет, я не это хотел тогда сказать. Знаешь ли ты — что именно?
Она молчала. Ждала продолжения.
— Я хотел сказать... — Он все-таки запнулся и продолжил с легким усилием: — Я люблю тебя.
Он протянул руку, взял ее за подбородок и осторожно, ласково поцеловал — в первый раз в жизни.

Глава восемнадцатая Решающая схватка

урангзеб не отступил от Патампура. Огромное войско подошло к стенам города вскоре после того, как Траванкор вырвался из когтей дракона и бежал, уводя с собой из плена свою возлюбленную. На сей раз не отстоять защитникам свою крепость! Падет она к ногам Аурангзеба, а вместе с нею падет и последняя надежда на независимость, и вся северная Вендия перейдет в руки владыки Калимегдана. Судьба свершится, повсюду воцарится жестокая религия свирепой Черной Матери.

Траванкор стоял плечом к плечу со своим отцом на крепостной стене, разглядывая непобедимую армию, живое море, затопившее равнину и плоскогорье перед городом. Враги подошли так близко, что могли уже обмениваться насмешками с защитниками крепости: голоса долетали с расстояния полета стрелы.

— Сдавайтесь! — вопили снизу. — Сдавайтесь, несчастные, и мы пощадим ваши жизни!

Траванкор даже не морщился. За эти несколько дней привык к хриплым голосам и не обращал на них внимания. Раджа Авенир относился к угрозам противников куда более болезненно, но и он держался так, словно ему это все было безразлично. В любом случае, сдаваться никто не собирался.

— Я послал гонцов всем, кто мог бы прийти к нам на помощь, — с горечью сказал своему сыну раджа.

Он не стал продолжать. До сих пор не откликнулся никто.

Однако Траванкор не стал в эти часы щадить чувства отца. Дело обороны куда важнее личных переживаний. Требовалось понять: стоит ли надеяться на подмогу или же следует решать дело собственными силами.

И потому Траванкор жестко спросил:

— И где же их войска? Чего стоили все эти переговоры, если все слова улетели в небеса и там растаяли бесследно, точно облака без дождя?

— Не знаю, — Авенир беспомощно пожал плечами, — может быть, их что-то задержало...

— Нет, отец! — воскликнул Траванкор. — Пора уже понять: никто нам не поможет. Мы должны рассчитывать только на собственные силы.

Раджа молчал, не зная, что ответить. Горячие глаза сына жгли его, и вдруг Авенир ощущал горький стыд, как будто это он был предателем, а не его будущие союзники. Траванкор прав! Сколько раз съезжались для советов властители и князья соседних городов и владений — и всегда расходились ни с чем. Каждый боялся утратить толику своей драгоценной власти. И в конце концов враги разбивали их по одиночке, и теряли они не только власть — но и жизнь, и свободу.

— Ратарах! — воскликнул внезапно Траванкор, заметив мальчика.

Он оставил отца и бросился к освобожденному пленнику. Траванкор не ошибся: прямо перед ним действительно стоял брат Рукмини и Гаури. Мальчик выглядел немного растерянным, взгляд его «плавал», как у сонного щенка, но тем не менее Ратарах казался совершенно здоровым.

— Ты сумел бежать? Рукмини говорила, что тебя захватили в плен!

— Да... — проговорил Ратарах. — Так и было. Но теперь все хорошо. Я свободен.

— Ты уже видел своих сестер? — спросил Траванкор, хватая мальчика за плечи и встремляясь. — Ты уверен в том, что не болен? У тебя нездоровий вид.

— Нет, со мной все в порядке...

— Твои сестры решили сражаться, как воины. Доспехи у них легкие, мечи короткие — больше для того, чтобы они чувствовали себя уверенно; их главное оружие — стрелы. Обе не плохие лучницы, особенно после того, как начали тренироваться каждый день. Ты можешь себе это представить? Моя невеста — воин! Удивительно!

Он засмеялся. Ратарах, внимательно следивший за ним, засмеялся тоже.

— Как тебе удалось бежать? — прозвучал вопрос. Он был задан не Траванкором, а кем-то другим.

Сын раджи обернулся и увидел Конана. Киммериец внимательно рассматривал мальчика, и Ратарах съежился под этим взглядом.

— Я... отправился вместе с войском... — пробормотал Ратарах. — Дигам взял меня с собой. А потом я удрал. В сумятице они не заметили, как я скрылся.

Конан кивнул и отошел. Траванкор удивленно посмотрел ему вслед, а затем вновь обратился к мальчику:

— В любом случае, я очень рад, что ты теперь с нами. Иди, разыщи своих сестер. Они будут счастливы.

— Я тоже так думаю, — сказал Ратарах и, повернувшись, медленно зашагал по улице.

* * *

Готовясь отразить натиск неисчислимой армии противника, Траванкор старательно вспоминал все, о чем говорил ему Шлока накануне разлуки.

Подземные ходы. Вся земля под крепостью пронизана ими. Были выкопаны давным-давно, чтобы в случае безнадежно тяжелой осады защитники Патампурा могли ими воспользоваться и бежать от врага, уже проникшего внутрь городских стен. Но, добавил тогда Шлока, слишком часто оказывалось, что врагам известно слишком многое.

«Запомни, среди нас — предатель», — сказал на прощание учитель.

Траванкор не забывал этих слов. Не забывал он и того, как они сбылись: ведь только благодаря предательству враги смогли выследить сына раджи и обманом захватить его в плен.

Траванкор не стал выяснять, кто именно его предал. Не до того было. Да и лишнее это: перед лицом наступающего многочисленного врага докапываться до мотивов и побуждений своих соратников. Пуще предательства боялся Траванкор оскорбить по-настоящему преданных людей. Это — куда страшнее. Раны, нанесенные пустым подозрением честной душе, заживают очень нескоро.

Поэтому подземные ходы было решено использовать иным способом. О своем намерении Траванкор до поры не сообщал никому, даже отцу. Об этом знали лишь те несколько воинов, что выполняли приказание военачальника.

Измазанные с головы до ног земляным маслом, которое они черпали из небольшого озерца к северу от города, в джунглях, выходили они из подземелий. Траванкор заметил их сверху, с крепостной стены, и скорее спустился, чтобы узнать — как идут работы.

— Твое задание выполнено, Траванкор, — кратко доложил ему один из них.

— Хорошо, — молвил юный полководец. И поднял голову, словно надеясь увидеть сквозь стену вражеское войско, плотным кольцом окружившее Патампур.

И снова мысли Траванкора поневоле обратились к тому, кто его предал. Поблизости, может быть — в двух шагах от него — находится предатель...

Рослый человек отделился от стены и приблизился к сыну раджи.

— Конан! — Траванкор вздрогнул и тотчас улыбнулся. — Боги, ты испугал меня!

— Что ж, наконец-то мне удалось сделать в Патампуре хоть что-то стоящее, — невозмутимо отозвался Конан.

Молодой человек покачал головой.

— Я не вполне понимаю тебя...

— Звездочет твоего отца, Саниязи, исчез, — сказал Конан. — Благородный раджа Авенир весьма обеспокоен этим обстоятельством.

— Звездочет? — Траванкор пожал плечами. — Не думаю, чтобы это была такая уж большая потеря для города.

— Вот именно, — сказал Конан. — Ты об этом не думал. Да и я, признать, не думал об этом. Видишь ли, Траванкор, я всегда терпеть не мог всяких там колдунов и жрецов, адептов темного учения... Что до звездочета, то я считал его шарлатаном и попросту не замечал. И это было ошибкой.

— Ты хочешь сказать... — начал было Траванкор, замирая от ужаса: выходит, предатель все эти годы находился рядом с его отцом и мог убить раджу Авенира в любое мгновение!

— Да, — жестко ответил Конан. — Я хочу сказать, что Саниязи все эти годы служил Аурангзебу. Докладывал ему о том, что слышал в покоях раджи. Пересказывал разговоры, которые велись в его присутствии. Мы допустили большую ошибку, недооценивая этого человека! А он воспользовался тем, что все мы — воины и потому... — Конан невесело ухмыльнулся: — ...бываем глуповаты. Во всяком случае, недальновидны. Кто еще знает о твоем плане обрушить подземные ходы?

— А ты откуда знаешь? — удивился Траванкор.

— У меня есть глаза и уши, — ответил варвар. — Возможно, кто-нибудь из доблестных жителей Патампурा также наделен этими дарами богов. Никогда ведь нельзя знать наперед.

— Теперь, когда ты сказал мне о звездочете, я в полной растерянности, — признался Траванкор. — Не знаю, что и делать. Кому верить? Как поступать?

— Продолжай свое дело, — посоветовал варвар. — А я продолжу мое. Ты отражай натиск врага, а я завтра на рассвете отправлюсь на поиски Саниязи. Надеюсь, мы с ним встретимся прежде, чем он выполнит свое подлое намерение.

Траванкор хотел что-то добавить, но только кивнул и поскорее ушел. Он боялся расплакаться. Конан с легкой усмешкой проводил его глазами. Хорошая пора — молодость! Столько вещей, которые тебя удивляют! Только жаль, что поводы для удивления, как правило, оказываются более чем печальные.

* * *

Ночь поглощает землю и находящихся на ней людей и животных, утаивая их количество. Любой может скрыться в темноте, раствориться

в ней — как не бывало. Но только не сейчас, во время осады, когда ночь вдруг вспыхнула сотнями, тысячами походных костров. Словно небо упало на землю вместе со всеми своими звездами. И вот тогда стало очевидно, что армия, стоявшая под стенами Патампурा, воистину неисчислима.

Днем можно было рассмотреть каждого отдельного воина. Увидеть фигуры людей, оружие, коней. Когда видишь противника отчетливо, лицом к лицу — не так страшно. Ночь спрятала людей, явила только их количество, измеряемое кострами. Умножь каждый костер на десять, на двадцать... Собьешься со счета.

Не спят в Патампуре. Многие смотрят на эти костры. Предстоит сражение, которое унесет тысячи жизней. Страшно представить себе, что произойдет в крепости, если враги затопят ее. Не пощадят никого, ни женщин, ни стариков, ни детей. Где-то там, во мраке, — Аурангзеб, пылающий жаждой мести, жаждущий уничтожить воина из пророчества...

Не спится в эту ночь жителям Патампурा. Многие с надеждой поглядывают на Траванкора.

Молод этот новый военачальник, слишком молод. Лицо у него грустное, задумчивое. О чем он про себя думает — и не догадаешься. И разговаривает просто, как обычный солдат, хотя, по слухам, прочел немало книг и многое знает.

Зная, что все равно не заснет в ночь перед решающей битвой, Траванкор устроился возле одного из костров, что пылали на перекрестках города. Там звучала музыка: один из воинов наигрывал на маленьком струнном инструменте, другой отбивал ритм на барабанчике, третий напевал. Люди жались друг к другу в поисках душевного тепла. Киммериец Конан сидел неподалеку, прямо на земле, и невозмутимо потягивал вино из кувшина. Даже в самые тяжелые для Патампуря дни варвар ухитрялся где-то раздобыть выпивку.

Рядом с бойцами притулился совсем маленький мальчик. Что-то ожидает этого человечка завтра — и в ближайшие дни? Сумеют ли мужчины спасти его жизнь и свободу? И как сложится его судьба потом, после битвы за Патампур? Станет ли он вольным человеком, попадет ли в вечное рабство к Аурангзебу?

Траванкор старался не думать о таких вещах сейчас, когда ему потребуются все его силы. Главное — выполнить свое предназначение. Если только Шлока прав... Но пока что события показывали одно: учитель не ошибался.

Долго смотрел Траванкор на костер — главное утешение воинов. Рассматривал темные силуэты людей. Множества людей. И за каждого он, полководец, отвечает перед богами и собственной совестью...

Вот легкая тень мелькнула между кострами. В любой темноте, при любых обстоятельствах узнал бы Траванкор эту тень!

— Рукмини!

Девушка приблизилась к нему, глянула в его глаза.

— Ты видела Ратараха? — спросил Траванкор. — Ему удалось бежать, и он снова с нами!

— Ратараха? — Девушка в недоумении посмотрела на своего возлюбленного. — Нет... Как странно! Я искала тебя. Мне хотелось побывать рядом с тобой хотя бы недолго, ведь завтра — кто знает! — может быть, мы расстанемся навсегда...

— Не говори таких слов...

Она прижалась к нему, коснулась щекой его щеки и убежала в ночь.

И почти тотчас из темноты выступил ее брат. Траванкор схватил его за руку.

— Вот ты где! Я думал, ты пошел к своим сестрам.

— Зачем? — спросил Ратарах удивленно.

— Чтобы обрадовать их, дурачок! Твое избавление — настоящее чудо. Они очень горевали по тебе.

— А, — молвил Ратарах, блуждая глазами.

— Да что с тобой? — удивился Траванкор. — По-моему, ты все-таки болен...

— Нет, я здоров, — ответил мальчик и вдруг взмахнул кинжалом. Он целил Траванко-

ру в основание шеи. Одним гигантским прыжком Конан очутился рядом с убийцей и свалил его с ног.

Выказывая удивительную для своего возраста и сложения силу, мальчик отбивался. Северянину стоило немалых усилий удержать своего юного противника на земле. Конан навалился на него всей тяжестью, схватил за тонкие запястья. Ратарах выгибался дугой, хрюпал, лягался, изо рта у него шла пена, глаза бешено вращались в орбитах.

Траванкор подобрал кинжал и увидел на кончике лезвия темные пятна. Яд! Кто-то подослал к нему Ратараха с поручением убить воина из пророчества. «Кто-то»? Долго гадать не приходится — у Траванкора немало врагов, и Дигам среди них — не последний.

— Помоги мне связать его, — пропыхтел варвар. — Сдается мне, один я его не одолею.

Вместе с несколькими воинами Конан наконец скрутил руки и ноги Ратараха. Не доверяя прочности веревок, варвар попросил принести еще и цепи, что было исполнено одним из стражников. Наконец мальчик оказался опутан веревками и цепями, точно муха, попавшая в паутину.

За все время отчаянной драки Ратарах не произносил ни слова. Он только дергался, пытаясь высвободиться, несмотря на очевидную не-

возможность этого. Его горло дрожало, испуская звериное рычание.

«Хорошо, что Рукмини этого не видит», — подумал Траванкор.

Конан снова усился на землю, с сожалением посмотрел на разбившийся кувшин. Затем поднял взгляд на Траванкора.

— Ну вот, — невозмутимо проговорил северянин, — теперь у нас появилась тема для беседы. По-настоящему захватывающая, не находишь, Траванкор?

Юноша молча кивнул.

— Садись, — пригласил варвар.

— Так вот кто предатель, — прошептал Траванкор, указывая на Ратараха.

— Он? Предатель? — Конан громко расхохотался. Темнота, ожидание битвы, только что разыгравшаяся трагическая сцена — все это меньше всего подавало поводов к веселью. И тем не менее киммериец смеялся.

Наконец он провел широкой ладонью по лицу.

— Траванкор, ты невыразимо глуп! — объяснил Конан. — Этот мальчик никак не может быть предателем. Я называл тебе имя человека, который выдавал все твои замыслы врагу. И с этим человеком я завтра поквитаюсь, пока ты будешь убивать воинов Аурангзеба. — Киммериец обвел глазами всех свидетелей случившегося. — Говорю перед всеми! Ратарах никого не

предавал по собственной воле. Вы сами видели, как он отбивался. Мы вчетвером едва совладали с хрупким мальчишкой. Разве такое возможно без колдовства? Он находится под действием каких-то злых чар. Его необходимо держать связанным и скованным — до тех пор, пока я не приду и не скажу, что его можно отпустить. А до этого — пусть плачет, пусть притворяется «хорошим», — не поддавайтесь! Пусть жалости не будет места в вашем сердце, ибо существо, которое лежит перед нами, — не Ратарах, не брат Рукмини и Гаури, но какой-то злокозненный демон в теле Ратараха.

— Киммериец прав, — раздались голоса.

— Только не причиняйте ему вреда, — предупредил Конан. — Я знаю, что благоразумие иной раз делает людей неблагоразумными, и они становятся жестокими без всякой надобности. Пока остается надежда снять заклятье, мальчик будет жить. Хорошо?

— Я прослежу за ним, — вызвался один немолодой воин. В мирной жизни он был кожевником, и от его волос до сих пор пахло растворами, в которых он вымачивал свои кожи.

Конан одобрительно взглянул на его крепкую мускулатуру.

— Хорошо. — Киммериец перевел взгляд на сына раджи. — Ты согласен, Траванкор?

— Да, — кратко бросил молодой полководец.

Конан ухмыльнулся, поднялся на ноги и ушел. Как подозревал Траванкор — к одной из своих подруг, которые снабжали киммерийца и вином, и ночлегом, и потаенными ласками.

* * *

Утро пришло с кровью. Еще накануне от Траванкора прибыл гонец к Аурангзебу, передал предложение: опять устроить поединок между лучшими воинами обоих станов. Как было сделано в первый раз, когда к стенам крепости подходил Шраддха.

Но Аурангзеб — не Шраддха, иначе устроен. И мыслит иначе. Время поединков миновало. В таких единоборствах не одолеть воина из пророчества, судьба будет на его стороне. Лучше и не пытаться, не искушать богиню. В этом Аурангзеб убедился еще в те дни, когда Траванкор был у него в руках, и он, владыка Калимегдана, не сумел убить одного-единственного пойманного воина. И удержать его не сумел. Бежал Траванкор, просочился между пальцами, как ветер.

— О, так из Патампурा прислали гонца? — усмехнулся Аурангзеб. — Ну так устройте ему почетную встречу!

...С крепостной стены Траванкор смотрел на то, что сделали враги с его посланником. Не сумели одолеть военачальника — отыгрались на

гонце. Привязали за руки и за ноги к четырем лошадям и на глазах у всех защитников крепости разорвали на четыре части. Когда тело несчастного упало на землю, враги разразились воинственным кличем, мечи засверкали над их головами.

Аурангзеб выехал вперед. Обратился к своему воинству:

— Пленников не брать! Мы сравняем этот город с землей! Я отдам мою дочь тому, кто принесет мне голову Траванкора!

...Страшные кровавые останки долго еще лежали под стенами, привлекая воронье...

— То же и с нами будет, если сейчас не выстоим, — сказал Траванкор своим людям:

Прямо на глазах стареет юный военачальник. Брови сходятся на переносице, глаза все темнее глядят, все глубже западают в глазницы. Даже Рукмини в эти мгновения с трудом узнавала его. Разве что изгиб рта остался прежним.

— Если не отобьемся, нашим уделом станет рабство, — только и сказал Траванкор, оборачиваясь к своему отцу.

Раджа Авенир, бледный как полотно, наблюдал за происходящим. Переводил взгляд с разорванного тела своего гонца на неисчислимое море врагов, искал глазами чистый горизонт — и не находил его. Нет выхода из Патампурा, кро-

ме одного: через битву и победу. Нужно выстоять. Нужно!

И раджа Авенир, вовсе не воин по природе, решил: коль скоро не в состоянии он сражаться, как подобало бы истинному бойцу, будет он просто держаться. Не уйдет, не отведет глаз, не покинет город — и разделит его участь. Наверное, Шлока сказал бы ему сейчас, что в этом и заключается настоящее мужество.

Началось!

Понять это можно было по тому, как громко, громче прежнего, закричали недруги. До несся их яростный визг, грохот барабанов. Огромная катапульта выкатилась из-за холма и неожиданно предстала перед ошеломленными защитниками крепости. Большой камень ударили в стену. Комья сухой глины полетели в разные стороны. Второй камень вслед за первым перелетел через стену. Закричали первые раненые. На стену поспешно поднимали сетки с камнями. Под котлами с маслом уже разводили огонь, готовясь опрокинуть его на головы штурмующих.

Аурангзеб сидел на коне неподвижно. Взирал на происходящее величаво, словно бы издалека. Лицо его не изменялось, даже веки почти не моргали. Аурангзеб поднял меч. Солнце сверкнуло на стали, словно вспыхнул маяк. Пора! Огромная армия пришла в движение. Как гигант-

ская лава, она потекла в сторону крепости. Нет спасения Патампуру!

На лице Аурангзеба наконец появилось подобие улыбки. Все-таки он нашел способ одолеть судьбу! Против такой силы ничто даже воин из пророчества. Не бывает, чтобы один выстоял против тысячи.

Траванкор и его отец стояли на самой стене, пренебрегая опасностью. Большинство камней, выпущенных из катапульты, перелетало через стену и падало в городе. Рушились дома, вздымались тучи пыли, и каждый раз из этой тучи доносились отчаянные крики. Люди пытались спастись бегством. Но куда бежать? Они заперты в собственном городе, как в ловушке, и нет безопасного места, где не достанет их прилетающая с неба смерть.

— Они нас всех перебьют, — сказал раджа Авенир. Обтер запыленное лицо, осторожно заглянул в глаза сыну: что тот решил? Как будет разрушать катапульту? Лучники пока бесполезны, а больших метательных орудий в крепости нет.

— Траванкор, — вмешался один из воинов, — прикажи, мы пойдем на них!

— Рано! — коротко отрезал Траванкор.

Казалось, он ждет чего-то... Чего? Чего можно дождаться, сидя здесь, в крепости?

Траванкор двинулся вдоль крепостной стены, сопровождаемый свитой. Нужно выяснить,

велики ли повреждения. Не успел он сделать и нескольких шагов, как упал еще один камень. Рядом с Траванкором упало двое, а он шел, окутанный клубами пыли, как будто заговоренный, и даже не пригибался.

И вдруг перед Траванкором появился человек. Видно было, что тот проделал долгий путь и выдержал одну или две схватки, пока пробирался к Патампуру. Покрытый пылью и кровью, раненый, едва держащийся на ногах от усталости, он свалился на землю прямо перед Траванкором.

Траванкор быстро наклонился к нему. Он видел, что человек этот пытается что-то сказать.

— Что? — переспросил Траванкор. — Что ты говоришь?

Человек едва шептал. Траванкор подставил ему ухо и рассыпал:

— Мохандас на подходе. Он просил дождаться!

Траванкор выпрямился, радость блеснула в его глазах. Все-таки помочь будет! Продержаться несколько часов — вот и все, что осталось. Задача непростая, но решаемая. Траванкор давно придумал, как ее выполнить.

Раджа Авенир заламывал нежные руки, не привыкшие держать оружие. Его сердце разрывалось от боли. Сколько погибших! Сколько истекающих кровью! Неужели все возвращается — и никогда не закончится?

Авенир повернулся к сыну:

— Ты не забыл о наших подземных ходах?
Бежать. Вот единственная возможность оставаться в живых. Потом можно будет вернуться и отомстить. Отобрать назад Патампур. Ударить на врага со свежими силами. Потом. Сейчас главное — сохранить жизнь... тем, кто еще жив.

Но Траванкор покачал головой. И даже мимолетно улыбнулся, как показалось удивленному отцу. Глаза молодого воина блеснули:

— Нет, отец, подземными ходами нельзя воспользоваться. Я приказал заполнить их земляным маслом.

Раджа Авенир отшатнулся, как будто внезапно наступил на змею. Что угодно ожидал он услышать, только не такое! Собственными руками уничтожить последнюю надежду на спасение! Никогда ему не понять собственного сына. Кого воспитал из Траванкора мудрец Шлока? Безумца?

Словно догадавшись о мыслях, промелькнувших в голове потрясенного отца, Траванкор улыбнулся ему — просто, обезоруживающе:

— Мы будем биться до конца.

* * *

Киммериец выбрался из Патампуря через подземный ход еще до того, как последний из

них был заполнен земляным маслом. Он отъехал от Патампуря всего на несколько полетов стрелы, когда увидел, что его догоняют. Конан остановил коня.

— Гаури! — удивленно проговорил он. — Вот уж не ожидал. А твоя сестра знает?

— Моя сестра? — произнесла Гаури. Потом ослепительно улыбнулась. — Ну конечно. Она знает.

— Ты хочешь поехать со мной?

— Да, — уверенно кивнула Гаури.

— Имей в виду, дело предстоит непростое, — предупредил Конан.

— О, я знаю, — сказала Гаури и улыбнулась еще шире. — Непростое дело.

Конан оглянулся на город. Теперь отсылать от себя девушку уже поздно. Ей не вернуться назад, не пробраться сквозь ряды вражеского войска, кольцом окружившего Патампур. Придется тащить ее с собой.

— По крайней мере, ты умеешь стрелять из лука, — проворчал Конан. — Но когда дойдет до настоящего дела, до рукопашной, — прошу тебя, не вмешивайся. Спокойно стой в стороне.

— Хорошо, — послушно согласилась Гаури.

Конан еще раз покосился на нее, но девушка выглядела совершенно безмятежно. Она была одета в точности так же, как вчера. Странно только, что отправляясь в опасное путешествие,

она не надела плотную кирасу из выделанной кожи. Зато на ее шее красовалось широкое золотое ожерелье, какого Конан у Гаури прежде не видел.

— Красивая вещь, — кивнул на ожерелье варвар.

— Тебе нравится?

— Да. Где ты его взяла?

— Оно мое, — чуть насупилась Гаури.

— Не боишься потерять?

Вместо ответа девушка громко рассмеялась.

Конан торопился. Он был уверен в том, что звездочет-предатель сейчас находится вовсе не среди солдат вражеской армии. Нет! Саниязи слишком дорожит своей драгоценной жизнью. Он убежден в том, что раджа Авенир его недооценивает. Конан встречал подобных людышек не раз и хорошо знал им настоящую цену. Раджа Авенир не недооценивал своего коварного звездочета — он его переоценивал!

Жалкий шарлатан, который захотел большой власти... Куда он, скорее всего, направится?

Ответ был очевиден: Саниязи знает о том, что в храме Кали больше нет жреца, что статуя богини осталась без служителя. Он захочет занять место Санкары.

Конан уверенно пробирался сквозь джунгли. Он хорошо помнил дорогу. Вот стоянка, где он расстался с Арилье и Рукмини. И с бедным Ра-

тарахом, который до сих пор находится во власти злых чар.

Неожиданно Конан понял, что скучает по Арилье. Парень был хорош. Если бы ему позволили вырасти в зрелого мужа...

Ах, Шлока! Конан не сомневался в том, что подбирая себе учеников, мудрец не только искал способа спрятать в толпе мальчиков сына раджи.

Шлока нашел для своего воспитанника того, кто осмелится стать его двойником — кто заменит воина из пророчества в тот миг, когда смерть протянет к нему свои алчные руки...

Словно отвечая на мысли киммерийца, высоко в небе прокричал орел.

Гаури вздрогнула и съежилась, как будто боялась, что птица заметит ее с высоты и нападет на нее, чтобы унести в когтях, как кролика. Конан удивленно покосился на нее:

— Что с тобой, Гаури? Ты испугалась?

Она улыбнулась:

— О, нет! Просто удивилась. Это ведь Шлока — там, в высоте?

— Шлока? — Конан вспомнил о том, что говорили об учителе Траванкора: будто он иногда обращается орлом и озирает всю землю из поднебесья. — Возможно... Сейчас не это должно нас с тобой беспокоить, Гаури... Смотри, здесь я видел Арилье в последний раз.

Конан, разумеется, знал о том, что Гаури была влюблена в Арилье. И втайне страдала от того, что парень не отвечал ей взаимностью, предпочтя ее сестру. Но сейчас Гаури выглядела вполне довольной. Она весело засмеялась:

— Это было здесь? Как интересно! На том месте, где был человек, иногда остается призрак...

Конан чуть прищурился, рассматривая девушки внимательнее. Гаури казалась совершенно безмятежной. Конан добавил:

— Никаких призраков мы искать здесь не будем. Войдем в чащу и передохнем, а коней оставим здесь. Привязывать не будем. Ты умеешь подзывать свою лошадь свистом?

Гаури кивнула, немного растерянно. Казалось, этот простой вопрос поставил ее в тупик, и она не слишком хорошо понимает, как ответить правильно.

Конан пошел первым. Гаури двинулась за ним. Они миновали густой кустарник, а затем Конан неожиданно повернулся, и путники очутились перед глубоким ущельем. Внизу протекала речка, невидимая с берега. Вода шумно журчала на перекате.

Конан смерил взглядом расстояние до противоположного берега.

— Вряд ли мы сумеем перепрыгнуть, — заметил варвар. — Здесь довольно далеко.

— Нет ничего проще, — заявила Гаури, сверкая улыбкой.

— Я, пожалуй, рисковать не стану, — покачал головой варвар. — Я слишком тяжелый. Одно дело — свалить быка ударом кулака между рогами, и другое — летать по воздуху, как птичка. Это не для меня.

— В таком случае, нужно навести переправу, — подумав, сказала Гаури.

— Точно! — просиял варвар. И сделал глупое лицо: — Но как?

— Я знаю! — Казалось, Гаури просто в восторге от того, что у нее наконец-то появилась возможность показать свои способности. — Смотри и учись, киммериец!

Она подбежала к высокому дереву, росшему на краю обрыва. Уперлась ладонью в ствол и, не переставая улыбаться, легким толчком повалила дерево так, что оно легло над ущельем, точно мост.

— Вот и переправа! — объявила Гаури. Конан не моргнул глазом. Он преспокойно перешел по стволу на другую сторону. Гаури перебежала следом.

— Ты доволен? — спросила она. Конан повернулся к ней.

— Очень! — ответил он. — Ты просто чудо, Гаури. Я никогда прежде не знал, какая ты замечательная.

* * *

Найти пятнадцать добровольцев, отчаянных голов, для Траванкора не составило труда. Со стен крепости жутко было наблюдать за тем, как пятнадцать всадников выезжают навстречу неисчислимому войску. Всего пятнадцать человек с факелами в руках. Стремглав выскочили они из ворот крепости и полетели прямо на врагов. В ярком солнечном свете факелы горят совсем бледно.

Полетели стрелы — тучи стрел, но всадники мчатся, как заколдованные: ни одна стрела не достигает цели. Нет, одна все-таки сделала свое черное дело: всадник упал. Остальные, не заметив этого, продолжают скачку...

Теперь все зависит от их ловкости и умения. Стремительно и почти весело, мчатся они по кругу, бросая факелы.

И, вызванный из-под земли, вспыхнул огонь! Пламя побежало по тренировочному полю перед стенами Патампуря, мгновенно поднявшись стеной. Огромный огненный круг прочертил землю и взлетел к небу, словно желая отрезать прошлое от настоящего.

Внутри этого круга оказалась большая часть калимегданского воинства. Запертые в ловушку пожара, воины заметались, закричали. Те, что остались снаружи, тщетно пытались им помочь.

Сквозь сплошную завесу пламени было не пробиться. Лошади отказывались идти в огонь, бились, сбрасывали седоков.

И тут со стен Патампуря наконец-то полетели стрелы. Казалось, каждая находит свою цель. Ржали кони, кричали люди.

Аурангзеб отошел подальше, судорога искаziaла его лицо, дернулась щека, глаза сощурились, превратились в щели, ноздри раздулись. Хорошо обученный конь под повелителем Калимегдана не дурил, стоял ровно, хотя и видно было, что животное испугано и охотнее всего унесло бы седока как можно дальше от этого ужаса. Черный дым окутал все вокруг.

Траванкор хорошо видел происходящее. То и дело порывы ветра на мгновение разгоняли дым, открывая для наблюдателей жуткие картины. Ни бровью не повел Траванкор, глядя на погибающих врагов.

— Арилье, — шептал он. — Прости меня... Я слышу, как плачет твоя душа... Прости меня, брат. Я отомстил за твоих родителей, за мою мать, за тебя...

Издалека донесся крик орла.

И, словно отвечая птице, послышался отдаленный шум. Как будто волны прилива бились о берег... Это подходила к Патампуре конница, которую привел на выручку радже Авениру гордый раджа Мохандас.

* * *

Звездочет Саниязи понимал, что опасную игру нельзя вести до бесконечности. Рано или поздно кто-нибудь из приближенных раджи Авенира догадается о том, кто выдает врагам все тайные замыслы Патампуря. Если не сам раджа, то его пронырливый сынок, а если не сынок — то этот проклятый киммериец, который так ловко прикидывается глупцом...

Насчет Калимегдана Саниязи тоже не обольщался. Аурангзеб не слишком-то жалует жрецов и звездочетов. А уж с предателем у повелителя Калимегдана разговор и вовсе будет коротким. Посулы да обещания — все это до победы; а после победы Аурангзеб наверняка скажет: «Предал Авенира — предашь и меня» — и распорядится звездочета повесить.

Нет, Саниязи желал заранее обезопасить себя. Заручиться поддержкой существа, которое сделает его, звездочета, куда более могущественным, нежели сам владыка Калимегдана. Саниязи искал прибежища в храме Кали.

Он добрался до статуи и припал к ее крашенным стопам.

— О Черная Мать! — взывал Саниязи. — Дай мне убежище! Научи меня выполнять твою волю! Я стану твоими глазами, твоими руками, я буду прислуживать тебе... Я выполню все, что

ты повелишь. Я буду прахом у твоих ног, я стану ступенью для твоих ступней! Внемли мне, великая богиня, и дозволь занять место твоего служителя.

Он молился и зажигал благовония, он обвещивал идола украшениями — дарами раджи, которые беглый звездочет прихватил с собой из дворца. Саниязи сулил богине полную покорность и юных девственниц в жертву.

И на рассвете Кали выказала ему свою благосклонность: она тряхнула ожерельями и шевельнула языком, а затем топнула ногой, оставив на спине лежавшего ничком Саниязи отпечаток своей ступни.

Отпечаток этот все время горел, жег кожу огнем, но Саниязи был счастлив: отметина богини означала ее вечную благосклонность.

И потому, когда на пороге храма показалась фигура рослого варвара с обнаженным мечом, Саниязи только рассмеялся.

— Конан! Я должен был догадаться... Ты все время следил за мной, не так ли?

— Так, — сказал Конан, делая шаг вперед.

— Ты ведь никогда не доверял мне?

— Точно, — Конан сделал еще один шаг.

— Смотри! — Саниязи повернулся к нему спиной, показывая ожог.

— Задница, — сказал варвар. — Ничего нового.

Он приблизился к звездочету еще на один шаг.

— Богиня оставила мне знак своего благоволения, — закричал Саниязи в исступлении. — Пади передо мной на колени! Поклонись ей, варвар! Поклонись ей!

— Ну вот еще! — возмутился Конан.

— Я — ее новый избранник! — надрывался Саниязи.

Конан поднял меч и с силой опустил его на голову звездочета. Брызнула кровь, заливая статую Кали. Выражение удивления так и не сошло с лица Саниязи.

А Конан одним прыжком переместился в сторону и успел уклониться от стрелы, прилетевшей из арки входа.

Произошло то, чего ожидал варвар: в храм вбежала Гаури. В руках девушка держала лук. Она все еще улыбалась.

Конан бросил кинжал, целя ей в глаз. Киммериец не промахнулся: лезвие действительно угодило в левый глаз Гаури... и сломалось. Девушка засмеялась:

— Ты догадался!

— Да, — сквозь зубы проговорил киммериец.

— Когда?

— Почти сразу... Ты глупа, дьяволица! Ты ничего не знаешь о людях!

— Я знаю о людях слишком многое, — возразила Гаури — точнее, Кали, принявшая ее обли-

че. — Я видела их тысячи раз. И всегда они меня разочаровывали.

— Что ж, могу и я разочаровать тебя. Я видел сотни дьяволиц, и ни одна не ушла от моей руки.

— Хватит болтать!

Кали бросилась на Конана. У нее не было никакого оружия, свой лук она выронила. Киммериец, не колеблясь, рубанул ее мечом. Тщетно! Ему показалось, что он ударил клинком не человеческое тело, а дрёвесный ствол.

Кали засмеялась опять.

— Глупец!

Она схватила меч Конана пальцами. Киммериец с силой выдернул его. Кали метнулась в сторону с быстротой, делавшей ее движения почти неуловимыми для человеческого глаза. Киммериец с криком бросился за ней.

Они гонялись друг за другом по храму, пока Конан не начал тяжело дышать. Гибкое тело Гаури лоснилось от пота.

Конан остановился, чтобы перевести дыхание. Девушка хмыкнула:

— Кажется, ты устал, человечек? Хочешь передохнуть?

Она покачала головой с демонстративной грустью.

— Все эти мужчины полагают, будто доставляют мне радость, принося мне в жертву девст-

венниц. А я, между прочим, люблю смотреть, как умирают воины. Ты будешь самой чудесной жертвой!

Конан яростно бросился на нее. И снова меч нанес удар впустую.

— Не трать силы, — сказала Гаури-Кали. — Тебе не убить меня.

— Кром! — зарычал Конан. — Ни один демон не стоял против добной киммерийской стали!

Он кружил вокруг Гаури, снова и снова пытаясь атаковать ее. Демоница играла с ним. Она не старалась убить Конана побыстрее. Зачем? Ей доставляла удовольствие жестокая игра. Он не мог причинить ей вреда, она же наслаждалась его яростью, его бессильным гневом.

Но Конан был вовсе не так глуп, как представлялось Кали, опьяненной чувством превосходства. Нанося демонице все новые удары, Конан внимательно следил: нет ли такого места на неуязвимом теле «Гаури», которое демоница защищала бы от клинка?

И нашел. Под правой мышкой. Кали делала все, чтобы киммериец не коснулся, даже случайно, этого участка. И Конан решил действовать. Он сделал еще несколько «глупых» выпадов — в голову, в ноги, а затем, издав оглушительный воинский клич, размахнулся и вонзил клинок прямо под правую мышку своей жуткой противницы.

«Гаури» сломалась. Она вдруг вся побелела и начала светиться изнутри, потом вытянулась струной и сделалась как будто выше ростом. Все черепа на статуе Кали затряслись, в то время как девушка кричала — все более пронзительно и отчаянно.

Этот вопль, казалось, заполнил всю вселенную. Конан, морщась, зажал ладонями уши. Еще несколько мгновений — и тело «Гаури» вспыхнуло. Ослепительное белое пламя охватило его. Одновременно с этим запылало багровым огнем и тело идола Кали. Конан выскошил из храма и, переводя дух, остановился в полете стрелы от здания. Вот уже раскалились древние камни, из которых было сложено все строение. С шипением обугливались листья. Красное свечение помаргивало сквозь листву. Затем камни начали осыпаться — они превращались в песок.

И из пепла и праха вышла пылающая огнем статуя. Она прошла несколько шагов по направлению к киммерийцу, а затем вдруг вся затряслась и начала разрушаться.

* * *

В открытые ворота Патампуря навстречу врагу вылетела конница. Начался кровопролитный бой. Сражение выплеснулось за стены города, где каждому приходилось уворачиваться

сразу от двух врагов: и от воинов, и от пламени. Часть врагов все же прорвались в крепость, улицы обагрились кровью: неприятеля поджидали и сумели встретить достойно. Вслед за всадниками вошел в город и пожар. Деревянные строения охватило пламя. Женщины и старики тушили огонь, сбрасывали на головы захватчиков камни, обломки стен, осколки черепицы. Шум и крик стоял такой, что сами небеса, казалось, вздрагивали, слыша их.

Аурангзеб, окруженный своими приближенными, наблюдал за ходом битвы. Он стоял на холме, в стороне от сражения, и тщетно боролся с нарастающим в душе смятением. Как же так? Как такое могло случиться? Почему его воины бегут? Ведь защитников Патампурा намного меньше! Их заперли в городе, их почти вынудили сдаться... Что же происходит?

Он не хотел верить в то, что судьба свершилась...

* * *

Траванкор в простой кольчуге, в помятом шлеме, сражался как простой воин среди своих людей. Командовать ими уже не было необходимости: каждый знал свой долг и находился на своем месте. Несколько раз он видел поблизости Рукмини — девушка умело разила врагов ко-

ротким мечом. Напрасно Траванкор сомневался в ее умении: должно быть, это Арилье хорошо выучил Рукмини и ее сестру искусству фехтования.

Превратности битвы разлучили Траванкора и Рукмини. Девушка побежала в город, где тоже кипело сражение.

Там ее и отыскал запыхавшийся воин.

— Ты — госпожа Рукмини? Твой брат зовет тебя.

— У меня нет брата.

— Он пришел в себя, он зовет тебя. Говорят, что ваша сестра — в большой опасности.

Рукмини побежала в сторону дворца, где в надежном каменном подвале содержался связанный по рукам и ногам Ратарах.

Мальчик бился в путах и кричал, бешено врающая глазами:

— Гаури! Гаури! Киммериец убьет ее! Он убивает ее! Гаури! Гаури!..

Рукмини несколько мгновений смотрела на него, а затем перевела взгляд на стражу:

— Охраняйте его хорошенъко и не вздумайте освободить!

Она повернулась и побежала обратно, туда, где кипело сражение.

* * *

Высоко в небе кружит орел, почти не взмахивая крылами. Взгляни на него — и покажется, будто время течет медленнее, а потом и вовсе замирает, и будет стоять неподвижно, пока пронзительный крик птицы не позволит ему тронуться с места. И нет на земле ничего, что укрылось бы от орлиного взора. Что же видит он?

Черную, выжженную землю, сотни мертвых тел. Пронзительный крик птицы разносится далеко и скорбно, как будто хочет орел рассказать богам о той печали, которая открылась его взору...

Длинная колонна пленных в сопровождении всадников двигалась в сторону крепостных ворот. Теперь и эти гордые воины изведали всю горечь поражения; изведают они и тяготы пленя.

Усталые победители возвращались в город, к своим сгоревшим домам, к своим измученным семьям. Но какой бы тяжелой ценой ни далась победа, ничто не в силах уничтожить ее радости. Победа исцеляет самые тяжелые раны, в то время как поражение способно убить и уцелевшего.

Впрочем, был среди пленников человек, не павший духом, не утративший воинского запала. Правда, человек этот был мальчиком. Слиш-

ком гордый, чтобы сдаться вот так, без сопротивления. Слишком отважный, чтобы ценить свою жизнь выше собственной чести.

Это был Ширван. Он находился в армии, потому что такова была воля его отца: сын Аурангзеба должен вырасти великим воином. Теперь его тащили за руку вслед за прочими пленниками. Мальчик не плакал, не кричал; он молча упирался, пытаясь вырваться. Воин, поймавший мальчишку, не бил его, просто волок за собой. Если бросить такого одного в степи, то, пожалуй, погибнет, отстав от своих.

Изловчившись, Ширван впился зубами в его руку. Воин мгновенно рассвирепел, схватил строптивца за волосы, гаркнул:

— Я тебе голову отрежу!

И осекся: на него упала тень всадника. Поднял голову — Траванкор. Бездесущий Траванкор. Его видели в десятках мест на поле брани, и везде он появлялся вовремя. Спасал от неизбежной гибели, направлял людей туда, где они были необходимы, успевал подставить щит под смертоносную стрелу или меч под падающий на воина удар вражеского клинка.

Теперь он вновь возник возле того, кому требовалась помощь.

— Эй, стой! — Траванкор повелительно поднял руку. — Что это ты делаешь? Я не сражаюсь с детьми. Давай-ка его сюда...

Сидя за спиной полководца, Ширван въехал в Патампур. В крепости есть у мальчишки верный друг — Рукмини. Когда-то этот ребенок помогал девушке переносить печали плены; теперь настала очередь Рукмини помочь своему прежнему дружку. Да и Светамбар Ширвану обрадуется. Все-таки некоторое время конь принадлежал ему.

* * *

Когда статуя Кали упала и рассыпалась на куски, Конан подбежал к ней. Он искал тело Гаури. Он не верил, что девушка могла сгореть. Если бы она посвятила себя темным силам — тогда она, несомненно, погибла бы вместе с духом, который завладел ее плотью. Но Кали проделала свой дьявольский трюк, не спросив у Гаури согласия. И, значит, остается хотя бы малая возможность того, что Гаури осталась жива.

И точно! Из развалин послышался стон, и оттуда, с трудом опираясь на локти, выбралась девушка. Она была почти совершенно обнажена, ее волосы обгорели, веки покраснели от жара, губы растрескались.

— Боги! Конан! — прошептала она, когда киммериец наклонился над ней.

Северянин бережно поднял ее на руки.

— Гаури, — сказал он и пригладил ее волосы. — Ну вот, ты и вернулась.

Она удивленно заморгала.

— Что значит — «вернулась»? Где же я была? И как здесь оказалась?

— Долгая история, Гаури... Главное — теперь ты в безопасности... — Киммериец отнес ее в сторону от горячих руин и уложил на прохладную траву. Затем оглянулся. Ему что-то почудилось...

— Что случилось? — настойчиво спрашивала его девушка. — Почему я здесь, с тобой, да еще в таком виде?

— В тебя вселились злые духи, Гаури, — сказал Конан серьезно. — Мне пришлось сражаться с тобой. Я боялся, что повредил тебе, но ничего другого поделать было нельзя. Любой ценой требовалось освободить тебя от дьяволицы, иначе она вырвалась бы в мир людей и причинила много зла... Это долгая история. Если ты погедешь со мной, у нас будет время обсудить подробности.

— Поехать с тобой? — Гаури удивлялась все больше и больше. — А куда ты направляешься?

— На юг Вендии — для начала. Потом, может быть, в Кхитай. А может, вернусь к морю Видайет. У меня остались там интересные дела... — Конан отвечал рассеянно и все время озирался по сторонам.

Гаури сердито нахмурилась:

— Куда ты смотришь?

— А? Да так... Мне чудится... одна любопытная штука. Давай-ка вместе глянем.

Он подошел к развалинам и палкой начал оттаскивать в сторону камни. Так и есть, блеснуло золото! Ему не почудилось. Гаури, опустившись на колени, помогала варвару изо всех сил. Теперь, когда дьяволица оставила тело девушки, сил у нее стало гораздо меньше.

Они отвернули еще несколько камней, и перед ними открылась сокровищница храма.

— Вот это да! — воскликнул Конан. — Пожалуй, у меня пропала всякая нужда штурмовать Калимегдан. Все, чего я так хотел, находится прямо у меня перед носом.

— А ты не боишься проклятия? — боязливо спросила Гаури.

Киммериец засмеялся.

— Да я сам — ходячее проклятие! Нет, Гаури, я не боюсь мертвых демонов. Особенно — тех, кого отправил в ад собственными руками.

— Кали — богиня, не демон, — серьезно произнесла Гаури.

— У Кали очень много сущностей, — сказал Конан. — И одна сущность часто не знает, что поделывает другая. Так ты поедешь со мной, Гаури?

Девушка задумалась.

— Мне трудно решиться вот так, сразу, изменить свою жизнь, — призналась она.

— Твоя сестра выходит замуж за правителя Патампуря, — сказал Конан. — Твой брат, когда злые чары оставят его, — а я думаю, это уже случилось, поскольку демоницы больше нет среди нас, — просто мальчик. Он вырастет и станет воином. Что ты будешь делать?

— Наверное... выйду замуж, — неуверенно произнесла Гаури.

— За кого? Человек, которого ты любила, мертв... — жестоко произнес Конан.

Гаури заплакала.

Конан провел ладонью по ее щеке.

— Не стоит. Он был одним из лучших, с кем сводила меня судьба, и сейчас, несомненно, мой бог Кром уже наливает ему полную чашу хмельного меда... Поедем со мной, Гаури! Если ты не захочешь, я и пальцем к тебе не прикоснусь... Впрочем, пока в твоем теле обитала демоница, мы с тобой не раз... гхм...

Гаури густо покраснела, а киммериец оглушительно захохотал.

— Это правда? — выговорила наконец девушка.

Конан пожал плечами.

— Что считать правдой? На этой земле очень много странного творится, дорогая Гаури. Можешь считать правдой то, что тебе больше по сердцу. Так ты поедешь со мной? Спрашиваю в последний раз.

— Да, — сказала девушка.

— Отлично! — воскликнул Конан. — В таком случае, помоги мне увязать все эти блестящие штучки в большой узел.

— А что я надену? — спросила Гаури. — Я думала, ты отдашь мне свой плащ.

— Нет, в плаще поедут наши с тобой драгоценности... А тебе придется покрасоваться голеницкой. Пока мы не приедем куда-нибудь, где можно будет купить для тебя приличную одежду: щит и шлем. Щитом ты можешь прикрывать...

Он не договорил: Гаури со смехом ударила его кулаком в бок.

* * *

Разбитый, опечаленный, Аурангзеб сидел в походном шатре в двух переходах от Патампуря. Смотрел на своих воинов и не видел их. Плавал мыслями далеко-далеко...

Сил у него не оставалось. Не хватало их даже на то, чтобы обдумывать: как поступать дальше. Уходить? Задержаться и попробовать закрепиться? Собрать новое войско и вернуться? Хотелось закрыть глаза и заснуть на солнышке, как это делают старики... Но Аурангзеб не мог позволить себе этого. И продолжал оставаться неподвижным, сосредоточенным, хмурым. Пусть

люди видят, что владыка погружен в думы, — людям этого зрелица довольно, чтобы не бунтовать и не разбегаться.

Он все-таки задремал — с открытыми глазами. На мгновение он погрузился в сон, и в этом сне виделось ему, будто он — орел, взирающий на степи свысока, и все ему видно далеко-далеко: и селения, разбросанные вдоль извилистой реки, и холмы, поросшие зеленым кустарником, и пасущиеся стада, и мчащиеся по пригибающейся траве табуны лошадей, и густые заросли, и белые стены древних городов... Все-все ему видно... И понял он, как безумно любит эту землю, как яростно не хочет уходить отсюда...

Кто-то подошел к владыке Калимегдана. Усилием воли Аурангзеб открыл глаза. Он был еще жив, но время его завершилось, и он знал об этом — знал даже лучше, чем его убийца, какой-то безымянный воин с кинжалом в руке.

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

**КОНАН
И ВОИН ИЗ ПРОРОЧЕСТВА**

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Андрей Мартынов*

Серийное оформление: *Дмитрий Виземский*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс» 190121, г. Санкт-Петербург,

Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО « Типография издательско-полиграфического
объединения профсоюзов Профиздат»,
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевояна, д. 25

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и тень ветра	КОНАН и принц зинтары	КОНАН и землюзано пустыни	КОНАН и духи гор	КОНАН и скотинка тарантини	КОНАН и кирпичи из кир	КОНАН и умница человиц	КОНАН и странники морей	КОНАН и путь героев
73	74	75	76	77	78	79	80	81
КОНАН и кавалер асса	КОНАН и пираты шампини	КОНАН и ледион зары	КОНАН и племя вождяни	КОНАН и гроб велики	КОНАН и чисть империи	КОНАН и месть бла	КОНАН и камень желания	КОНАН и волны башни
82	83	84	85	86	87	88	89	90
КОНАН и калита варвара	КОНАН и сконч мага	КОНАН и золотая планета	КОНАН и лягушка ламутия	КОНАН и ярость тхедиев	КОНАН и тайна песков	КОНАН и фар тланумана	КОНАН и позда обреченные	КОНАН и чары колдуньи
91	92	93	94	95	96	97	98	99
КОНАН герой хайбория	КОНАН и чёрное солнце	КОНАН и младенчес кая	КОНАН и патока сна	КОНАН и ритуал луны	КОНАН и земя стонов	КОНАН и темный соколик	КОНАН и клыки асуры	КОНАН и суд ботинки
100	101	102	103	104	105	106	107	108
КОНАН и цит вездами	КОНАН и лизи ахорона	КОНАН и кровавый остров	КОНАН и демоны степей	КОНАН и чародей юда	КОНАН и зеваки камни	КОНАН и красное братьство	КОНАН и глаз шакка	КОНАН и цепь обратная
109	110	111	112	113	114	115	116	117
КОНАН и фонтан жизни	КОНАН и река забвения	КОНАН и дамы дикрей	КОНАН и земля приморов	КОНАН и оракул смерти	КОНАН и слепые жрец	КОНАН и землюзано шамадун	КОНАН и морок чадри	КОНАН и круг времён
118	119	120	121	122	123	124	125	126
КОНАН и дочь аргунов	КОНАН и улас харни	КОНАН и пылающий шема	КОНАН и зыряющие сиританщи	КОНАН и вонючий прорицатель				
127	128	129	130	131				

ISBN 5-17-041428-5
9 785170 414284

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС